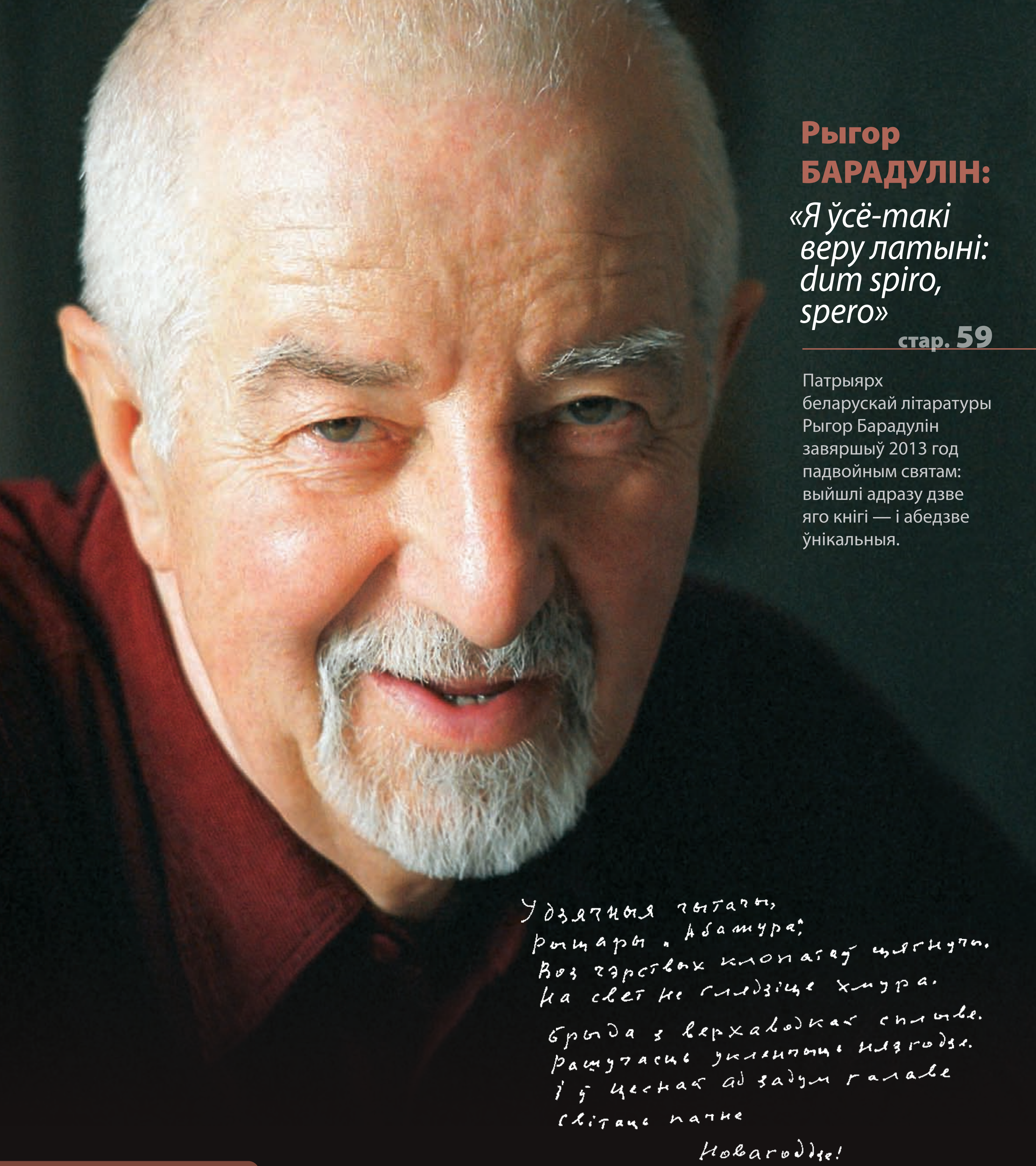

Рыгор БАРАДУЛІН:

«Я ўсё-такі веру латыні: dum spiro, spero»

стар. 59

Патрыярх беларускай літаратуры Рыгор Барадулін завяршыў 2013 год падвойным святам: выйшлі адразу дзве яго кнігі — і абедзве ўнікальныя.

Удзячныя чытачы,
рыцары «Абажура»!
Воз чэрствых клопатаў цягнуць.
На свет не глядзіце хмура.
Бруда з верхаводкаў сплыве.
Расчуласць ухліпыцца нязгодзе.
І ў цесных ад задум галаве
Світаць пачне
Навагоддзе!

Рыгор Барадулін

абажур
ГА «БЕЛАРУСКАЯ АСАЦЫЯЦЫЯ ЖУРНАЛІСТАЎ»
THE BELARUSIAN ASSOCIATION OF JOURNALISTS
№ 7 (103) 2013

ТРЫМАЙСЯ ПРАЎДЫ

Наш калега Аляксандр Тамковіч адсвяткаваў 50-гадовы юбілей, падараваўшы свету новую кнігу!

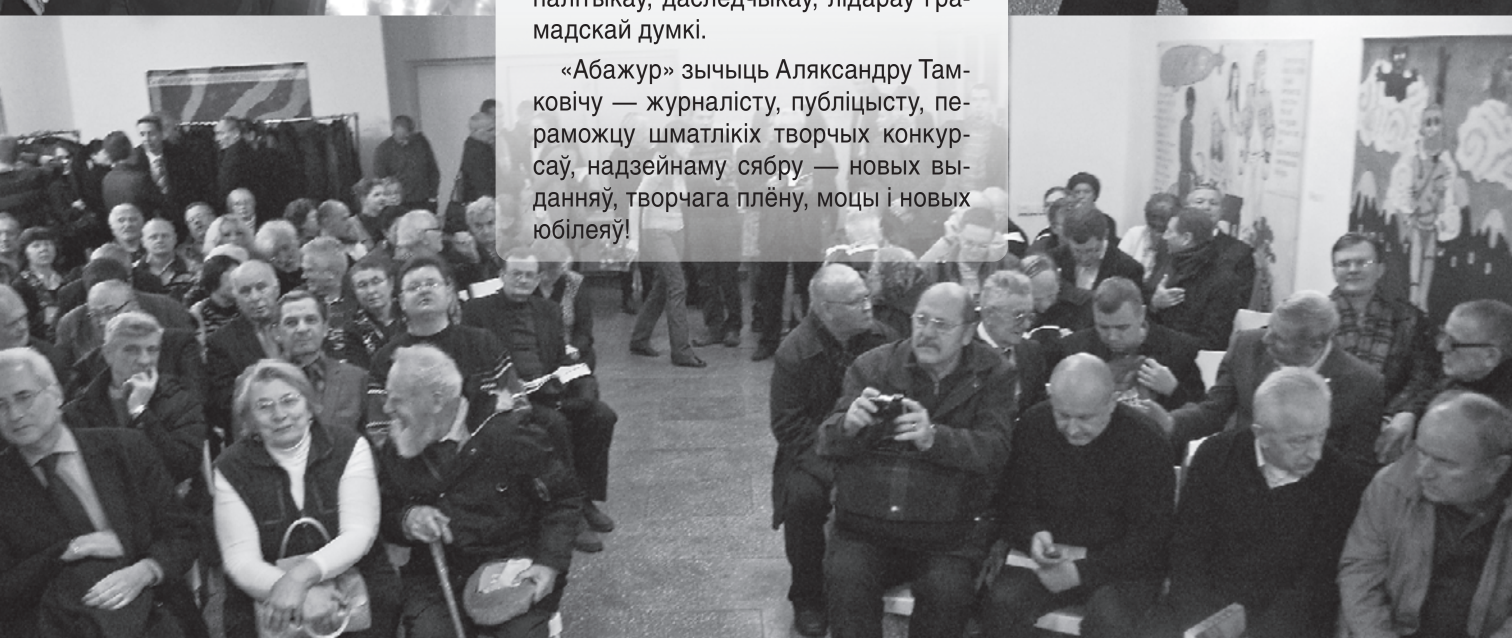
— «Найноўшая гісторыя ў асобах» — палітычныя нарысы пра вядомых у Беларусі і за яе межамі людзей, якія на працягу апошніх гадоў мелі самае непасрэднае дачыненне да сучаснай гісторыі нашай краіны. У выданне, што змяшчаецца больш чым на 700 старонках, увайшлі не толькі біяграфічныя звесткі герояў, але і аналіз ролі кожнага з іх у развіцці краіны, — кажа Аляксандр Тамковіч.

Кніга атрымалася таксама юбілейная — дваццатая па ліку.

Прэзентацыя выдання сабрала разам герояў нарысаў — вядомых палітыкаў, даследчыкаў, лідараў грамадскай думкі.

«Абажур» зычыць Аляксандру Тамковічу — журналісту, публіцысту, пераможцу шматлікіх творчых конкурсаў, надзейнаму сябру — новых выданняў, творчага плёну, моцы і новых юбілеяў!

абажур
ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў»
The Belarusian Association of Journalists
ТРЫМАЙСЯ ПРАЎДЫ!

Выдавец: ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў»
Перыядычнасць: 1 раз у 3 месяцы
Выдаецца са снежня 2000 г.
№ 7 (103) 2013 г.

Галоўны рэдактар
Уладзімір Барысавіч Дзюба

Фота на вокладках —
Генадзя Верацінскага (1-я вокладка)
Уладзіміра Шарнікава (апошняя)

Выданне зарэгістравана
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь,
рэгістрацыйны № 833 ад 04.12.2009 г.

Падпісана да друку 5.12.2013 г.
Дата выхаду 5.01.2014 г.
Фармат 60x84/8.
Папера афсетная.
Друк афсетны. Ум. друк. арк.
Наклад 600 асобнікаў.
Заказ №
Распаўсюджваецца бясплатна.

Адрас рэдакцыі:
220030, г. Мінск,
вул. Камсамольская, 7–32.
Тэл./факс: (017) 203-63-66,
(029) 126-70-98
E-mail: abajur@baj.by,
baj@baj.by
Сайт: www.baj.by

Друкарня ТАА «МЕДЫСОНТ»
ЛП № 02330/0552782 ад 01.10.2010 г.
Адрас: 220004, г. Мінск, вул. Ціміразева, 9.
Тэл.: (017) 203-74-10, 203-53-41,
(029) 623-74-10
medisont@gmail.com
www.medisont.com

У сярэдзіне лістапада ў Мінску беларускім журналістам прэзентавалі другі па ліку Індэкс свабоды медыя Усходняга партнёрства — рэйтынг, які вызначае ступень захавання асноўных правоў і свабод журналістаў у рэгіёне.

Беларусь на апошнім месцы

ў рэйтынгу свабоды прэсы ў краінах Усходняга партнёрства

Першы выпуск ахопліваў перыяд з красавіка па чэрвень, другі — з ліпеня па верасень 2013 года. У абодвух наша краіна заняла апошняе месца. Не змянілі гэтага сумнага раскладу нават кастрычніцкія прэзідэнцкія выбары ў Азербайджане — краіне, якая традыцыйна «спаборнічае» з Беларуссю за месца ў «хвасце».

Зводны Індэкс рыхтуе міжнародная грамадская арганізацыя «Internews-Украіна» пры падтрымцы Еўрасаюза. У працэсе даследавання адбываецца анкетаванне дзесяці медыяэкспертаў у кожнай з шасці краін Усходняга партнёрства — Азербайджане, Арменіі, Беларусі, Грузіі, Малдове і Украіне. Эксперты ацэньваюць стан свабоды СМІ, выстаўляюць краінам пэўныя балы па чатырох блоках пытанняў — «Палітыка», «Практыка», «Тэлерадыёвяшчанне», «Інтэрнэт і новыя медыя». На падставе сумы балаў ствараецца Індэкс.

«Зразумела, ёсць шмат розных індэксаў, рэйтынгаў, якія складаюцца міжнароднымі структурамі. І ва ўсіх іх Беларусь стаіць на апошніх месцах, — кажа намеснік старшыні ГА «БАЖ» Андрэй Бастунец, які традыцыйна прэзентуе Індэкс беларускім журналістам. — Умовы дзейнасці журналістаў у розных краінах свету моцна адрозніваюцца, і чым большы індэкс, тым ён больш суб'ектыўны. Але тут мы параўноўваем сітуацыю ў краінах, дзе адносна нядаўна існавала аднолькавая заканадаўчая база, і таму супастаўляць можна даволі адэкватна. Да таго ж адметнасць гэтага Індэкса — у тым, што яго складалі самі медыяэксперты ўнутры кожнай краіны. Гэта ўжо не ацэнка звонку, а своеасаблівая самаацэнка».

Паводле Андрэя Бастунца, становішча ў беларускай медыясферы за перыяд даследавання практычна не змянілася. «Магчыма, таму што ў нашай краіне не адбываецца ніякіх электаральных кампаній», — мяркуе юрыст.

«У нашай сітуацыі наўрад ці магчыма гаварыць пра лібералізацыю, — зазначае намеснік старшыні ГА «БАЖ» Аляксандр Старыкевіч. — Мелі месца затрыманні журналістаў» (за гэты год на сярэдзіну лістапада падобных выпадкаў налічвалася ўжо 45).

Даследаваны перыяд таксама вызначыўся больш актыўным пераследам інтэрнэт-каментатараў і блогераў. «Гэта пакуль што кропкавыя справы, але відавочна, што ўлада надае больш увагі падзеям у інтэрнэце. Па сутнасці, зменаў у стаўленні ўладаў да незалежнай прэсы не адбылося. Можна прагназаваць, што, чым бліжэй будзе наступная прэзідэнцкая кампанія, тым мацнейшыя будуць рэпрэсіі супраць грамадска-палітычных СМІ», — адзначае Аляксандр Старыкевіч.

Што да агульнага рэйтынгу шасці краінаў, то за перыяд з красавіка па верасень месцамі памяняліся Грузія і Малдова. Паводле ацэнак экспертаў, цяпер сітуацыя ў Малдове лічыцца найбольш спрыяльнай з усіх краін Усходняга партнёрства. Грузія — на другім месцы, на трэцім — Арменія, на чацвёртым — Украіна, пасля ідуць Азербайджан і Беларусь.

Замеры Індэкса будуць ажыццяўляцца штоквартальна на працягу двух гадоў у кожнай краіне Усходняга партнёрства.

У межах згаданага праекта працуе сайт — www.mediafreedomwatch.org, які інфармуе пра падзеі і працэсы, што адбываюцца ў краінах Усходняга партнёрства ў сферы свабоды СМІ.

Паводле прэс-службы БАЖ
Фота Сяргея Грыца

Кнігі на плошчах яшчэ не паляць.

Але забараняюць друкаваць

Вышэйшы Гаспадарчы Суд Беларусі згадзіўся з рашэннем Міністэрства інфармацыі прыкрыць выдавецтва «ЛогвінаЎ».

Міністэрства інфармацыі адклікала ліцэнзію выдаўца Ігара Логвінава «ў сувязі з дапушчанымі грубымі парушэннямі заканадаўства аб ліцэнзаванні». Так значыцца ў паведамленні пра спыненне ліцэнзіі на выдавецкую дзейнасць, падпісаным першым намеснікам міністра інфармацыі Ліліяй Ананіч.

Падставай для жорсткай кары стаў выпуск выдавецтвам вядомага альбома «Прэс-фота Беларусі 2011», які суд Ашмянскага раёна прызнаў экстрэмісцкім 18 красавіка 2013 года.

Асобнікаў знакамітага альбома амаль не знайшлося ні для судоў, ні для следства — увесь наклад, за выключэннем малой рэшты, сканфіскаванай на мяжы, разышоўся па аматарах дакументальнага і мастацкага фота, мастацтвазнаўцах, рэпарцёрах і заўзятарах цікавай інфармацыі. «ЛогвінаЎ» не камплектаваў гэты альбом, не меў дачынення да конкурсу «Прэс-фота», але выдатна зрабіў выдавецка-друкарскую працу, як і ў дзясятках і сотнях іншых кніжных праектаў.

Прысуд выдавецтву «ЛогвінаЎ» — гэта прысуд літаратуры, якаснай працы і іміджу сучаснай Беларусі, упэўненыя лідары грамадскай думкі ў Айчыне і за мяжою.

У падтрымку выдавецтва напярэдадні лістападаўскага разбору справы ў Вышэйшым Гаспадарчым Судзе выказаліся 10 арганізацый з 10 еўрапейскіх краін. Больш за шэсць тысяч подпісаў пастаўлена пад анлайн-петыцыяй з патрабаваннем спыніць пераслед.

Пісьменнікі Украіны распаўсюдзілі адкрыты ліст, у якім падкрэсліваюць: «Нас, прадстаўнікоў суседняй літаратуры, не можа не хваляваць збядненне літаратурнага поля Беларусі, якое абавязкова настане з прычыны зачынення ўплывовага выдавецтва. Нагадаем, што "ЛогвінаЎ" публікуе выдатныя творы мастацкай літаратуры, а таксама альбомы па мастацтве, якія фармуюць культурны ландшафт краіны. Выдавецтва, шырока вядомае ва Украіне, становучы ўплывае сваёй дзейнасцю на імідж Беларусі, прэзентуе сваю краіну як культурную і літаратурную еўрапейскую дзяржаву з насычаным грамадскім і прыватным жыццём».

Міжнародная асацыяцыя выдаўцоў патрабуе вярнуць Логвінаву ліцэнзію. «Умяшанне ўладаў у легальную працу выдаўца не можа быць абгрунтаванае, і сама ідэя ліцэнзавання дзяржавай выдавецкай дзейнасці з'яўляецца абразлівай», — зазначае міжнародная арганізацыя.

Пісьменнік Уладзімір Арлоў падчас выступу ў Вышэйшым Гаспадарчым Судзе падкрэсліў, што

пазбаўленне выдавецтва «ЛогвінаЎ» ліцэнзіі — страта для культуры, літаратуры і беларускага чытача. «Выдавецтва з'яўляецца адным з лідараў па выпуску мастацкай літаратуры на беларускай мове. Больш за 50 % выдадзеных за 14 гадоў існавання "ЛогвінаЎ" кніг выйшла па-беларуску. Гэта важкі ўнёсак у нашую беларускую культуру. "ЛогвінаЎ" — лідар у выданні перакладной літаратуры. Нядаўна выдавецтва выпусціла чатырохтомнік Нобелеўскага лаўрэата Чэслава Мілаша. "ЛогвінаЎ" — гэта больш чым выдавецтва. Яно зладзіла сотні прэзентацый сваіх кніг і арганізавала шмат іншых мерапрыемстваў і культурных акцый», — тлумачыць Арлоў.

Філосаф і літаратар Ігар Бабкоў падкрэслівае, што «ЛогвінаЎ» адпачатку не прэтэндаваў на статус камерцыйнага праекта, паставіўшы культурную і асветніцкую місію вышэй за бізнес-прыбыткі. «Звесткі пра пазбаўленне ліцэнзіі страшна ўсіх здзівілі, — казаў Ігар Бабкоў Вышэйшаму Гаспадарчаму Суду. — Гэта праект, які знаходзіцца ў самым сэрцы культуры. Яны навідавоку — і выдавецтва, і кнігарня "ЛогвінаЎ", дзе можна пабачыць усе гэтыя кнігі. І ўсе ведаюць, што ніякіх грошай з гэтага не зарабляецца».

За час існавання выдавецтва «ЛогвінаЎ» выпусціла ў свет 700 найменняў кніг. Нядаўна яно распачало новую серыю «Я кнігу маю». У планах былі 100 тамоў беларускіх твораў, напісаных вядомымі і напаўзабытымі айчыннымі творцамі за 500 апошніх гадоў.

«Калі б я быў цынікам, то сказаў бы, што пазбавіць ліцэнзіі выдавецтва "ЛогвінаЎ" выгодна абодвум бакам. Міністэрства інфармацыі паставіць "птушачку" за "барацьбу з экстрэмізмам", а выдавецтва атрымае хвалю салідарнасці і прамоцыі, якую б, можа, і не заслужыла сваёй чарнавой працай. Але пацярпелай у гэтай сітуацыі будзе беларуская літаратура — усе гэтыя паэты, філосафы, літаратары, якія ніколі не змогуць выдаць сваю кнігу і сустрэцца са сваімі чытачамі», — заўважае Ігар Бабкоў.

Выдавец Ігар Логвінаў не выказвае крыўды міністэрскім ды судовым чыноўнікам — які ў тым сэнс? Ён спадзяецца знайсці спосаб працягнуць справу, якой захоплены і ў значэнні якой упэўнены. «Я займаюся сучаснай беларускай літаратурай. Гэта, канечне ж, некамерцыйны праект. Ён даволі рызыкоўны з пункту гледжання бізнесу, але вельмі ўдзячны. І мяне ведаюць не як выдаўца коміксаў ці кніг маскульту, а як чалавека, які займаецца значнай для беларускіх пісьменнікаў і літаратурнага працэсу справай, — тлумачыць Ігар Логвінаў. — Выбар наш просты — цікавыя аўтары. Воляй лёсу так склалася, што большасць з іх — у апазіцыі да сённяшняй улады. Але і малаверагодна, што пісьменнік, лаяльны да ўлады — не важна якой: беларускай ці якой іншай, — можа быць цікавым. Літаратура — рэч тонкая, і найбольш выбітныя творы з'яўляюцца на мяжы нязгоды, барацьбы, пошукаў чагосьці іншага».

«Ні ў якай краіне свету няма ніякіх абмежавальных мераў для кнігавыдавецтва: ні іспытаў, ні ліцэнзій. Толькі ў нас. Гэта нашыя мясцовыя глупства і недальнабачнасць», — зазначыў Ігар Логвінаў на хвалях «Радыё Свабода».

Па матэрыялах беларускага друку
Фота: Вадзіма Заміроўскага

Алесь ЗАЛЕЎСКІ

Па сто!

Хто з калегаў хоць раз не задумваўся над зменай прафесіі?

Крызіс напаўзаў паступова, яго радыкальныя развязанні спелі, але іх было зашмат, каб спыніцца на нечым адным.

Палітычны «навіншчык»! Цынізм з'ядаў: працуеш па раскладцы «тры па трыццаць»: 30 % павінна быць і амаль заўсёды бывае ЗА, 30 % — СУПРАЦЬ, 30 % — «балота». З гэтай формулы ты ведаеш народ, ведаеш, пра што ён думае і чым жыве. Чаму? Бо ты ўсведамляеш з дакладнасцю на 80 %, што табе адкажуць палітыкі ці эксперты падчас інтэрв'ю. А каму, як не ім, рэтранслятарам і аналітыкам думак электарату, ведаць пра ягонае жыццё?

Больш за тое, заўважаеш раптам, што дзень за днём ты прамаўляеш тыя ж самыя навіны, нічога новага ў краіне не адбываецца. І найгорш — ты гэтыя навіны прэзентуеш асабіста. Паступова пачынаеш заўважаць, што не шчыры з гледачом. Бо як ты гэта павінен казаць з надзвычай важнай мінай, калі ў рэальнасці ведаеш, што да нічога новага ды няпройдзенага апошнія «заявы-ўказы-пасадкі» не прывядуць?

Ты ўсведамляеш, што стаўся апошнім цынікам, але пры гэтым не лічыш сябе наіўным, а смяешся з тых, хто яшчэ не дайшоў да «праўды жыцця».

Журналіст у полі — гэта можа быць і літаральна

Карацей, з матывацыяй працягваць справу было туга.

Вырашыў узяць, прынамсі, паўзу, каб зразумець праз іншых сваё месца пад небам. У практычным плане — чаму б не паездзіць па краіне ды не паглядзець на зоркі? У праліхтараным і прарэкламаваным горадзе гэта нерэальна, асабліва калі пазіраеш на іх з офіснага акна.

Яны цябе бачаць, ты іх — ані.

Пасля працяглых размоваў з дырэкцыяй спакаваў чамаданы і выйшаў са студыі.

Аператар пад бокам, матор гудзіць, едзем у Беларусь. Куды? Ды вазьмі якую заўгодна перапрацаваную інфармушку з агенцыі, што чытаў са студыі, — спраўдзі, як ёсць насамрэч.

І спраўдзілі на момант выхаду «Абажура» каля 20 разоў: ва Усходняй, Заходняй, Паўночнай ды

Паўднёвай Беларусі. У гарадах, вёсках, хутарах ды лясах. Пражылі дзень, прынамсі, са ста героямі. Як калісьці называў іх у студыі, з «шараговымі грамадзянамі».

Вось і выйшла.

Аказваецца, падзел Заходняя — Усходняя Беларусь існуе. Ментальны, эканамічны, палітычны.

Сістэма адна, прагнілая наскрозь, і ва ўсялякай іншай краіне разваліласяб яна горай, чымся ў Егіпце. У практыцы гэтая сістэма трымаецца не на сілавіках і вертыкалі, а на людзях, якія не хочуць нішчыць. Нават тое, што само на вачах разбураецца. Усе падрыхтаваныя да таго, што пры трошкі мацнейшым ветры каркас абваліцца. Ну і няхай, ніхто пад тым каркасам ужо і так не жыве, кожны здабыў сваё ці прывык у сваім закуточку.

Сялянскі клопат журналісту варта ведаць і навобмацак

Першая розніца: у Заходняй Беларусь здабыў, а ва Усходняй — прывык. Абагульнена, але кажу пра 100 герояў.

Незалежна ад рэгіёна — татальны занепад вясковай гаспадаркі. У кожнай вобласці можна па пальцах пералічыць «флагманаў», некаторым яшчэ даюць шалёныя датацыі, і высілкаў хапае на вонкавы рабочы выгляд. Рэшта — незамуфляваны трэш, сацыяльная і эканамічная яма без святла наверсе. У адным раёне, дзе мы здымалі, у найбольшым калгасе працуе толькі тры механізатары. Астатнія ці спіліся, ці з'ехалі ў Расію.

У фактах безгаспадарчасці варта ўпэўніцца на свае вочы

Розніца толькі ў тым, што ў заходняй частцы краіны ідзеш па вёсцы і цябе акаляюць дагледжаныя дамы, разбудаваная прыватная гаспадарка. На ўсходзе людзі і зладжанае імі наваколле часта дажываюць свой век.

«Тры на трыццаць» — найбольшае глупства, якое мы самі сабе прыдумалі. Так Мінск глядзіць на Беларусь. А на Мінск пазіраюць некаторыя з надзеяй, некаторыя — з падазрэннем. Бо ведаюць: калі і прыходзяць на іх падворак праблемы (нішчыць свіней, забараніць прыгнаць іншамарку і г. д.), то са сталіцы.

Тыя, хто ад Мінска чакае праблемаў, з табой пачнуць шчыра размаўляць на трэцяй гадзіне знаёмства. Вядома, пасля таго як запісаў, паздымаў свой матэрыял. Толькі тады даведваешся, што «мы часта вітаемся тут са сваімі воклічам "жыве Беларусь!"» ці «каб хто сігнал даў, КАЛІ?».

Са ста герояў не сустрэў ніводнага заўзятага прыхільніка Лукашэнкі. Але аператар кажа, што яны ёсць. Пабачым далей.

А далей — не пралічыць. Першы сцэнар для запланаваных здымак пішаш перад ад'ездам. Пасля карэктуеш яго пад асноўны, пабываўшы ў трох з чатырох герояў рэпартажу. Прыязджаеш да таго чацвёртага — і ўсё наноў. Аказваецца, у расповедах пра яго нават суседзі засноўваліся на стэрэатыпах і чутках, а пра сапраўднае жыццё героя і блізка не ведаюць.

А герой — узорны бацька, муж і супрацоўнік самавітай фірмы. Можа, і добра, што папярэдне пра тое не ведалі — усцераглісяад зайздрасці. Прасцей паставіць штамп на асобе і пакласці ў шуфляду сваёй сістэмы светапогляду.

Задаешся пытаннем, чаму так сталася з намі. Мо ў нармальнай сітуацыі, калі былі б разгалінаваныя па ўсіх гарадах незалежныя медыі, іншыя сродкі камунікацыі, мы ведалі б пра сябе больш? Адпаведна, «тры на трыццаць» скаліся б у адзінае?

Не ведаю. Пабачым далей…

Фота аўтара

Эксперты — люди, а не «термометры»

Марина БЕЛЯЦКАЯ

Их фамилии и номера телефонов есть в каждой редакции, они — палочка-выручалочка на любой объем знаков: всегда ответят, разъяснят, выскажутся, а то и колонку напишут. Что они думают о прессе, с которой так щедро делятся суждениями? Вот вопрос!

— Эй, лягушка, ну как там водичка, теплая?

— Я, между прочим, здесь как женщина лежу, а не как термометр!

Чудный этот диалог в какой-то мере — об экспертах СМИ. О нашем к ним отношении. Мы у них постоянно спрашиваем — то о политическом градусе, то о финансовом, то об общественном. Даже на приемах пристаем, салат дожевать не дадим! Эксперт для нас — и «градусник», и генератор любопытных версий в своем тематическом секторе: он много знает «для печати», но самое интересное может сказать не для нее.

Вот чем только ни разу не интересовались репортеры, так это мнением экспертов о нас самих. А им, знаете ли, есть что сказать.

Может, позвоним? Нам, без сомнения, не вредно будет услышать.

Открываем телефонную книгу с полезными номерами и смотрим на «А»:

Абрамова Ольга Михайловна

Таких универсально (или в своей сфере) «подкованных», но, главное, абсолютно безотказных для прессы комментаторов можно насчитать в целой нашей стране не более десяти. Ну плюс-минус еще пять человек с учетом превратившихся в экспертов журналистов-аналитиков или бывших чиновников. Ольга Абрамова знает много интересного: долгое время заседала в Верховном Совете и потом — в нижней палате Национального собрания.

Звоним. На сей раз о законотворчестве не спрашиваем.

— Хотите что-нибудь сказать о журналистах?

— Хочу — и с удовольствием. Мои школьные учителя дружно предрекали мне карьеру журналиста. Я и сама хотела, но не сложилось. Вообще-то, я очень жалею людей вашей профессии и очень люблю.

— Почему жалеете?

— Тяжкая работа, хуже, чем камни в каменоломне дробить: много стрессов и мало благодарности. А вообще, вопрос у вас странный, никто про это никогда меня не спрашивал.

— Считайте, это — предновогодний подарок!

— Спасибо. Как там у вас поется: «Трое суток шагать, трое суток не спать...»? Как дальше?

— «...Ради нескольких строчек в газете». Забудьте про это! Никаких трех суток: нужно быстро. У репортера три минуты на три абзаца и один звонок. Я, конечно, утрирую, но в основном так. Стремительные сейчас времена.

— А если звонишь, а тебя посылают?

— Звонишь другому.

— А если и он?

— Следующему.

— Ну, ребята, вы даете. Это какие нервы надо иметь! А если серьезно, то я высоко ценю журналистику: вы избавляете людей от одиночества, рассказывая о том, что происходит вокруг. Добывать информацию в нашей стране всегда было сложно и с каждым годом все сложнее. Искусственные препоны даже включены в Закон о госслужащих, с 2008 года запрещающий чиновникам что-либо комментировать публично без санкции начальства. Так что низкий поклон тем, кто преодолевает все преграды и удовлетворяет наш информационный голод. Ведь любой голод — это источник стресса!

— Мне казалось, что за 17 лет в белорусской политике у вас были не совсем ровные взаимоотношения с прессой...

— Да, накопились всякие-разные впечатления о политической журналистике. Но независимо от того, как я относилась к тому или иному

журналисту в тот или иной момент моего участия в политике, я всегда была благодарна тем, кто не остался равнодушным к моему мнению, моим действиям и поступкам на политической сцене. Все — и критики, и сторонники, и сочувствующие (а журналисты — тоже люди со своими симпатиями) — только побуждали меня к активности.

— Вспоминаете какие-нибудь эпизоды с участием репортеров?

— Самое яркое — как раз без их участия. Был такой эпизод: я собралась присутствовать на подведении итогов второго тура парламентских выборов осенью 2000 года. Подъезжаю в 8 часов вечера к дверям окружной комиссии, а меня не пускают. Оказывается, мне нельзя присутствовать при сводном подсчете голосов! Часом позже подъезжает соперник с командой — расслабленный и торжествующий. Спокойно направляется туда же. Я стала в дверях и не пустила его. Говорю: «Раз не пустили меня — никто не войдет, и я не дам давить на комиссию!» Конкурент заявил, что он сенатор и имеет право присутствовать. А я ответила: «Я депутат Верховного Совета 13-го созыва — звание повыше будет!»

В общем, прорываться через меня соперники не решились. Так и остались стоять под дверью. Несколько часов члены той и другой команды нервно курили в ожидании результатов, потом началось стихийное братание. Сначала «наши» угощали противников сигаретами, кофе из термоса и пиццей (мы оказались более запасливыми), потом разговорились... И ни одного журналиста рядом! Какой репортаж можно было бы сделать, какие комментарии взять! А снимки! Весьма драматичный был вечер.

— А все-таки в контактах с журналистами было что-то неординарное?

— Пожалуй, да. История произошла на моих первых выборах в 1995 году. Я обратилась в редакцию газеты «Биржи и банки», принимавшей заказы на предвыборные листовки. Правая рука редактора — Светлана — приняла мой заказ на большой тираж. Здесь же мне сделали макет, потом отпечатали на пленку (с пленки изменить текст листовки невозможно, я потому и выбрала именно ее). Я завизировала окончательный вариант. На следующий день мне выдали тираж. Но в каком виде! Я не верила, что такое возможно! Мой слоган: «Одна земля. Один народ. Одна жизнь, чтобы успеть помочь людям» (я, кстати, и сейчас верю в эти слова), — был отпечатан не «лесенкой» (а это, с точки зрения политтехнологии, было важно для лучшего восприятия текста), а вообще без пробелов, как одно слитное слово. В случае с пленкой ошибка отпадает. Листовка была за ночь переверстана! Я не стала разбираться и требовать сатисфакции — во время выборов надо концентрироваться на главном. Срочно отдала листовку в другую типографию.

Тогда я впервые узнала, что журналисты бывают пристрастны. И учла это в последующем.

— А в чем причина пристрастия, по-вашему?

— Ну не нравились мои взгляды! А может, у них на моем округе был «свой» кандидат.

— Вас единственную приглашало БТ как эксперта из альтернативного лагеря. Почему?

— Потому что про выборы. Был, кстати, забавный случай из времен выборов 2000 года. Пригласили меня на телевидение, что, действительно, было большой редкостью уже тогда. И журналист Костин начал беседу со мной словами: «Здравствуйте, Ольга Абрамовна!» Сказав это, он осекся и густо покраснел. А потом, за кадром, он рассказал, как перед эфиром его инструктировал Заметалин и как бы между прочим раз пятнадцать повторил: «Ты только не назови ее Ольгой Абрамовной!» Он и назвал. Это как в анекдоте про гонца из Пизы. Помните: «Только не скажи «п... из Ганы».

— Да, смешно. Смешных снимков с вашим участием тоже достаточно в прессе. Ваше фото рядом с текстом экспертного мнения всегда было на мой вкус скучноватым, но зато в других случаях...

— Да! Фоторепортеры старались. Это вообще у меня отдельная тема: фотографии в политической журналистике. В 1996 году в «БДГ» появилось колоритное фото: я сижу, резко откинувшись назад, а передо мной красуется обширная филейная часть депутата от ОГП (он фактически лежал на столе, перевесившись через ряд, — ну... попой кверху, разговаривал с кем-то, а попа оказалась нефотогеничной). И главное: у меня на лице написано такое отвращение!

Вообще, с гримасами на газетных полосах мне везло. Однажды (это было в миссии ОБСЕ) я мирно беседовала с моим коллегой Семеном Домашем. Вдруг откуда-то сбоку выпрыгивает человек, падает на одно колено и буквально ослепляет меня вспышкой в упор! Я инстинктивно испугалась. А на снимке получилось существо с вытаращенными глазами, прижатым к шее подбородком и оскаленными зубами — ужас! Фото «любезно» опубликовала самая тиражная газета. А вот кто-то из журналистов БЕЛТА в 2005 году сделал мне подарок — фото, которым я горжусь. Там я вообще спиной стою, но вполне узнаваема. Руки за спину, поза прокурора или учителя. Передо мной лицом к лицу стоит президент. Он явно растерян. Свита смотрит на нас обоих с большим интересом. Многие, увидев это фото в газете «Рэспубліка», спрашивали, о чем мы говорили. А я просто заступила дорогу президенту после оглашения послания-2005 и спросила, почему нет никаких решений по судьбе Новосверженского лесозавода (речь шла о ситуации с ложным банкротством). Если бы я знала автора фото, я бы пожала ему руку: уникальный фотодокумент! Там президент без флера непогрешимости и всеведения.

Богданкевич Станислав Антонович

Поговорив с Ольгой Михайловной, я перевернула страницу блокнота. Эксперт на следующую букву алфавита — естественно, Станислав Богданкевич. Экономист и политический деятель, бывший председатель правления Нацбанка, профессор и автор множества научных работ.

Ряды экспертов-«чиновников» пополняются за счет таких выбывших из государственной обоймы руководителей. Это происходит не только у нас. Путин — тот даже формулу вывел для своих «коллег»: кто, мол, не согласен, тот может отправиться «в эксперты», как некогда Кудрин. И такие эксперты на вес золота.

— ***Не надоели мы вам?*** — спрашиваю.

— Я всегда отвечаю на вопросы, если мне звонят, — ответил банкир весьма дипломатично.

— ***А что вы думаете о тех, кто звонит, о журналистах?***

Станислав Антонович хотел было отказаться от разговора на эту странную и для него тему. И даже уже произнес слово «отказ».

— ***Почему?***

— Нет у меня по этому вопросу никаких мыслей!

— ***Чтобы у вас — и не было мыслей?..***

Спустя пару минут в ходе легкой пикировки выяснилось, что мысли все-таки есть, но...

— Я и так часто мелькаю, — объяснил банкир нежелание очередной раз светиться в СМИ, да еще «не по делу». — Мне вот звонили вчера, опять с просьбой прокомментировать. Я сказал: обратитесь напрямую к Ермаковой.

— ***Неужели отказали в профессиональном комментарии?***

— Нет, я имел в виду: пусть обращаются к Ермаковой по вопросам, связанным с конкретными цифрами, процентами и так далее. А то — как это понять: действующие руководители уже совсем не выходят в СМИ, не объясняют свои действия? Например, меня журналисты спрашивают: «Почему отдельные банки подняли ставки по депозитам?» Ну почему? Как я могу сказать? Я могу прокомментировать, если пройдет 6 месяцев, когда уже можно будет как-то оценить произошедшее! А так я могу только гадать. Видимо, с ликвидностью это связано. Но это ведь я говорю: «Видимо»! Видимо, потому что на корсчете у банков нет денег! Банк кому-то дал ссуду, а тот не возвращает — и так далее. Поэтому и проблема с деньгами. Я так и ответил. Но вот главный вопрос: почему журналистам не обратиться непосредственно в банк и не выяснить ситуацию? Хотя... И мне, и журналистам известно: в банке на такие вопросы не отвечают. А вот теперь вы спросите, почему не отвечают, откуда такая закрытость. А я у вас спрошу: почему у нас вообще в газетах, на телевидении не участвуют в обсуждении каких-то важных проблем две стороны? Ну почему? Ответ, в общем-то, тут один: закрытость общества. У нас — тот же Советский Союз, только в новой реальности. Я все это помню, поскольку в советские времена был руководителем районного банка, потом 10 лет — заведующим кафедрой банковского дела... Все это вернулось из тех времен.

— ***Банкиры наши никак не хотят открыть страшную тайну золотого ключика. Как в «Буратино»?***

Богданкевич засмеялся:

— Ну да, ну да...

— ***А вы человек ироничный! По вашим высказываниям это видно.***

— Мою самоиронию в прессе воспринимают в штыки!

— ***Это как?***

— В интернете появились заявления, будто я семейный деспот!.. Это все из-за интервью. Меня спросили журналисты «Комсомолки», почему я женился второй раз после ухода из жизни первой жены. Я сказал, что женился, так как не люблю кухню — готовить на кухне не люблю. Меня, мол, надо кому-то кормить! И вообще — за мной надо ухаживать. Это так и есть — частично. Но ведь ясно, что это не главное все-таки, когда люди женятся. Я просто сыронизировал и убил двух зайцев: и ответил в чем-то искренне, и пошутил. Ведь журналисты хотят от нас именно этого: искренности и открытости! А тут началось: «Деспот!» Да нет у меня никаких проблем в семье! 20 лет живем в согласии. И с первой женой я хорошо жил, и сейчас. Пусть хотя бы это журналисты сказали, подчеркнули.

— ***Давайте я об этом сейчас напишу. И подчеркну. Я ведь видела вас в кругу семьи!***

— Да не в этом дело, чтобы еще раз писать. А в том, что просто взяли и написали: «Богданкевич женился, потому что его некому было кормить!» Можете себе представить реакцию окружающих? А как это было воспринято коллегами моей жены! В интернете тоже доброжелателей нашлось немало: капали, капали своими комментариями. В основном женщины, конечно. Которые, наверное, много знают.

— ***Нет, это, скорее, те, которым некого кормить.***

— Ну я не знаю этого, — мне показалось, трубка заулыбалась. — Да там, в том интервью, не только про кухню было. Это же был разговор исключительно о жизни, меня попросили житейское такое

интервью дать, никакой экономики и финансов. Я простодушно и рассказывал, полагая, что слова будут поняты верно. А оказалось — добавил себе «черных красок». Рассказываю о сыне: как-то к Павлу пришли его друзья школьные. И говорят мне: «Мы к Паше». А я их вроде как «отчитал»: «У меня, — говорю, — сына паши нет. Есть Павел, а не паша». Ну пошутил! Опять на свою голову. В итоге читатели решили, что я не только деспот, но и самодур: еще и Павла угнетаю. Вот, самоирония получилась углубленная. И, что главное, нет у меня претензий к журналисту: изложил все то, что я сказал.

Кстати, за все годы, что я общаюсь с журналистами (даже «правительственными»), никогда не было искажения моих слов. И потому я, несмотря ни на что, ко всем хорошо отношусь.

— А у вас, может, есть и любимчики?

— Да нет, я обычно отвечаю на четко поставленные вопросы. Вопрос — ответ. Вот и все.

— Говорят, удивить вас вопросом невозможно.

— Удивить меня можно, но ни разу не удивляли. Мне задают вопросы, зная мою профессию и мое отношение к ситуации. Бывали вопросы и иного толка, например, по поводу Мясниковича (в связи с тем, что у меня были с ним когда-то дружеские отношения). Но тут я отказался углубленно отвечать. В принципе, я дал ответ, но более детально не стал говорить, потому что считаю... это личное мое дело. Человеческие отношения — вообще сложная вещь и не всегда предмет для публичных обсуждений.

— Это правда... Можно я наш с вами разговор использую для материала?

— Пожалуйста, если вам это нужно.

— Могу во избежание недоразумений прочесть то, что получится.

— Нет. Мы тут с вами и не наговорили ничего... А чего вы боитесь?

— Я???

— Ну и отлично. Я только был бы не рад, если бы вы миллионы с миллиардами перепутали.

— А мы же обошлись без чисел большого порядка...

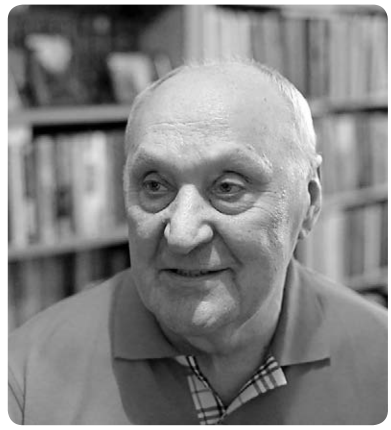
— Сейчас обошлись. А бывает, я говорю журналисту о триллионах обесцененных наших рублей, а потом читаю — цифры на порядок иные, в тысячу раз выше или ниже. Но это единичные случаи. Я даже замечания не делал, потому что массовый читатель и считать не станет, и не поймет. Люди вообще к цифрам невнимательны. У меня книга дома есть, толстая такая — «Что необходимо знать...». И там приведены значения мирового валового продукта: не 60 триллионов долларов, а 60 миллиардов! Это по всей книге прошла ошибка! И никто не замечал.

— Люди на нули не так живо реагируют, как на слова, — заметила я, имея в виду рассказанную банкиром историю про «кухню» и «пашу».

Но Станислав Богданкевич уже позабыл о неудачном «житейском» интервью и погрузился в свою стихию:

— Нет, но вы поймите, это же мировой валовой продукт!..

Гриб Мечеслав Иванович

Мечеслав Гриб у меня в блокноте не записан. Но там, где буква «Г», его визитка лежит между страницами много лет. Кому-то может показаться, что Гриб — неудачный пример эксперта. Я не соглашусь. Мечеслав Иванович — может, сам того не замечая, — во времена бурной деятельности на посту председателя Верховного Совета был бесценным кладезем информации. И позже — когда правозащитники еще на что-то надеялись, но не совсем удачно активничали, а юрист Гриб наравне с ними подвергался жесткому журналистскому «обстрелу», — он многое мог порассказать.

И главное, почему я взяла в руки его визитку: в процессе разговора с Мечеславом Грибом любой пытливый репортер и сейчас сумеет выудить для себя массу интересного.

Нажимала я на кнопки мобильного, надеясь, что номер не изменился. И Мечеслав Иванович действительно ответил — сразу и, как всегда, в отличном настроении. Он прогуливался в этот момент по берегу озера в санатории МВД «Белая Русь». Выслушал вопрос про журналистов, которые в свое время не давали ему покоя, и... стал их хвалить:

— Я твердо уверен, что СМИ являются неофициальной ветвью власти. И могут влиять на государственную власть — и законодательную, и исполнительную. Власть прессы такова, что СМИ способны добиваться освобождения от должностей чиновников и даже руководителей высокого уровня. Примеров в мире много!

— Ну... — разочарованно потянула я. ***— Мечеслав Иванович, я же серьезно спрашиваю. Мы-то в Беларуси!***

— А у нас тоже примеры можно найти, — легко переключился на родные просторы Гриб. — Но если хочешь знать мое мнение про нашу прессу, то я скажу: абсолютно свободных, независимых журналистов у нас нет. Это и в мире так. Везде. Кто-то в большей мере, кто-то в меньшей, но все находятся в зависимости: от обстоятельств, от издания, на которое рассчитана публикация, или от владельца канала, если это эфир, — словом, от тех

заказов, которые выполняются. По-другому и быть не может: журналисты — народ оплачиваемый? Или неоплачиваемый? Хотя в последнее время им немного платят (особенно у нас). И даже можно согласиться с таким расхожим мнением, что многие журналисты работают за еду… И тут уж тем более о независимости не может быть речи. Если государство своих поддерживает как-то, то остальным приходится довольствоваться… Может, я не прав? Но мне так кажется.

— Это вы к чему?

— К тому, что отсюда и вопросы журналистские формируются, и позиция репортера, и в целом сила СМИ. Нет у нас влиятельной прессы, потому что нет у нее денег. Пресса ведь дело дорогое. Но я хочу тебе сказать, что если поодиночке наши журналисты, может, и не такие уж мощные рычаги, то, когда объединятся и ополчатся, мало кто сумеет устоять против этих ударов. Только бы направление выбрали верное. И поступки бы были честные. Впрочем, я уверен, что большинство НАШИХ журналистов, несмотря на зависимость, абсолютно порядочные люди, но, как и во всякой семье, бывают разные субъекты. Есть падкие на всякие «сенсации»: им главное — дать «горячий материал», а проверен или не проверен — неважно. Главное, чтобы их читали, к ним тянулись. Есть такие, кто ради сенсации готов поступиться правдой. Или откровенно могут обманывать или умалчивать в своих каких-то целях. Ведь я судился в свое время с газетой «Свабода» и суд выиграл. Денег, правда, я с них не получил.

— Совсем?

— Совсем. И не надо мне… Так что разные бывают люди. Но хочу обратить внимание на то, что я имею в виду только свои взаимоотношения с прессой. Особенно во времена, когда я был председателем Верховного Совета. Тогда против меня было столько журналистов! Но я ведь все равно со всеми встречался, никому не отказывал, не прятался и старался быть искренним — насколько я мог, насколько мне должность позволяла, ты же понимаешь. Я уверен, что те, кто мне звонил, что-то спрашивал, выяснял, тоже понимали это. Что я честно поступаю с репортерами. Но все равно старались хоть картинкой, но поддеть-подловить и сделать фотографию смешную или некрасивую — это легко с любым. Как меня только ни фотографировали — и как-то сбоку или снизу, и такой уже я получался негативный. Вряд ли это фототворчество как-то отдельно оплачивалось…

— Просто это быстрее попадало на полосу. Вы обижены?

— Совсем нет! Я понимаю. Все это прошло, и я забыл. Но одно — не то чтобы не забыл, но не могу понять: когда я строил дачу в Ждановичах, не было отбоя от репортеров. У меня и дача-то на сегодняшний день — курам на смех. Моя дача очень скромная. Но я был просто суперпопулярен с этой своей стройкой. Чего только про нее ни сочиняли. А сейчас, смотрю, никто новыми стройками не интересуется. Понимаешь, о чем я? Но это я говорю, конечно же, тоже без обид — просто констатирую. Любопытно, да? Моя стройка была доступна, поэтому и интересовала всех. Легко было туда попасть.

— Что-то запомнилось хорошего?

— Конечно! Когда мы приняли Конституцию в 1994 году и я подписал документ по поручению Верховного Совета, журналисты тоже присутствовали, и мне это было приятно — такая публичность. Все-таки это было историческое событие. Много о нем писали, показывали, много было и слишком пафосного, я и это понимаю… Но все равно это было событие. Для меня и для страны.

— А как вы оцениваете свое время по части гласности?

— Я отвечу тебе так: все, что можно было на то время сделать для публичности и открытости власти, я делал. И с этим никто не поспорит. И поэтому, я думаю, в целом журналисты ко мне относились хорошо — просто иногда выполняли заказ. Ну и ладно. Я со всеми в основном остался в хороших отношениях. И до сих пор храню некоторые статьи, которые лично мне были созвучны и интересны. Ну и свои выступления в прессе, конечно, собрал — все это у меня в отдельной папке хранится. Все это, конечно, субъективно подобрано, но объективным же человек по определению быть не может. А вообще публикаций было так много, что все я даже и проследить не мог.

— Если вам нравятся газетные тексты и авторы, по каким критериям вы делаете свой субъективный выбор?

— Мне нравятся журналисты порядочные и честные, а это всегда видно по текстам. Вот мне Почобут нравится: и пишет он хорошо, и человек смелый. Он не друг мне, не враг и не сват. Но позиция его мне импонирует. Я вот сразу вспомнил его сейчас, когда подумал о том, что же главное для журналиста должно быть. Порядочность и смелость. Без этого никак.

— Вам много вопросов задавали, но, возможно, так и не задали тот, на который самому бы хотелось ответить?

— Неприятных вопросов в основном было много — разных. Мне всегда не очень нравились и слишком дотошные — о личной жизни (я, кстати, на них все равно отвечал — никаких секретов нет). Не по нутру, откровенно говоря, это мне было: начнут ковыряться — что, да чего, да как — не совсем скромно. Понимаю, такой подход имеет право на жизнь, но отвечать мне было тяжеловато — я по натуре-то крестьянин из деревни Дятловского района Гродненской области, там люди скромные, не принято о себе все рассказывать. А вот о чем бы я с удовольствием поговорил? Пусть бы меня спросили: «Что бы вы

хотели в жизни освоить и чего не освоили?» Я бы ответил: «Хотел научиться играть на музыкальных инструментах».

— Правда? А на каких именно?

— Да неважно: на фортепьяно или гитаре. Н-да... Поздно теперь говорить об этом! Так и не сподобился...

Повисла небольшая пауза. Потом Мечислав Иванович добавил:

— И, понимаешь, не спросил же меня про это никто!

— Ничего, еще не поздно, — вступилась было я за инструменты. И хотела еще добавить, что мне, например, и в голову бы не пришло про несбывшиеся желания именно его, Гриба, спрашивать. Но генерал не дал продолжить, перебив мое «не поздно» с заметной досадой:

— Да ладно, понимаю я! Понимаю все эти фразы, которые принято говорить в ответ в таких случаях. Вряд ли, конечно, я научусь уже, но, если вдруг это случится, я сам позвоню журналистам и, не дожидаясь вопроса, расскажу!

Мне понравилось листать блокнот и звонить без видимой цели по имевшимся там номерам. Но всем же не позвонишь, и бесконечно продолжаться «игра» в опрос экспертов не может, поэтому пришлось перемахнуть через половину страниц, чтобы добраться до буквы «К».

Калякин Сергей Иванович

Сергея Калякина обойти никак нельзя. Этот человек сам про себя говорит: хоть ночью меня подними — я отвечу! И, главное, он не врет и цену себе не набивает! Я была свидетелем, как во время демонстрации (практически последней по случаю 7 ноября) у памятника Ленину столкнулись две партии коммунистов. Чикинские бабушки с самодельными флагами чуть не устроили у подножия вождя настоящую драку, отгоняя от пьедестала «неверных пэкабэшников». Была легкая потасовка и абсолютная неразбериха. И Чикин, и Калякин пытались как-то сориентироваться, приструнить своих, построить, что ли. Калякин при этом еще и речь толкал. Бабушки-знаменосцы хотели его за это черенками своих штандартов достать, и одна даже была близка к цели. Кто-то из репортеров не придумал ничего более умного, чем именно в этот момент сунуться в толпу и прокричать вопрос, адресуя его оратору. Лично я даже не разобрала слов. Калякин же на секунду прервал выступление, мгновенно отыскал автора вопроса в толпе, на полсекунды как бы ушел в себя, посмотрел сквозь шумящую массу, потом сконцентрировался на группе журналистов и... стал вполне гладко (со смыслом и даже пламенно) отвечать!

Вот так-то: знай наших.

В общем, звоню, напоминаю этот эпизод. Сергей Иванович, естественно, не помнит — столько комментариев раздал:

— Я очень часто общаюсь с журналистами, всего не упомнишь. Но самих журналистов — тех, кто специализируется на общественно-политической тематике, прекрасно знаю. Я даже уже подстраиваюсь под некоторых, зная приблизительно, как будет делаться материал.

— Интересный подход, с таким я еще не сталкивалась.

— Не хочу называть фамилии, уверен: они сами себя узнают и, надеюсь, не обидятся, — но дело в том, что иногда я много говорю и, чтобы пояснить свою мысль, повторяюсь. А потом читаю: все, что наговорил, буквально дословно перепечатано! Ты повторил что-то несколько раз — и там эти повторы. Будто репортер боится скорректировать предложение. Это как за Лукашенко пишут: слово в слово. Даже если он глупость какую-то сморозил — печатают, как есть. И вроде не придерешься — на диктофон записано. Поэтому с отдельными репортерами я стараюсь сразу выстраивать предложения, подбирать готовые фразы, не повторяться — насколько это удается.

— И как это у вас получается на ходу?..

— Жизнь заставила. Конечно, приятнее работать с теми, кто привык обрабатывать полученную в разговоре с экспертом или политиком информацию. Им нужна только мысль. Они потом «переваривают» все, что ты наговорил, выбирают главную линию — в том ключе, который их интересует. В таком случае для них важнее не много слов, а идея, мнение, взгляд на ситуацию. С такими журналистами проще общаться: не надо напрягаться и пытаться наговорить готовый текст.

— Какие вы любите вопросы — конкретные или в общем и целом?

— Я люблю такие, за которыми чувствуется тема. И по таким вопросам всегда узнается профессионал. И потом, от качества вопросов зависит и качество наших ответов! Есть такой журналист Геннадий Барбарич. Вначале я его воспринимал не очень хорошо: он сразу как прицепится! Ему рассказываешь, а все не то! И пристает без конца: «А как это? А как это?» — такой прилипала! Я поначалу думал: ну что ты такой занудливый? Но когда я потом читал, что он пишет, я понял, зачем он

меня тормошил! Ему надо было вникнуть, понять для себя — и ситуацию, о которой идет разговор, и мою позицию. Мое отношение к Барбаричу сразу изменилось.

Еще одну фамилию назову — Владимир Глод. Вот кто знает, о чем говорит. И спрашивает — прямо в цель. За коротким, лаконичным — в несколько слов — вопросом кроется серьезная и, главное, актуальная проблема. И я сразу понимаю направление разговора. И вижу достойного собеседника. Для меня это важно. Журналист вопросами задает тон беседы. Но такие вопросы с неба в голову не придут — так ведь? Готовиться надо. И надо всегда быть в теме — не только нам, политикам, но и вам, журналистам.

— Качество вашего комментария зависит только от вопросов?

— Справедливости ради должен сказать: бывает, я просто плохо отвечал. Читаю потом и думаю: да… мог бы сказать и получше, и поострее. Несмотря на это, не люблю, когда мне дают вопросы заранее, — я предпочитаю живой разговор, а с бумажками, как правило, мертвый материал.

— Бывали с вашим участием откровенные ляпы?

— Ляпы неизбежны, если журналист где-то что-то услышал и тут же донес до общественности, не проверив. Такая ситуация у меня была лет 10–15 назад. «Народная Воля» написала: «Калякин — зять Дементея»! А у Дементея дочерей нет. Когда в газете поняли, что вляпались, стали мне звонить — мол, как-то надо из этого выкрутиться. Я был удивлен: а зачем это вообще надо было писать? Если уж так показалось интересно, позвонили бы мне, расспросили, как мне живется с «дочерью», и заодно бы узнали, что все это ерунда. Я бы посоветовал журналистам, если они пишут о конкретных людях, все-таки звонить им лично и получать информацию из первых уст. Не захотят с вами общаться — тогда и пиши, что ты думаешь по этому вопросу, со ссылкой на отказ. А пользоваться слухами опасно, можно оконфузиться.

— Чего не хватает журналистам, которые вам звонят?

— Разумного и благородного авантюризма. Пассивность и унылость ведь не только среди политиков! Я не скажу, что редакции или обозреватели должны выдумывать ситуации или инфоповоды. Но как-то формировать дальнейшее развитие событий, моделировать взгляд на проблему — должны. Понимаете?

— Это когда пишут о чем-то день, два, тема еще не иссякла, но уже «мусолится», и вдруг — новый взгляд или новые факты — так?

— Да! Такой поворот! И все думают, как с учетом этого теперь смотреть на происходящее… Неожиданные какие-то нужно раскрывать моменты. Искать факты — как бы в продолжение сюжета — или иной взгляд, новый ракурс.

И потом, очень важна тональность. Одного почитаешь — хоть в петлю, а другой пишет про то же самое, но чувствуются динамика, движение мысли — почему так происходит, и какой может быть выход. Предложения, версии, выводы должны быть.

— Но политическая аналитика все реже появляется в белорусских СМИ — это уже как баловство для редакции… Серьезная публицистика требует времени, живого общения со всеми субъектами политики, кулуарных знаний, связей. Да и стоит подороже заметки «Эксперт такой-то видит в происходящем…». А читатель уже подсел на «три абзаца». Вам не кажется, что время «поворотов» и «творчества» уходит?

— Отчасти и так. Просто журналистика трансформируется. Во всяком случае, мне хочется это видеть — живое движение мысли. А его почти нет. Легко написать, как вы говорите, в три абзаца: «Все плохо, и изменить ничего нельзя!» Или: «Опять не договорились такие-сякие». Показать, почему так, кто что упустил — но с фактами, — это другое дело. Растормошить, чтобы политики не спали в шапку! Чтобы читали, что люди о них пишут, и шевелились. И вообще, жизнеутверждающая составляющая должна быть. А мы всегда готовы дать вам информацию. Спрашивайте! Для того журналист и опрашивает политиков и экономистов, чтобы они своими разными ответами указали и на противоречия, и на то, чего для решения проблемы недостает. Ниточка какая-то должна присутствовать в публикациях, нужно не просто констатировать: «Мрак!» — и угнетать чернотой, а вести, побуждать людей думать и действовать.

Даже если материал возмущает, но написан со знанием дела — это отличный побудительный мотив. Для меня и для других. Очень не хочется, чтобы настоящая журналистика исчезала. Хочется, чтобы наша унылость была временной и не отбила у репортеров стремления работать. Все-таки пресса — это единственное сильное оружие, которое осталось у политиков. Только через вас мы можем сообщить людям о том, что делаем, о чем думаем и что предлагаем.

В результате этих четырех интервью у меня родился совсем не возмутительный побудительный пассаж.

Эксперты, несмотря ни на что, верят в нас, до сих пор надеются, что белорусские СМИ — сильное оружие. Они не сомневаются, что наше ополчение может иметь силу тарана, что былой романтизм и здоровый авантюризм 90-х вернутся, что мы не будем путать цифры, научимся чувствовать нюансы, всегда сумеем передать тональность сказанного, станем глубоко копать, искать новые ракурсы, не будем бояться, будем обрабатывать разговорную речь и продолжим звонить им — тем, кому есть еще что сказать.

Фото Натальи Коварской

Катерина Кибальчич: «Мы могли иметь своего Парфёнова, да среда заела…»

Алина РОДАЧИНСКАЯ

Признание среди соотечественников Екатерина Кибальчич получила два года назад, когда ворвалась в белорусское информационное пространство как автор документального фильма «Белорусская мечта». Следующий раз интервью с ней в местной прессе появились, когда наша соотечественница открыла в Москве курсы белорусского языка. И перенесла этот опыт в Минск.

В Москве же она уже десять лет работает журналистом, из них семь — в программе «Воскресное время» на Первом канале. Мы поговорили о бывших коллегах по ОНТ, войне между интернетом и телевидением, цензуре, с которой можно «согласиться», о том, как правильно расходовать гонорары.

— Представь, что у тебя есть возможность открыть в Беларуси новый телеканал. Каким он будет? Развлекательным, общественно-политическим, образовательным?

— Я представляю такой фантастический фильм. Две тысячи какой-то год, демократическая Беларусь, Катя Кибальчич возвращается домой. Понятно, должность президента занимает кто-то знакомый. И у меня спрашивают: «Катя, ты хочешь БТ или ОНТ?» Я говорю: «ОНТ, я ведь на нем начинала!» *(Смеется.)* А если серьезно, то вопрос вызывает рефлексии на тему, что делать с белорусским телевидением, которого не существует. Есть только отдельные люди, которые что-то умеют. Но в любом случае я бы создавала общественно-политическое телевидение.

— Каким ОНТ было вначале?

— Меня любят упрекать за работу на ОНТ. Но это был чуть ли не самый счастливый период в жизни. И мне не стыдно за то, что я делала, работая там. Мы были молодыми и романтичными. Костяк команды составили люди из телекомпании ФИТ. Работали без выходных, не спали, делали коктейли из растворимого кофе и кока-колы. После такого сердце выпрыгивает, но ты можешь закончить монтаж. Если посмотреть программы того времени, видно, что идеологический коридор был намного шире и свежий воздух залетал. Например, могли вдруг взять и поставить интервью с Лебедько. Коротенько, но без злобных

комментариев. Просто мы перекрыли вещание любимого в народе ОРТ, и нужно было показать, какие мы прогрессивные. У руководства нашего был даже принцип не брать «бэтэшников». Им было проще взять Катю Кибальчич и всему ее научить, чем переучивать кадры БТ. К нам в редакцию выписали Александра Гурнова (российский тележурналист, работал в программе «Вести», автор и ведущий программы «Международная панорама», учредитель Национального информационного агентства «Телевизионная служба новостей». — *Авт.*). По сути, он был шеф-редактором. Гурнов учил нас писать, избегать каких-то пошлостей в текстах. Сейчас на ОНТ практически не осталось тех, кто был вначале.

— У кого еще ты училась журналистике?

— Во-первых, у мамы, Марины Беляцкой. Она в то время работала в газете «Свободные новости». Я могла наблюдать, как она готовит интервью, как создается тонкий сложный текст. Редакция «Свободных новостей» стала местом, где я научилась писать. Что для тележурналистов обычно проблема. На ОНТ (представляю булыжник, который летит мне в голову на каком-нибудь интернет-форуме, но мысль закончу) моим учителем стал Юра Козиятко, которого я до сих пор люблю. Из него на самом деле мог бы выйти хороший журналист. Это человек, который все понимает, амбициозен в профессии, и, будь у нас другое телевидение и другая страна, он мог бы стать белорусским ну не Парфёновым, но «белорусским Козиятко». Среда, в которой он оказался, его съела. Жалко, что мы по разную сторону баррикад.

— А ты уехала, потому что нужно было делать выбор, на какой стороне баррикад ты?

— Я всегда знала, что уеду.

— Почему?

— В Беларуси нет телевидения. У меня изначально была идея, что нужно наработать сюжетов, портфолио и ехать искать работу.

— Но ты ведь говоришь, что на ОНТ было хорошо.

— Да. Но через полгода мы поняли, что коридор сужается и скоро будет то же самое, что на БТ. И в целом атмосфера поменялась, всем стало все равно, стали работать на автомате. Есть такая поговорка «бэтэшная»: «Ляпі, ляпі — не нам глядзець».

— И ты поехала в Москву. Как там сложилось?

— Работу помогла найти белорусская «мафия». Знакомые знакомых дали телефон Вити Дятликовича (автор книги «Іх мроя. Іх N. R. M», работал на телеканале ТВС в Москве, сейчас сотрудник журнала «Русский репортер». — *Авт.*). Когда я позвонила, Витя ничего не понял, кроме того, что я девочка из Беларуси. В итоге мы встретились в кафе в Останкино. За соседним столиком оказался генеральный директор одного маленького, но гордого канала. Витя спросил, не нужны ли ему журналисты, а я всучила кассету с сюжетами. Так я стала работать на Третьем канале.

— Как ты оказалась на Первом?

— Само собой получилось. Телеведущий Петр Толстой пригласил меня в команду итоговой программы «Время» на Первом канале, которая выходит каждое воскресенье в 21.00. Формат программы отличается от новостного. Я делаю один большой репортаж в неделю. Это, как правило, сюжет, над которым работает команда — человек 10, не меньше.

— У Первого неоднозначная репутация. Насколько он независим?

— У него однозначная репутация. Программа «Время» не только рассказывает о событиях, но и передает официальную точку зрения власти. Но наши выпуски сильно отличаются от, например, того, что дает государственный телеканал БТ. Невозможно представить в эфире белорусского телевидения разгромный репортаж о коррупции. На Первом канале одновременно работают Михаил Леонтьев и Владимир Познер. Опальная Собчак недавно комментировала

трансляцию конкурса «Мисс Вселенная». Михаил Ефремов («Гражданин поэт») ведет программу «Жди меня». Даже одиозный Доренко появляется. В принципе, российское телевидение не такое людоедское, поэтому я на нем и работаю.

— Есть цензура на Первом канале?

— Есть редакционная политика. Некоторые темы на Первом не могут освещаться так же, как на телеканале «Дождь». Потому что у народа такое представление: если по Первому показали — то ВСЁ. Вот пример. Я однажды приезжала в шахтерский город Междуреченск, где случилась трагедия — в шахте погибли более 90 человек. Шахтеры вышли на улицы, митинговали, пошли брать мэрию. Милиция уговорила (!) их этого не делать. Но позже, после похорон очередного человека из шахты, они перекрыли железнодорожные пути. Железная дорога — режимный объект, пришел ОМОН. Шахтеры стали забрасывать его камнями, получилась очень сильная заваруха. Через два дня приехал Путин, уволил директора шахты, всем подняли зарплату, полностью провели инспекцию шахты. Мы показали все, кроме драки с ОМОНом. Иначе это было бы сигналом: можно перекрыть железную дорогу, избить ОМОН и таким образом решить свои проблемы. И с подобной цензурой я согласна.

— Чем еще российское телевидение отличается от белорусского?

— Первый мой шок после Беларуси — я заказала интервью в Америке, но его сняли плохо настолько, что не хотелось это ставить. Иду к начальству, думаю: ну все — сейчас будут бить. А мне только: «Ну не ставь. Чего пришла-то?»

Первый канал — это огромная корпорация, где все работает, как часы. Я уже 7 лет тружусь тут, но до сих пор удивляюсь, как поставлена работа.

Есть большая профессиональная команда — редакторы, продюсеры, шеф-редакторы, шеф-продюсеры. И все эти люди нужны для того, чтобы тебе помогать. А не мешать! (Как часто бывает в Беларуси.) На Первом канале до последнего будут улучшать программу, до мелочей. Начальство — вообще адреналинщики. И мне это по душе. Я сама такая.

Российское телевидение — одно из лучших в мире. И действительно, когда смотришь какой-нибудь европейский телеканал, понимаешь, что он менее зрелищен. Европейский журналист менее субъективен, это правда. Как будто робот — написали текст, он читает. В российской журналистике больше виден автор. Тут больше репортажа, очерка. И мне интереснее, особенно в итоговой программе, передавать тему через себя.

— Сейчас то самое время, когда у телевидения появился серьезный конкурент — интернет. Как в России разворачивается эта борьба?

— Съест интернет телевидение или нет — моя любимая тема. Процитирую здесь своего начальника. Константин Эрнст говорит, что по сути интернет — это новый способ вещания, другой передатчик. Но не интернет убьет телевидение, а поколение, которое он вырастил. Люди не могут дочитать до конца статью, им сложно сосредоточиться, они мыслят заголовками и картинками. Поэтому на телевидении в России идет постоянный поиск каких-то новых форм — чем можно отличаться от интернета и как его перегнать. Интернет — это такой пинок телевидению. Что очень круто. И телевидение выживет.

— Как российское телевидение подстраивается под новое восприятие информации зрителем?

— Облик новостей меняется: в новостном вещании очень много любительских видео. Программы становятся более агрессивными, сюжеты — короче. В итоговой программе для сюжета сейчас дается 5–6 минут, раньше было 7–8.

Но я заметила: самые популярные ролики в интернете, если, конечно, это не голая, простите, ж…па, — те, что сделаны профессионалами.

Вот как это работает. Когда, например, упал метеорит, его обязательно сняла какая-то любительская камера. Тогда я нахожу несколько роликов в интернете, выбираю из этого самые лучшие куски, добавляю комментарии экспертов, наши собственные съемки. И человеку в итоге все равно удобнее посмотреть короткий репортаж, где я для него уже отобрала все самое лучшее. Телевидение только выигрывает.

— А такие эксперименты, как проводит сейчас телеканал «Дождь», — платный просмотр контента в интернете — как ты оцениваешь?

— Большое красивое телевидение всегда убыточное. Частный телеканал процветает в формате

СТС — развлекуха, стендап комедии. Контент более-менее дешевый, а рекламы много. Общественно-политическое вещание на качественном уровне требует такого количества денег, какое на рекламе не заработаешь. Подписка в интернете — тоже не вариант. Без поддержки владельцев (в России это часто государство или олигархи) — никак.

— Когда общаешься с россиянами, часто оказывается, что Беларусь для них такой рай на земле...

— А разве нет?

— Для белорусов — понятно. Но вот россияне не из СМИ ли получают этот образ?

— Российские журналисты на самом деле постоянно говорят о ситуации в Беларуси, о политиках, о подтасовках выборов. Народ, вроде, и знает, что в Беларуси происходит, но на самом деле никому это не интересно. Русские — они как американцы, не особо интересуются, что происходит в соседних странах. Нормально к русским относятся, да? Ну и хорошо.

— Звоню недавно знакомому правозащитнику, а он говорит: «Я в Алма-Аты, смотрим "Белорусскую мечту"...»

— О, я даже не знала, что там был показ.

— Да, фильм уже живет своей жизнью, хотя на многих показах ты присутствовала. Какая на него реакция была в России?

— Короткий репортаж посмотрел и забыл, а фильм задевает глубже. Для белорусов в нем не сказано ничего нового. Я и не ставила такой задачи себе. Это не фильм-расследование. Иностранцы по информационным сюжетам узнают о происходящем умом, когда смотрят фильм, — сердцем. Даже люди, которые работают со мной на одном канале, ездили в командировку в Беларусь, а потом говорили: «Катька, я посмотрел твой фильм — ничего себе у вас там!..»

— Планируешь еще что-нибудь снимать?

— Пока очень много времени уходит на организацию курсов в Москве и Минске (курсы белорусского языка «Мова ці кава». — *Авт.*). И очень много сил эмоциональных. Плюс к тому я работаю и воспитываю ребенка. Я начала снимать один фильм, рабочее название — «Кровь с молоком». Половину сняла и положила на полку. Чтобы создавать, нужно иметь на это энергию, сейчас у меня ее просто не хватит. Я думаю, во что могут вылиться курсы дальше. Когда я начинала их, говорила преподавателям, что это на полгода. Летом решила еще продолжить на год. А теперь я хочу сказать: это будет всегда. Но нужно изобрести для них «вечный двигатель».

— Расскажешь, как связаны фильм и курсы?

— Кроме того, что фильм показал телеканал «Белсат», права на него выкупил крупный телеканал — лондонская «Аль-Джазира». Мне достался какой-то гонорар. Не знала, как им распорядиться, может, «накупить платьев и бусов», как «Ляпис» поет. Я как раз была в декрете, предложила мужу идею открыть на эти деньги курсы. Он сказал, что я сошла с ума: не работаю, и столько всего нужно, а мне курсы подавай! Я говорю: вот же у нас внебюджетные поступления, их и пустим.

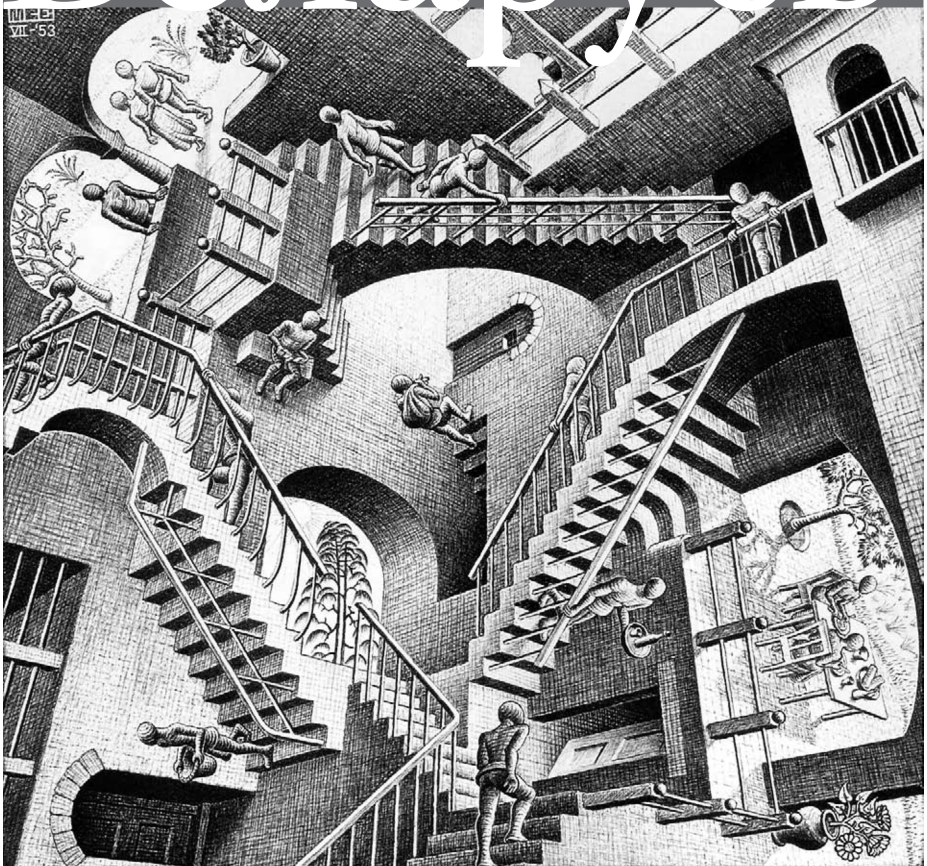

— А как у тебя семья совмещается с работой?

— Муж тоже работает на Первом канале, так что у меня нет проблемы, чтобы с ним видеться. Полгода назад я вышла из декрета, но осталась кормящей мамой. Сыну почти 2 года. Как-то раз подсчитала, что за полгода даю двухсотлитровую бочку грудного молока. За все время — это 4 барреля, или 800 магазинных пакетов ☺.

Кормление дисциплинирует как маму. Не езжу в командировки, ни разу не расставалась с ребенком больше чем на 12 часов. Когда задерживаюсь на работе, грудь уже полная и тяжелая. Гудит. Я говорю коллегам: «Всё, ребята, пока! Меня ждет малыш, надо спешить. А иначе лопну и забрызгаю все здесь молоком. Оно вам надо?»

Беларусь: в реальности и на самом деле

Сергей НИКОЛЮК

Большая советская энциклопедия не знала слова «политология». Для «буржуазной лженауки» в 30-томном издании не нашлось места. Но с советским прошлым мы распрощались окончательно, причем распрощались решительно. Современного белорусского студента, не изучающего азы политологической науки, представить уже невозможно.

Процесс производства политологических знаний и их носителей поставлен в Беларуси на поток. Ограничусь одним примером, извлеченным из интернета: кафедра политологии БГУ создана в 1991 г. В настоящий момент на кафедре преподают 2 доктора политических наук, 1 доктор философских наук, 7 кандидатов политических наук, 13 кандидатов философских наук, 3 кандидата исторических наук.

Политология — это наука о политике, т. е. об особой сфере жизнедеятельности людей, связанной с властными отношениями. Каждая страна в политологическом смысле — уникальна. Беларусь — не исключение, и ее уникальность ни

для кого не является тайной: согласно неоднократным заявлениям главы государства, в стране с численностью населения в 9,5 млн человек имеется только один политик! Поэтому нет ничего удивительного в том, что я (тоже неоднократно) предпринимал попытки разобраться, каким же образом эту уникальность объясняют белорусским студентам.

Ответ мне подсказала падчерица, точнее, учебное пособие[1], которое она случайно оставила на кухонном столе. Согласно аннотации, пособие написано на основе образовательного стандарта и типовой программы учебной дисциплины «Политология». Оно адресовано студентам и преподавателям вузов.

Заинтересованно просматриваю «Содержание». Останавливаюсь на разделе «Принципы организации выборов в Беларуси». Согласитесь, более острой темы из области «жизнедеятельности населения, связанной с властными отношениями», у нас не так-то просто отыскать.

Читаю: «Выборы — способ формирования органов государственной власти и местного самоуправления посредством голосования. Порядок участия избирателей в формировании органов государственной власти определяется правовыми нормами.

Выборы дают возможность:

• обеспечить политическое представительство граждан;

• выразить их интересы;

• разрешить назревшие в обществе конфликты».

Полагаю, продолжать цитирование нет никакого смысла. Просмотрев две страницы, я быстро понял, что бесполезно искать ответы на вопросы, которые меня волнуют. Почему, например, результаты первого и второго конституционного референдума так разительно отличаются между собой? Складывается впечатление, что они зафиксировали волеизъявление двух различных обществ. Достаточно сравнить явку: в мае 1995 г., согласно данным ЦИК, она составила 64,8 %, а через полтора года, в ноябре 1996 г., неожиданно подпрыгнула почти на 20 пунктов — до 84,2 %.

Если и остальная учебная литература написана в столь же абстрактной манере, то не исключено, что белорусский студент-отличник не знает ровным счетом НИЧЕ-ГО о национальных особенностях «жизнедеятельности людей, связанной с властными отношениями». Более того, возьму на себя смелость утверждать, что именно с этой целью курс политологии и ввели в качестве обязательного в программы всех белорусских университетов.

Сколько раз ни перечитывай Конституцию...

Согласно одному из самых оригинальных социальных мыслителей России Симону Кордонскому, следует различать «реальность» и то, что происходит «на самом деле». Приведу пример, позволяющий схватить суть различия. Судебная система. В «реальности» она служит Закону (заглавная буква тут уместна), а «на самом деле» — Государству (та же история с заглавной буквой).

«Реальность» в жизни — это то, что зафиксировано в официальных документах, и то, о чем можно официально писать (в том числе и в негосударственных СМИ, не рискуя при этом получить предупреждение от соответствующего государственного органа). «На самом же деле» существует иная жизнь, и описывается она на другом языке — бытовом, на котором только и возможны разговоры о сути проблемы.

«Понятия, заимствованные из традиционных наук об обществе, — подчеркивает Кордонский, — формируют “реальность” слов и институтов, в которой возможно только говорение. “Парламент” и “кабинет министров”, “президент” и “правительство”, “демократия”, “авторитаризм”, “регионы” и “прокуратура”, “конституция”, “политика” и “импичмент” — все это заимствованные слова, обозначающие то, что есть только в “реальности”. Проговаривание этих слов в контексте отставок и назначений чиновников составляет “реальное” содержание публичной деятельности. А “на самом деле” все не так, по-другому».

Но славянские языки, в том числе «великий и могучий русский язык», описывая процессы в «реальности» и «на самом деле» по отдельности, не способны отразить отношения между этими определениями. Отсюда постоянное чувство дискомфорта у граждан, вынужденных пребывать одновременно в двух социальных пространствах.

В «реальности» в Беларуси существует общество, а «на самом деле» его в традиционном социологическом смысле у нас нет. Наше общество в отличие от своего западного аналога невозможно рассматривать как систему отношений, порождающих государство. Поэтому и государства в западном смысле у нас нет. У нас обратный порядок: то, что мы называем «государством», порождает то, что принято считать «обществом».

В «реальности» в стране есть частный бизнес, но «на самом деле» этот бизнес связан с госбюджетом и другими государственными активами. Как тут не вспомнить посещение главой государства ОАО «Мотовело». В ходе этого визита один из совладельцев предприятия пожаловался на сложности с рассрочкой по кредиту.

Глава государства жалобу бизнесмена удовлетворил: «Если проблема в банке, мы тебе в последний раз подставим плечо, сделаем рассрочку. Костюченко (председатель правления ОАО «Приорбанк» Сергей Костюченко. — *С. Н.*) в нагрузку, пускай помогает. Он частник, и ты частник. Думаю, вы договоритесь».

Сколько раз я ни перечитывал Конституцию, пытаясь отыскать статью, регламентирующую подобные «нагрузки», так и не смог ничего подобного найти. Все логично. Конституция — главный документ, описывающий «реальность». И эта «реальность» не предусматривает вмешательства государства в столь бесцеремонной форме во взаимоотношения двух хозяйствующих субъектов. Но как само государство, так и хозяйствующие субъекты, а заодно и все мы вместе взятые и каждый в отдельности живем по определению «на самом деле».

[1] Екадумова И. И. Политология. Минск: ТетраСистемс, 2011. (Ответы на экзаменационные вопросы).

Об этом необходимо постоянно помнить, иначе получится, как с героем новеллы «Голос» в фильме «Исключение без правил», который неожиданно заговорил языком штампов государственных СМИ (негосударственных СМИ в 1986 г. в СССР не существовало). В главной роли — Семен Фарада. Рекомендую посмотреть. Не пожалеете.

Инициативы сверху vs. инициативы снизу

«Реальность» активна. Она непрерывно порождает поток нормативных документов и инструкций. И к этой активности население, живущее в измерении «на самом деле», вынуждено приспосабливаться. В полном соответствии с Гегелем и Марксом единство и борьба двух социальных противоположностей и составляет весь шлейф национальных особенностей жизни: от охоты и рыбалки до модернизации промышленных предприятий и межгосударственных отношений. Арест гендиректора ОАО «Уралкалий» Владислава Баумгертнера — лишь один из примеров такого рода борьбы.

Вопреки мнению, популярному в «реальности», наше общество отличается динамичностью и склонностью к инновациям. Но эти, казалось бы, положительные по любым меркам характеристики направлены не на создание современных товаров и услуг, а на нейтрализацию реформаторской активности государства.

Для тех, кому сложно представить родное государство в образе реформатора, напомню, что Петр I рубил окно в Европу, Столыпин ликвидировал общину, Сталин занимался коллективизацией и индустриализацией, Хрущев своей преобразовательной активностью довел номенклатуру до истерики, Горбачев пытался трансформировать брежневский вариант социализма в социализм с «человеческим лицом». Лукашенко свою энергию направляет на модернизацию предприятий. Уже неоднократно в его выступлениях звучало слово «ускорение».

Если государство обязывает устанавливать счетчики расхода воды, то население оперативно отвечает набором рационализаторских предложений, способных существенно скорректировать эффективность измерительных устройств, например, за счет «магнитной технологии». На любые инициативы по совершенствованию налогового законодательства тут же появляются схемы, минимизирующие поступление денег в бюджет. Что касается бюджета, то это отдельная песня, с количеством куплетов, не поддающихся даже приблизительному подсчету.

Вновь предоставляю слово Кордонскому: «Претенденту на часть бюджета нужно сначала придумать угрозу, для нейтрализации которой необходимы дополнительные ресурсы, обосновать ее и потом отстоять в конкурентной борьбе с такими же изобретателями угроз. А потом увести ресурсы из бюджета, распилить и освоить. Сплошные инновации».

Понятно, что только единицы обладают при этом правом «первой ночи», основной же массе граждан приходится довольствоваться опилками (бюджетными). Но это количественное, а не качественное отличие.

«А включаешь, и не работает!»

Один мой знакомый владеет сетью небольших магазинов на периферии. Ни он сам, ни его коллеги по бизнесу производством не занимаются. Свою специализацию он объясняет отнюдь не отсутствием «точек приложения». Таковые в «реальности» имеются и в первую очередь в сфере производства продуктов питания (выпечка, колбасные изделия и т. п.). Однако реализация производственных проектов «на самом деле» не представляется возможной: на территориях, подконтрольных районным органам власти, имеются государственные предприятия аналогичного профиля.

Photo.bymedia.net

Для дальнейшего продвижения вперед мне потребуется пример с лесником, позаимствованный все у того же источника: «Даже егерь или лесник, не обладающий “в реальности” значимой властью, в своем “на самом деле” становится полновластным помещиком, от которого зависит получение порубочного билета или возможность поохотиться в официально запретное время в запретном месте».

Казалось бы, лесник-помещик — это нонсенс. В «реальности», наличие помещиков и поместий не предусматривающей, подобное утверждение справедливо. Но

«на самом деле» практически каждое государственное предприятие, вуз, НИИ, воинская часть есть поместье первого лица. Поместьями являются и все административно-территориальные единицы.

А мы знаем, что жизнь есть не что иное, как единство и борьба двух социальных пространств. Поэтому принятие решений в «реальности» не означает возможность их реализации «на самом деле».

6 августа 2013 г. Совмин рассмотрел итоги социально-экономического развития Беларуси в первом полугодии. Далее привожу фрагмент из официального пресс-релиза: «Из-за невыполнения заданий по росту валового регионального продукта (ВРП) всеми регионами страны за первое полугодие текущего года недополучено Br 20 трлн. Не выполняются поручения правительства по созданию новых предприятий и производств с численностью работающих не менее 50 человек».

Photo.bymedia.net

«Такие вот пироги с котятами». Это я привожу присказку знакомого бизнесмена. Оказывается, в «реальности» существует документ правительства, обязывающий местные власти содействовать созданию производственных предприятий. Доведены соответствующие планы. Назначены ответственные. Организован контроль. Но… «На самом деле» события разворачиваются по формуле Михаила Жванецкого: все делаем вроде бы правильно, «а включаешь, и не работает».

Если «помещики» не заинтересованы в появлении на подконтрольной территории конкурентов, то у постановлений правительства нет шансов быть реализованными. Аналогичная судьба ждет и указы главы государства.

Нынешние студенты — завтрашние реформаторы

Вернемся к студентам. Цели, которые преследует государство, тратя деньги налогоплательщиков на массовое обучение молодежи столь оригинальному варианту политологии, очевидны. И цели эти в краткосрочной и среднесрочной перспективе достигаются. Что касается перспектив долгосрочных, то итогом просветительской активности государства является углубление пропасти между двумя социальными пространствами.

Казалось бы, каждый белорус прекрасно разбирается в устройстве жизни «на самом деле». Иначе не выжить! Но это локальные знания. С их помощью можно обустроить дачный участок, но невозможно обустроить страну. Как тут не привести признание Юрия Андропова: «Мы не знаем общества, в котором живем и трудимся».

Напомню молодым читателя «Абажура», что до своего избрания на высший партийный пост Андропов пятнадцать лет возглавлял КГБ СССР. Более информированного человека в стране победившего социализма не было и не могло быть. И тем не менее…

Когда на вершине властной «вертикали» начинается монтаж информационных фильтров для студентов, это неизменно заканчивается установкой аналогичных устройств и для профессуры. Но нынешние студенты — завтрашние руководители, завтрашние авторы и исполнители очередных реформ.

Отечественные реформаторы, приступая к очередным преобразованиям, всегда представляли себе конечную цель своих усилий. Т. е. новую «реальность», которую они планировали получить путем преобразования «реальности» исходной. О том, как объект реформ устроен «на самом деле», они если и имели представление, то лишь в пределах личного опыта.

И дело тут не в отсутствии любознательности. Систематизированных знаний об устройстве жизни «на самом деле» им просто негде было взять. Ну чем, к примеру, команде Гайдара могли помочь 10 тыс. преподавателей научного коммунизма?

***

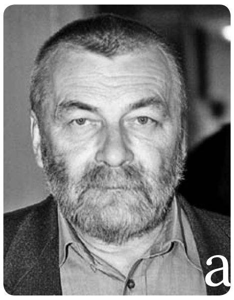
Белорусские журналисты сталкиваются со схожей проблемой. Им приходится рассказывать о событиях, происходящих в «реальности», читателям, живущим в «на самом деле». И рассказывать они вынуждены на языке, предназначенном для описания «реальности». При этом журналисты, как и представители иных профессий, систематическими знаниями о жизни государства и общества по определению «на самом деле» не обладают. Тем не менее я рекомендую всем коллегам по цеху помнить о наличии двух социальных пространств и пытаться, пусть и на интуитивном уровне, держаться на границе между ними.

Еще не успели, как говорится, высохнуть чернила под подписанными на недавнем минском саммите лидерами СНГ судьбоносными документами, а правительственные чины братских стран уже заявили о претензиях. Читая такие сообщения, начинаешь понимать, что дипломатическая деятельность на постсоветском пространстве превратилась в риторику, а межправительственные «разборки» партнеров — в традицию. Вернее, во вредную привычку, с которой бороться очень тяжело. Даже учитывая отставку Геннадия Онищенко, игравшего до недавнего времени роль «главного скандалиста», нельзя сказать, что в отношениях между партнерами установились тишь да гладь.

Photo.bymedia.net

Много риторики, мало экономики

Константин СКУРАТОВИЧ

Нет мира под оливами. Опять первый вице-премьер Владимир Семашко сетовал на жизнь, выступая перед белорусскими депутатами. «Ввиду несовершенства законодательной базы Таможенного союза, — отметил он, — мы несем существенные убытки. Постановление правительства России практически закрыло доступ белорусской сельхозтехники на российский рынок». Мол, была отменена преференция в 15 %, к тому же принятое в России решение о введении утилизационного сбора на технику, который будет взиматься по принципу страны назначения, приведет к потерям для МАЗа — в 18 % от стоимости продукции.

Не сложно понять, что в Беларуси до предела обострилась проблема сбыта промышленной продукции, тут каждый добавленный к цене процент может сыграть роль той лишней соломинки, которая может сломать хребет верблюду. И, как подтверждают последующие замечания Семашко, на самом деле ломает. По его словам, негативно влияет на белорусскую экономику чрезмерная ее привязанность к рынку Таможенного союза и СНГ. Поэтому, не сдавая позиций на традиционных рынках и укрепляя их, нам следует осваивать рынки дальнего зарубежья. И, решительно переходя к делу, вице-премьер предложил активизировать работу по вступлению во Всемирную торговую организацию, что позволит радикально решить данную проблему. Разумеется, В. Семашко не призвал депутатов очертя голову ринуться на штурм ВТО. Потому что этот процесс займет немало времени, необходимого для согласований, для подписания договоров о зоне свободной торговли с наиболее

перспективными для белорусской продукции странами и т. д.

Иными словами, вице-премьер повторил слова главы государства — идите и продавайте там, где вас не знают. Действительно, прошло немало лет, но о белорусских негоциантах-министрах в мире практически так ничего и не узнали. В том смысле, что белорусы на нетрадиционные рынки не вышли. Вернее, выходили пару раз, что-то продавали, что-то покупали, но не более того. Как получилось с импортом нефти из Венесуэлы, которую хотели использовать в качестве подставного в игре с Кремлем, но ничего не вышло. Невыгодно транспортировать нефть из-за океана, даже не в натуре, а по логистическим схемам. Дорого. Гораздо дороже, чем при оплате российской нефти. Поэтому риторику пришлось пригасить и оперативно свернуть странный бизнес.

В принципе, так никто ничего и не понял с этой белорусско-боливарианской интеграцией. В 2010 году импорт из этой страны взрывообразно увеличился почти с нуля до более чем 1 млрд долларов, через год сократился втрое, а сейчас упал до исходного нуля. Как бы его и вовсе не было.

А что осталось? Осталась нефть, которую Беларусь покупала у России, потому что никто другой не мог нам продать. А раньше мы просто ее получали, потому что и этого никто иной, кроме России, не мог себе позволить. Беларусь и Россия как бы были отдельными государствами, но одновременно входили в одно государство (СССР) наряду с другими, которые назывались союзными республиками. Сейчас очень трудно рассказать об этом, что называется, простыми словами, еще труднее — «ученым» языком. И только словесные формулы, некогда специально изобретенные, позволяют изложить суть происходящего.

Например, формула, согласно которой политика может иметь приоритет над экономикой. Когда первичной являлась политика, то завод строился не там, где находятся источники сырья, а там, где их не было. Где, кстати, не было и потребности в данной продукции. Классический пример — БелАЗ, который давал работу тем, кто привозил сырье в Жодино, тем, кто производил самосвалы, тем, кто увозил самосвалы на рудники, тем, кто добывал руду и варил сталь... Благодаря этому в воображении людей возникал образ огромной и неуязвимой страны. И эта страна работала, как — это уже отдельный вопрос. Но так сложилось исторически.

Это было недавно

Раньше не надо было думать об экономике. А сейчас заговорили о каком-то «негативном воздействии». Да, раньше были псевдоэкономика, псевдохозрасчет, псевдоторговля...

В этой псевдоэкономике производитель сырья, который имел единственный рынок сбыта, постоянно проигрывал. Его подлинным хозяином являлся потребитель сырья, производитель готовой продукции, он же единственный продавец, который мог устанавливать выгодные для себя цены независимо от того, какую (по качеству) продукцию он производит. Как это было в отношениях между метрополией и колониями. Так было и в СССР, в отношениях России и Беларуси. И казалось, что эти отношения установлены на века: Россия поставляет сырье, Беларусь — готовую продукцию. Однако в советские времена РСФСР и БССР, разумеется, были прикреплены друг к другу центральным руководством.

Это было не экономическое решение, но политическое. Если бы такая политика сохранилась, то РСФСР так и осталась бы «сырьевым придатком» БССР (и других союзных республик), а БССР фактически исполняла бы роль метрополии. Исходя из этого, в обоюдном общественном сознании и возникли обидные стереотипы, совершенно определенное, нелестное, отношение к деловым качествам партнеров. Поэтому сегодня, особенно

в переломные моменты, резко повышаются собственные самооценки. Мол, я и один не пропаду, а он без меня попрыгает-попрыгает, да на коленях назад приползет. Часто у спорщиков не хватало интеллигентности, возможности посмотреть на ситуацию объективно. Хотя жизнь, как известно, все расставляет по своим местам.

Например, в Латвии успешно работал автозавод, где производили самый симпатичный микроавтобус в СССР — «рафик». Говорят, идеальными автомобили этой марки не были, но шли на расхват. Объяснялось это довольно просто: других подобных машин в СССР просто не было.

Судьба завода оказалась драматичной. Когда стало очевидным, что в прежней стране отныне будет много таких «рафиков» и лучшего качества, новые владельцы обанкротили завод.

Вероятно, 99,99 % из выпускавшихся в прежние времена белорусских товаров были уникальными и (кто помнит) дефицитными для всего СССР. Легко можно было понять, что после распада СССР это пространство будет переполнено импортными товарами, нужными потребителям. Всем и каждому, по вкусу и деньгам. На рынке моментально появлялись товары — зарубежные аналоги: или более дешевые, или более качественные. Но чаще всего самый убийственный для белорусов вариант — и лучшего качества, и более дешевые.

Например, пока Беларусь с Россией все еще объяснились в чувствах, соглашались на вторичный брак, чтобы вновь на века расстаться, пространство вокруг завоевывали менее сентиментальные личности. Сегодня на любом рынке, в любом хозмаге полки ломятся от продукции, завезенной импортерами с восточным прищуром глаз.

Об этом даже не хотелось писать, но дело в принципе. Некогда СССР замышлялся как инструмент для выживания и сохранения социальной и культурной самоидентичности народов, после рассматривался как инструмент коммунистической экспансии. Коммунизм выдавливал капитализм, а там, где сохранились экономические (рыночные) отношения, не должно быть места уравнительному распределению. Нельзя одновременно молиться Богу и мамоне. Перестройка, если ее понимать как объективную данность, ориентировалась на частный интерес. Говорят, что она провалилась. Отнюдь. Она победила в сознании, которое мирится с социальной ответственностью бизнеса, но не с уравниловкой, не с привилегиями, которыми обрастает псевдосоциалистическая власть.

Ни купить, ни продать

Сегодня российская экономика признается рыночной, белорусская модель (де-юре, де-факто и на самом деле) — не рыночная. В России действуют миллионы частных капиталистов, которые противятся установлению монополии, если она действует против их интересов. Например, можно было бы обеспечить особые условия для импорта белорусской продукции. Вплоть до монопольных. Но это нарушало бы интересы местных производителей, лишало бы их права выбора собственных потребителей. Создавая особые условия для белорусов, российское правительство будет тормозить собственную модернизацию. И уже очевидно никто ни в России, ни в Беларуси не считает, что продукция нашей страны всегда самая лучшая и дешевая.

Россия вступала в ВТО, для того чтобы торговать со всем миром по единым правилам, покупать лучшее у лучших производителей. То, что пользуется спросом у потребителей, что совершенствовалось в процессе многолетней конкуренции. В отличие от белорусской продукции, которая нигде больше не продается, кроме как здесь, на постсоветском пространстве. Где часто успех определяется далеко не экономическими факторами.

Россия может сломя голову продавать все без ограничения, покупать все и у всех, поскольку эта страна продает в основном углеводородное сырье. Это было возможно, когда нефть стоила 8 долларов за баррель, это возможно и теперь, когда она стоит больше 100 долларов за баррель. Тем не менее переход от политики к экономике (точнее, к внятной экономике) стал для России сложным. Для Беларуси — во сто крат сложнее. Поскольку Беларусь с самого начала приняла трусливую политику. Многим она показалась трезвой, взвешенной, по-крестьянски хитрой. Но какой бы хитрой селянка не прикидывалась, за милостыней на паперть она никогда бы не пошла. Рискуя потерять статус труженицы и уважение. Навсегда.

В независимой Беларуси эту технологию взял на вооружение Вячеслав Кебич, но более изобретательным оказался Александр Лукашенко. Он превзошел первого независимого премьера ровно настолько, насколько у нас должность президента весит больше должности председателя правительства.

Поэтому закономерно сложилась ситуация — ни купить, ни продать…

К этому надо привыкнуть. Можно было бы даже радоваться. Ведь Россия, как однажды сказал глава нашего государства, сыграет роль локомотива, который вытащит и белорусскую экономику.

Но чем богаче в среднем становился россиянин, тем быстрее он терял интерес к белорусским товарам. По этой причине сокращался экспорт в эту соседнюю страну инвестиционных и промежуточных товаров из Беларуси. К сожалению, можно уже сказать, так сложилось исторически. Оперативная информация Белстата — моментальный снимок происходящего. За январь — август 2013 года по сравнению с январем — августом минувшего наиболее существенно сократились физические объемы экспорта инвестиционных (на 18,3 %) и промежуточных (на 28,4 %) товаров, в том числе энергетических (на 21,7 %) и прочих промежуточных (на 34,5 %) товаров. Существенно сократился физический объем экспорта седельных тягачей (в 1,9 раза), грузовых автомобилей (на 35,3 %), тракторов (на 23,1 %), нефтепродуктов (на 22 %), сельскохозяйственной техники (на 10,7 %).

Эта ситуация свидетельствует о том, что страна проваливается в кризис, и отражает изначальную тенденцию, в соответствии с которой главной причиной дисбаланса внешней торговли являются промежуточные товары. Т. е. те, которые мы покупаем для осуществления производства, и те, которые мы продаем и которые используют в производстве россияне.

С каждым разом нам требуется закупать больше сырья и комплектующих, с каждым разом падает стоимость готовой продукции и комплектующих, которые удается продать.

Возвратимся к истокам. В первом постсоветском году (1992 год) экспорт Беларуси составил 1,061 млрд долларов, импорт — 755 млн долларов, сальдо сложилось положительное — 306 млн долларов. Т. е. положительное сальдо составляло 16,9 % от объема внешнеторгового оборота или 28,8 % от стоимости экспорта. Если бы такие пропорции сохранились до сих времен, то положительное сальдо Беларуси составляло бы порядка 15–16 млрд долларов. И это было бы вполне благополучное государство, можно сказать, действительно процветающее на фоне любой европейской страны.

Но после 1992 года Беларусь положительного сальдо больше не имела, а дисбаланс порой перешагивал критическую отметку в 10 млрд долларов. Правителей такой небогатой страны можно назвать одним словом — волюнтаристы. Хотя бы в вопросе прогнозирования, обещаний радужного будущего населению, в создании самого образа будущего. При этом у обывателя не получается пожить стабильно в течение хотя бы относительно продолжительного периода. Например, в 1997 году только-только вышли на устойчивый и заметный рост, а в России через год случился дефолт. Храня по привычке все яйца в одной корзинке, белорусские предприятия пострадали за грехи соседей.

Политика в современном мире имеет чрезмерное значение, но, вместо того чтобы помогать, она часто только путается у деловых людей под ногами. Как сейчас говорят, проект Республики Беларусь является политическим. По нашему мнению, он осуществляется на паритетных началах. Официальной властью и той стихийной силой, которая воплощается вопреки замыслу, но под давлением объективных обстоятельств. Обратим внимание, что официальная власть (у нее только и есть деньги) не скупится тратиться на воплощение очевидно мифических вещей — ледовых арен, парадных и прочих официозных сооружений, — но не создает новых производств.

Не знают, что производить. Бог уберег, планировали, но не успели с постройкой крупнейшего завода телевизионных кинескопов. Ведь весь мир от них отказался. Однако ничто не помешало построить завод по производству газетной бумаги в Шклове. А газет-то у нас раз, два — и обчелся. Куда девать продукцию? Конечно, можно было бы быстро перепрофилировать производство. Но оно государственное, а не частное, поэтому слово «быстро» здесь неуместно.

Тем временем провалились проекты с созданием мощностей по производству «белой техники»... Белорусская экономика по-прежнему неразворотлива и инертна.

Не умеют предвидеть, не хотят строить, а ресурсная зависимость от бывшей метрополии сокращается.

Беларусь за два десятилетия не преуспела в поиске естественного для себя места в системе

мировых хозяйственных отношений, но превратилась в своеобразного «гермафродита». Практически не имея собственных запасов нефти, она стала крупнейшим производителем нефтепродуктов, который полностью зависит от поставщиков из России. Попали как муха в патоку. В 2010 году отрицательное внешнеторговое сальдо достигло минус 9,6 млрд долларов, причем с Россией — минус 8,127 млрд долларов. Если говорить о тенденции, то отрицательное сальдо Беларуси ежегодно увеличивалось вместе с ростом товарооборота с Россией. Прямо пропорционально. В 1995 году товарооборот составил 5,150 млрд долларов, сальдо — минус 780 млн долларов; в 2000 году товарооборот — 15,97 млрд долларов, сальдо — минус 1,895 млрд долларов; в 2005 году товарооборот — 15,834 млрд долларов, сальдо — минус 4,402 млрд долларов; в 2010 году товароборот — 28,035 млрд долларов, сальдо — минус 8,127 млрд долларов.

Конечно, можно сказать, что год на год не приходится. В сельском хозяйстве так случается, в футболе, хоккее и, понятно, в статистике. Например, в 2008 году отрицательное сальдо в торговле с Россией достигло 12,955 млрд долларов, но в целом сальдо составило минус 6,81 млрд долларов, поскольку в торговле с остальным миром было получено положительное сальдо в размере 4,787 млрд долларов. В 2010 году сальдо в торговле со странами — не членами СНГ сократилось до минус 2,7 млрд долларов, что в итоге привело к ухудшению общего внешнеторгового сальдо.

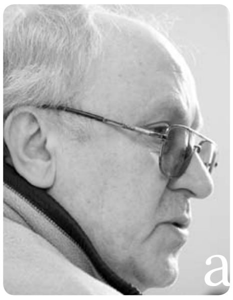
Иными словами, пациент хронически болел, состояние его ухудшилось, но он выжил. И может впредь, на здоровье, болеть. Однако Михаил Мясникович, вступив в должность премьера, повел себя как врач-практикант, обычную диарею воспринял как запор и прописал больному слабительное. В таких случаях, говорят, помогают еще и таблетки от кашля.

Тем не менее прежде следовало осмотреть больного. Например, можно было бы увидеть, что методичное увеличение объемов нефтепереработки (за счет увеличения импорта сырой нефти) закономерно ведет к экспорту объемов нефтепродуктов. Но при этом растет и объем отрицательного внешнеторгового сальдо с Россией.

Вероятно, в этом деле нет места для однозначных оценок. Нефтяной бизнес казался привлекательным для развития в Беларуси, прибыльным при наличии нефтеперерабатывающих предприятий и транспортной структуры. Обещал быстрые и крупные доходы, но отведенную ему роль локомотива экономики не сыграл. Как и любому двигателю, ему требуется топливо, которое надо покупать у монополиста. Как бы хорошо ни относился к покупателю продавец, он прежде всего думает про собственные интересы. Если и предоставляет экономические преференции, то требует в дальнейшем оплаты, в том числе и за счет политических скидок.

К тому же мировой кризис на самом деле усиливается, что ограничивает возможности для маневра. Например, белорусский экспорт в страны ЕС сократился почти вдвое, но при этом значительно увеличился импорт и сохранилось положительное сальдо. Хотя на всех остальных «фронтах» без перемен. Чем масштабнее сделки с ведущими партнерами, чем теснее интеграционные формы, тем больший дисбаланс переживает белорусская внешняя торговля.

Иными словами, модель внешнеторговых отношений Беларуси, возможно, себя не исчерпала, но нуждается в существенной коррекции. Такой, которая потребует изменения всех представлений о сущем и должном. Которой будут присущи большие масштабы по действиям и результатам, к которым призывает вице-премьер Владимир Семашко.

Леонид ЗАИКО,
научный обозреватель

Элиты Беларуси. Западня ошибок

Целых три «социальных» изобретения предложили в этом году властные элиты страны. Плата в 100 долларов за выезд в Европу, налог для неработающих, принудительная замена валютных сбережений белорусскими рублями. А на подходе и другие — не менее странные ноу-хау.

Феномен октябрьского переворота: case Беларусь

Case — это пример, способ исследования, основанный на всестороннем анализе конкретной ситуации. Мы им как методом и воспользуемся в данном случае. Да, каждая страна обладает своим интеллектуальным капиталом, равно как и может уникально генерировать ошибки. Интересно, что таким уникумом мы стали заметны в мировом и региональном сообществе именно в 2013 году.

Деньги за выезд из страны — оригинально, хотя и есть пару примеров в далеких краях. Специальный налог для тех, кто не платит налоги, но не известно, на что живет и какие доходы получает? И превращение белорусского рубля в единственное средство сбережений — на годы и века?

Для обычной страны на долгие годы исследований и расследований хватило бы и одного из таких социальных изобретений. У нас творчество властной элиты дало спонтанный взрыв необычных идей. Почему? С чем связаны такие вулканизмы? И самый важный вопрос: «Когда закончится самодеятельность в изобретении ошибок?»

На мой взгляд, фундаментальная причина есть. Она аналогична причинам, приведшим к Великой Октябрьской революции (сокращенно получается «ВОР», но в нужный момент спохватились и добавили «социалистической», чтобы затем придумывать новые идеологемы и мифы). В отличие от прописных трактовок ВОР в современных исследованиях социологов нахожу точную и оригинальную трактовку переворота-революции — «недостаточность элит в России».

В чем точность этой концепции? Череда переворотов, смена целей, ненадежность власти есть следствие неразвитости элит. Причем даже чисто количественной «малости» элитных групп и образований. Просто мало в процентном отношении, в численности основных групп элит. Они в России только формировались, дворянство было супермалым, элитные группы собственников (промышленные, торговые капиталисты, ученые, писатели) развивались недостаточно быстро.

В итоге получилось, что страна Россия с малочисленной элитой попала в девиационный шторм, началось стохастическое движение. К тому же это формировало диктаторный модус власти, персонификацию всей политики. Мало элит — мало прочности и надежности в развитии страны.

Теперь подумаем о нас. О Беларуси. Мало элит? Определенно. Партийно-хозяйственная элита была исполнительной, вторичной к московской власти. Имела значительный комплекс провинциализма, что является угрозой национальной независимости. Отличалась боязнью мирового сообщества, отрицанием опыта успешных стран.

Не случайно в 1994 году остатки подавленной, экономически малоимущей столичной номенклатуры были смещены районными элитами. Это месть за партийный тупик, содержание в «черном теле» районной полуноменклатуры, это стремление утвердить свои амбиции «ради простого народа». Который — по их убеждению — они знали лучше физиков БГУ, историков Академии наук.

Процесс социального подъема при помощи новой власти пошел. Минск стал мишенью и средством самоудовлетворения амбиций части элиты. Улицы и здания, дворцы и офисы стали рождать недоумение, но и на это хватало терпения у значительной части «неэлиты».

Хотя архитектурные ошибки и провалы остаются очень надолго. Но — притерпелись.

Нежелание новых властных элит вести диалог с «невластными» объяснимо. В таком диалоге они потерпели бы сокрушительное поражение.

Особенно в попытках оправдания собственных ошибок. Но хуже не это, не только это. Властная элита затормозила развитие других элитных групп: медийщиков, ученых, военных, инженеров, бизнесменов. Как затормозила? Самым простым способом — превратив их в исполнителей указаний и распоряжений номенклатуры. Подозрение в инакомыслии получало политическую окраску, даже музыканты стали диссидентами. Не все, конечно, а инакоиграющие и инакопоющие.

Ограниченность развития элит привела к ситуации времен падения царской династии. 1913 год был самым лучшим, по нему даже потом выставлялись статистические реперные точки: «в 1975 году по сравнению с 1913 годом...». Как не вспомнить такие сравнения!

Ассоциативность с царской Россией пугает. Задумайтесь: элиты недостаточно даже просто в количественном отношении. В системе представительства интересов, в развитии различных сегментов общественной жизни. Во всем!

Вторая сторона — некачественность идей и тезисов, используемых элитными группами, находящимися во власти.

Несовершенство или ошибки?

В советское время выезд из СССР практически был запрещен, строго контролировался. Это свидетельствовало о слабости власти, она закрывала свое население от мирового сообщества. Синдромом такой слабости обнаружился у нас в 2013 году. Причины — те же, хотя мотивировка оригинальна: вывозят-де 3 млрд долларов на покупки иностранных товаров. Если бы такие тезисы верифицировались у профессиональных экономистов, то получили бы отрицательную оценку. Цены на товары-аналоги в ЕС будут ниже в силу меньших издержек только по причине масштабов производства. И из-за множества других факторов, включая производительную силу труда. Плюс жители Беларуси получают НДС (VAT) при выезде из ЕС.

Тем самым поведение белорусов, выезжающих за покупками, экономически обосновано. Бороться с этим не надо, глупости изобретать смешно. Хорошо, что сам автор признался, что «брякнул». На том и спасибо. Это даже вызывает уважение, так как далеко не каждый умеет признать свои ошибки.

Но подоспело новое изобретение властной элиты — налог для неработающих. Сначала говорим о полной занятости, официальная безработица составляет 20 900 человек. В статистических сборниках именно эта цифра и значится. Но появилась другая цифра с определением «неработающие» — около 445 000 человек, тоже по официальным данным. Имплицитно понимается, что это работающие за рубежом. Чаще всего в России. Мнений о них высказано много, особенно по социальным расходам.

Если поступать разумно и профессионально, то базовое образование должно быть профинансированным из бюджета. Абсолютно для всех, включая детей от 445 тысяч «уездников». Детсады и школы должны быть доступны всем категориям граждан, без разграничений. Это обязанность общества — предоставлять равные возможности для стартового развития личности. Пенсии и пособия — в соответствии с выплатами персонально каждым гражданином.

Более сложный вопрос — медицинское обслуживание. Для 445 тысяч, обозначенных как «неработающие», скорая и неотложная помощь обязана предоставляться за счет бюджета. Если после приезда «скорой» не положили в стационар — оплачивай вызов сам. Такое правило разумно ввести для всех. Более сложный вопрос для 445 тысяч «неработающих» — медицинская страховка. Это уже стало проблемой. Если с вами что-то случилось на территории России, врачи требуют страховку. У наших ее нет. Создать такой документ — вопрос, который можно решить в течение одного года. Особенно профессионалам и при помощи интернета.

Удивительная глупость сморожена представителями элиты в отношении сбережений населения. Причем через пару лет после девальвации белорусского рубля в 2,7 раза, практически трехкратной потери сбережений в рублевых депозитах. Неким персоналиям, не имеющим профессионального экономического образования, кажется,

что будет хорошо перевести валютные депозиты в рублевые. Очень опасная идея.

Надо бы знать, что деньги тогда являются «деньгами», когда выполняют функцию сбережений эффективно и в последовательно верифицируемое время. Белорусский рубль стал дешевле в 3 раза за последние 3 года. Он только по этой причине не может пользоваться доверием у домашних хозяйств. И навязывать такое доверие смысла нет.

Сбережения населения пока могут быть эффективно конституированы в иностранной валюте, недвижимости. И все. Нет акционерной формы, нет иных титулов собственности, которые бы гарантировали сбережения на продолжительном отрезке времени.

Насильственное изъятие сбережений переводом в инфляционный рубль покончит с доверием к собственной денежной единице. Одновременно это стимулирует вывоз валюты за пределы страны, вложения ее в иностранные банки. Кстати, уже сейчас это можно легко сделать в России и Украине. По существу, мы передадим наши «фундаментальные» сбережения иным государствам, иностранному бизнесу.

Такая ошибка резко обострит ситуацию с обменным курсом и стабильностью банковской системы. Она может стоить слишком много и для нынешних политиков.

Конечно, номенклатурная элита в тупике по многим вопросам. Пожинает плоды троечной учебы в институтах, собственного относительного невежества, проблем пенсионного возраста.

Но появляется и новый феномен. В этом желании придумывать ошибки стали замечаться и чиновники относительно молодые, казалось бы, способные к наукам, включая экономическую. Замечательный тип ошибки — налог для владельцев транспортных средств, сформированный в «недрах» Министерства экономики. Кстати, его — министерства — наличие является классической ошибкой. Закрыть и сформировать «национальное агентство экономической политики» со штатом в 30–50 человек было бы полезней содержания исторического динозавра. Когда экономика конкурентная и рыночная, впору заниматься только экономической политикой. Серьезной и фундаментальной. С хорошим мониторингом и прогнозами.

Рассуждать о налоге на транспортные средства не интересно по определению. Он у нас уже в 90-х годах был отменен, точнее, включен в цену бензина. Тогда все нормально: больше ездишь — больше платишь. Плюс собирается постоянно — через цену бензина, не требует специальных инспекторов, специального сбора показателей. Абсолютно удобен и профессионален с экономической точки зрения. Следовательно, налог на транспорт существует. И зачем его брать дважды? Пора включаться в это дело юристам.

Смешно устанавливать плату за «участие в дорожном движении». Автомобиль — не только предмет потребления, но и, что более важно, средство производства. Принципиально. Следовательно, аналогично введем налоги и на другие средства производства: станки, конвейеры, машины? С формулировкой «за участие в процессе производства». Кроме того, придется вводить такую плату за «участие» иностранным автомобилистам (въехал — плати). Иначе возникнет вопрос, почему им предоставляются льготы? А также участниками движения придется признать лошадей, велосипедистов, пони и ослов.

Цена глупости — найти 100 миллионов долларов для бюджета. Предлагаю проще. Сократили на 25 % государственных чиновников и служащих. Специально по указанию президента. Освободились кабинеты, офисные и иные площади. Следовательно, если быть экономистами на деле, на 25 % необходимо сократить площади зданий и помещений, где работали сокращенные.

Или сдать ¼ площадей в аренду. И получать ежемесячно ренту. Да и в социальном аспекте интересный ход. Дебюрократизация страны получает объемное подтверждение. В кубометрах и метрах офисов.

Логически рассуждая, после увольнения 25 % чиновников на 25 % должно стать меньше ошибок и глупостей. Не получилось. Тогда — не тех уволили! И... все как в 1913 и после.

www.gazetaby.com

Сергей Чалый:

«Лукашенко на выборы придет уже проигравшим...»

Тема президентских выборов — неизбежная для грядущего года. Редакции готовят соответствующие рубрики. Интернет-портал «Салідарнасць» недавно представил новый спецпроект «Кампания-2015», в рамках которого к разговору был приглашен экономический обозреватель Сергей Чалый.

По мнению эксперта, Россия не играет никакой роли в белорусской политике, чиновники в нашей стране уже переключились в режим итальянской забастовки, а грядущие выборы — самые удачные для смены власти.

— Сегодня многие политики и эксперты говорят: главный враг Лукашенко — это экономика. Хотелось бы разобраться, чего в свете грядущих выборов Александру Григорьевичу от этого супостата ждать?

— Действительно, именно экономика будет отличать выборы 2015-го от всех предыдущих. Уже понятно: нельзя отрапортовать не то что о каких-то достижениях, а даже об исполнении наказов IV Всебелорусского собрания. Нет никакой зарплаты в 1000 долларов, никакого роста в 66 %. И довольно велики шансы, что можно встретить следующие выборы при уровне жизни ниже 2010-го.

Политика сейчас заключается в том, чтобы просто постараться тупо дотянуть до 2015 года без кризиса. Но, очевидно, не удастся. По всем показателям это совершенно провальная пятилетка.

А власти с чем-то на выборы надо идти. Раньше предполагалось, что таким лозунгом может быть модернизация, но ввиду негативных последствий для экономики ее уже потихоньку сворачивают. Остается Евразийский экономический союз. Но и тут уже ясно, что просто очередные три буквы будут придуманы — и на этом все.

Лукашенко нынешнюю посткризисную экономику не понимает. Не знает, как она работает, что с ней делать и как управлять. Раньше было все предельно понятно — тут добавили, там убрали. И все функционировало в ручном режиме. А тут после кризиса выяснилось, что при плавающем курсе это традиционное создание иллюзии богатства уже не работает.

Да и чиновничество к осени прошлого года уяснило, что образа будущего у вождя нет. Система начала работать на собственное выживание, на текущие нужды. И мы видим, что весь 2013 год — это какие-то тактические решения. Причем чем дальше, тем все более маразматические. Пошлина на выезд, принудительный труд на предприятиях, которые подвергаются этой комплексной модернизации, и т. д. — это все уже начинает приобретать совершенно анекдотические черты.

Поэтому выборы для Лукашенко, несомненно, будут тяжелыми: достижений не

видно, а все слабости налицо, и их очень легко будет использовать противникам. Что это за «уникальная модель», которая в течение пяти лет переживает три девальвации?

— Вы сказали про противников. Вы имеете в виду кого? Оппозицию?

— Мне вообще не хотелось бы произносить слово «оппозиция», поскольку на сегодняшний день она превратилась в диссидентское движение.

Все предыдущие годы оппозиция оправдывалась: «А что мы можем сделать, пока Лукашенко народ кормит? А вот, как наступит кризис, мы тогда “как выпрыгнем, как выскочим — полетят клочки по закоулочкам”!»

Хорошо, вот вам кризис 2011 года. Люди в течение буквально нескольких месяцев становятся беднее в три раза. Какой еще кризис вам нужен? Очевидно, что никаких мобилизационных ресурсов у оппозиции нет.

Но по крайней мере, если какой-то кандидат получит СМИ, уже известно, что говорить. Про то, что предыдущая власть действительно завела экономику в тупик и выхода из него не видит.

Все, что делается, — это просто попытка «перехватить до зарплаты». Но если на этот год надо было перехватить 4 миллиарда долларов, то на следующий год дефицит финансирования — уже 8 миллиардов.

Основной вывод — система, которую выстраивали без малого 20 лет, приказала долго жить. Разрыв в благосостоянии с нашими соседями мы не закроем никогда — это потеря мозгов и рук, ловушка бедности на долгие годы вперед.

После всех этих кризисов стало ясно, что король-то голый. Я не ожидаю, что какие-то радикальные шаги наши власти успеют сделать за оставшихся два года. Хотя это их единственный шанс.

— Радикальные — это девальвация?

— Очевидно, что она нужна. Нужно перестать упираться ногами и руками и дать рынку самому найти равновесный курс.

Но у Лукашенко серьезная психологическая травма по поводу девальвации. Поэтому задача, которая сейчас поставлена Нацбанку и правительству, — придумать любые способы избежать девальвации.

Теоретически это возможно. Но социальные издержки этого пути еще тяжелее, чем последствия рыночной девальвации.

А что нужно сделать — давным-давно написано. Есть масса документов Всемирного банка, посвященных реструктуризации крупных промышленных предприятий, известно, что сделать с пенсионной реформой, с бюджетом. Что делать на макроуровне, Международный валютный фонд представляет себе с 2009 года.

Даже специалисты Минфина, аппарата Совмина, Минэкономики, Нацбанка (те, что ниже политических должностей) тоже все это понимают. Есть только сомнения, могут ли эти меры быть поддержаны на самом верху.

Впервые Лукашенко из части решения проблемы уже становится самой проблемой. И мне кажется, что чиновничество, которое понимает, что происходит, уже переключилось в режим итальянской забастовки, дословно исполняя самые дикие идеи вождя. Как тот же декрет № 9, который был сделан за 10 дней от момента появления этой идеи и при этом в настолько вопиющей форме, что до сих пор нет ни одного случая правоприменительной практики.

То же самое с налогом на безработных, с пошлиной на выезд. Под конец уже даже Лукашенко понял, что, наверное, брякнул себе во вред. Если раньше еще какие-то фильтры были и эти бредовые идеи волшебным рашпилем обрабатывались и приводились в какую-то более-менее удобоваримую форму, то теперь хотите — пожалуйста. Напишем вам все, что угодно. Но это ведь только увеличивает ощущение маразма происходящего.

— Маразм маразмом, но рейтинги все же растут.

— Это потому, что зарплата растет. Но по тем же соцопросам видно: около 60 % людей считают, что страна идет в неправильном направлении, требуются перемены. Теперь есть возможность побороться за «болото», которое на всех выборах присоединяется к потенциальному победителю. Решать будет не ядерный электорат Лукашенко, не 30–35 %, которые все равно проголосуют за него...

Почему проходят фальсификации? Потому что те, кто это делает, абсолютно убеждены в своей безнаказанности.

А ведь фальсификация выборов — это тяжелое уголовное преступление, как ни крути. И в какой-то момент вопросы собственной безопасности тех, кто сидит в участковых комиссиях, могут сработать в противоположную сторону: вот мы посчитаем, как есть, а вы уже там в своих окружных комиссиях и выше считайте, как хотите.

И по правилам наблюдения теоретически можно выстроить технологию, которая заставит посчитать голоса хотя бы на уровне участков.

— Даже если предположить, что участковые и окружные комиссии вдруг не побоятся представить честный результат, то уж Лидии Ермошиной точно терять нечего...

— До недавнего времени Лидия Ермошина всегда могла сказать, что она всего лишь суммировала то, что ей предоставляли из регионов.

Основные фальсификации действительно совершались на местном уровне.

Но мы говорим о ситуации, если появится кандидат, про которого можно сказать, что у него есть хоть какие-то призрачные шансы. И тогда технологически многое становится возможным.

— А откуда в нашей ситуации может взяться такой человек?

— Это самый главный вопрос. Но откуда-то же взялся Лукашенко! Тоже, как черт из табакерки, выскочил. Ну да, конечно, он был депутатом, возглавлял комиссию по борьбе с коррупцией — просто роскошный подарок Кебича (в 1994 году — премьер-министр Беларуси. — *Ред.*).

Но я исхожу из того, что если истории нужно, то из воздуха материализуется эта фигура. Есть тренды, против которых не попрешь. Сложно долго мочиться против ветра.

Сейчас ситуация такова, что Лукашенко впервые не является выразителем идей. Ничьих. Вообще ничьих. Разве что силовиков, хотя, скорее, они им вертят, чем он ими.

Если раньше Лукашенко был президентом-защитником простого человека от чиновника, то в какой-то момент он оказался защитником чиновника от простого человека. Затем быстро понял, что это тоже не очень хорошо, и начал борьбу с коттеджами и пр. Сейчас ситуация такова, что он — для всех помеха.

Для номенклатуры Лукашенко — помеха, потому что многие ее представители уже в пенсионном возрасте и ждут: «Когда же, Остап Ибрагимович, мы начнем делить наши денежки и за верную длительную службу получим хоть какие-то кусочки народной собственности?» А он этого ничего не делает.

Запад на Лукашенко давит: «Где приватизация, где реформы?» Россия говорит: «Где же наши пять интеграционных проектов?»

Те же самые чиновники уже с радостью бы хотели жить, как чиновники российские. Находящиеся ниже политических должностей — замы — это же все молодые люди, около 40 лет. Тот же Румас, тот же Снопков, хоть он и министр, — не самые глупые люди. Ярошенко, Ермолович из Минфина, Надольный из Нацбанка — это все люди, которые говорят на одном языке, которые прекрасно между собой общаются. Выросла уже целая контрэлита, ростки зеленые под асфальтом.

Я к тому, что смена власти не приведет к какому-то управленческому хаосу. Просто убирается слой маразматиков, и оказывается, что за это время появились люди, которые умеют управлять и мыслят в категориях вполне себе разумных и рыночных. Проблема у нас — это один человек.

— Только бы после нашего интервью этот человек газонокосилку не достал для «ростков из-под асфальта»...

— А кем управлять тогда? Скамейка же запасных нулевая. Никто не хочет министром быть.

— Т. е. у нас все будет хорошо. Вопрос только — когда.

— Окно возможности — буквально два-три года. Поэтому кампания 2015 года — это не выборы, которые можно пропустить. Это выборы, за которыми дальше начинается безвозвратный путь в деградацию.

А политики об этом не говорят. Их позиция: ну 2015 год, в случае чего 2020-й, 2025-й...

Я думаю, что кризис 2011 года для Лукашенко был решающей травмой. И вот это обилие многочасовых интервью говорит о том, что человек хочет нащупать тему, за которую его снова полюбят, как раньше. Но нет. Все.

И последние высказывания Лукашенко свидетельствуют, что его самого это очень достало. Идет откровенное раздражение, и летят фразы: «народец», «везете барахло», «производите дребедень», «шмотки», «мне пофиг, хорошее или плохое вы делаете... Где деньги?».

— Вы описали ситуацию, при которой ну просто приходи и спокойно забирай эту власть у Лукашенко. Но нельзя же забывать и о роли России, которая приложит все силы, чтобы этого не произошло.

— Россия не играет никакой роли. Это абсолютная чушь, что она вообще умеет влиять на ситуацию в постсоветских государствах.

Вспомните: везде, где Россия пыталась вмешиваться, ее кандидаты терпели ошеломительное поражение. В Молдавии, в Абхазии (потом у Онищенко резко мандарины стали плохими), в Украине два раза Путин поздравил Януковича с президентством, а победил в итоге Ющенко.

Более того, ни о какой пророссийской силе внутри Беларуси не может быть и речи, потому что Россия всегда кидала всех, кто за нее подписывался. Вспомните Козулина, Некляева с его программой встраивания наших промышленных предприятий в технологические цепочки России. Россия не имеет инструментов в Беларуси и не понимает, что здесь происходит.

— Политологи уверены, что есть кому подхватить эту власть и без оппозиции, имея в виду чиновников и силовиков...

— Что касается силовиков и чиновничества — да, несомненно, это первые кандидаты. Но в том случае, если предположить, что Лукашенко внезапно куда-то делся. Тогда включается вариант холодного лета пятьдесят третьего. Условный Берия против условных Хрущева с Маленковым. Номенклатура против силовиков. С результатом совершенно предсказуемым, поскольку единственной гарантией выживания условных Хрущева с

Пытаться изначально понравиться номенклатуре вообще не имеет никакого смысла, это уже после победы надо делать. А до этого надо понравиться тем, кто голосует. В этом смысле кампания «Говори правду» была не самым удачным проектом. Как император Павел говорил, что при мне будет так, как при бабке Екатерине, так и они пытались говорить, что будет так, как при Лукашенко, только без него. Это не сработает. Нужно рассчитывать на электоральную победу. И сейчас — наибольшие шансы за все долгие годы.

— И как же понравиться народу?

— Действительно, есть много негативных вещей, которые всему этому мешают. Это большой уровень недоверия и апатия, очень высокий уровень усталости. Причем усталости не только тех, кто на диване сидит, но и у активистов потенциальных, которые могут работать.

Плюс серьезная потеря интереса Запада к Беларуси. Это везде прослеживается. Даже риторика меняется и уже свелась примерно к следующему: ну, Александр Григорьевич, давайте вы хотя бы просто перестанете в приличном обществе в скатерть сморкаться, больше мы от вас ничего не хотим.

Это видно и по финансированию оппозиционному. Очевидно уже, что таких денег, как у «ГП» в 2010 году, на предстоящих выборах не будет.

Проблема в том, что на Западе все мыслят политологическими категориями. В этом смысле ничего не поменялось — оппозиция такая же слабая, власть все та же.

Но на самом деле экономически это совсем иная ситуация. Лукашенко на выборы придет уже проигравшим. И будет уязвим полностью для правильно построенной критики.

И тут-то как раз не сработает классический прием власти против оппозиции: «Вы только можете критиковать. А что вы предлагаете?» Потому что как раз ответом оппонента будет: «Это вы ничего не предлагаете. Мало того что вы завели страну в тупик, так еще барахтаетесь в этом болоте, постепенно утаптывая в нем всю страну. А как выйти из кризиса, уже известно...» Можно прямо сейчас писать кампанию под неизвестного кандидата.

Маленковым будет моментальное быстрое разбирательство с условным Берией, иначе всем кранты. А с учетом того, что ненависть к нашим силовикам очень высока, поскольку все эти годы они вели себя крайне нагло и настроили против себя практически всех, их съедят моментально.

Да, это будет борьба не на жизнь, а на смерть. Причем номенклатуры консолидированной, под Мясниковичем. Вы же видите, что Лукашенко уже сколько раз хотел отставить Мясниковича, но не может этого сделать. Иначе вообще некому будет управлять страной. Потому что сам президент практически самоустранился от этих вещей. Он только совещания проводит, в полях все осматривает и «плодотворные» идеи рождает.

А чиновники уже выстроили такую систему, которая ждет только стартового выстрела пистолета. В случае, если будут объявлены приватизация, либерализация и демократизация, все командные высоты автоматически оказываются у номенклатуры. Заранее установлены правила игры. Еще с 2010 года. И потом, когда они получат все, что хотят, — и политические и экономические высоты, — будут объявлены демократия, рынок. Запад скажет, что все отлично, как мы и хотели, и вопрос будет решен. Просто это будут такие правила игры, при которых победитель известен заранее. И это тоже не самый лучший вариант.

— А если побеждают силовики?

— Возможен и такой вариант. И тогда то, что мы сейчас называем диктатурой, будет цветочками по сравнению с тем, что нас ждет.

Но это сценарии, если Лукашенко куда-то девается. На выборах же рядовых понятно, что никакого кандидата от номенклатуры не будет. Просто в силу того, что чиновники трусливы. И напрасно Федута все время лелеет эту идею: а давайте мы какого-то кандидата Сидорского подождем или пойдем звонить в двери Дома правительства, и он выйдет к восставшему народу. Это чушь полная.

Беседовали Анастасия Зеленкова, Александр Старикевич

Разрыв шаблона, или

Как белорусы в демократию ездили

Анна АЗЕМША

Вылет в Грузию совпал с саммитом СНГ в Минске. 24 октября в столицу стали стягиваться главы входящих в союз государств. И без того мрачный главный белорусский аэропорт был переполнен людьми в штатском, более похожими на «братков» из 90-х, чем на сотрудников службы безопасности. Быстрыми шагами, опустив голову, чтобы лишний раз не привлекать внимание людей в черном (профессиональная привычка), я зашла в полуразваленный аэровокзал. После двух часов ожидания нас запустили в самолет. Ровно через три часа мы должны прилететь в Тбилиси, город солнца и роз.

Контрасты

Знаете, каждый страх имеет свой собственный запах. Страх перед полетами, например, отчетливо пахнет виски, и в самолете это ощущается, как нигде. В полутьме и всепроникающем аромате, предположительно «Ballantine's», мы летели навстречу, как оказалось, неожиданностям.

Многие привыкли представлять Грузию полуразрушенной и грязной страной — по крайней мере, такой ее показывают на главных российских телеканалах. Исходя из этих представлений, аэровокзал в Тбилиси должен был напоминать поросшее травой летное поле или что-то похожее на аэропорт в фильме «Мимино». Но поразил функциональностью и комфортом. В отличие от нашего воздушного вокзала, в котором для погранконтроля выделено только две кабинки, здесь их было больше десяти. В итоге в город мы вышли уже через 10 минут после приземления самолета.

По дороге в отель нам удалось полюбоваться ночным Тбилиси. Такое ощущение, что город не останавливается ни на минуту. Недавно отреставрированный центр столицы сиял тысячами огней, а статуя основателя города, возвышаясь над рекой, словно приветствовала белорусских наблюдателей.

В этот поздний час не спали и попрошайки, которых в городе на каждом шагу по несколько человек. Кто-то собирает деньги для больного ребенка, кто-то для себя, а некоторые выпрашивают купюры в подарок — как сувениры. В общем, изобретательности этой публике не занимать. Кто не знал грузинского языка, теперь точно запомнит хоть одно слово — «дамэхмарэ» («подайте»), альтернативный перевод: «Беги, не то я вытрясу из тебя все деньги». Получив несметные сокровища в размере пятисот белорусских рублей, попрошайки переключили свое внимание на других случайных ночных прохожих.

На следующий день в свободное от работы время мы выдвинулись на прогулку по городу. Тбилиси — город контрастов: рядом

с новым зеркальным офисным центром может стоять заброшенное здание, за резиденцией президента находятся деревянные полуразрушенные дома, на парковках с BMW X6 соседствуют старенькие жигули-«копейка». Кажется, здесь нет чего-то среднего, все уходит в крайности.

Так и с агитационными плакатами кандидатов. Где-то заклеена вся улица, а где-то нет ни одного, в некоторых районах города невозможно было даже подумать, что в стране грядут президентские выборы.

Пикет

Возле бывшего здания парламента Грузии мы увидели странную картину: несколько человек сидели на парапете рядом с монументом в память о погибших 9 апреля 1989 года. На самом монументе были наклеены фотографии и плакаты, рядом стоял старый флаг Грузии.

Оказалось, что на этом месте уже шестой день идет акция протеста, один из участников объявил голодовку и несколько суток днюет и ночует возле старого парламента. Акцию начали участники митинга 1989 года, который был жестоко разогнан внутренними войсками МВД и советскими военными. При разгоне были применены газ «черемуха» и, согласно ряду источников, сильнодействующий газ «си-эс», военные использовали против мирного населения резиновые дубинки и саперные лопатки. В результате на месте погибло 16 участников митинга, а еще трое умерли в больнице.

У выживших участников тех событий до недавнего времени были удостоверения пострадавших, предоставлявшие различные льготы. Теперь эта категория граждан лишена установленного прежде статуса, а значит, и льгот. Участники акции протеста пытаются добиться возвращения статуса потерпевших.

Бесо Микава, голодающий: Три недели назад, перед тем как начать акцию, мы хотели провести пресс-конференцию. Говорят, у нас есть независимые СМИ. Это все ложь, у нас есть самоконтролируемая пресса, которая стала хуже провластной. Мы сделали объявление — и никто, ни один телеканал не пришел. Потом, когда мы уже начали акцию, на нас обратил внимание только наш омбудсмен Уча Нануашвили.

— Может, у вас есть какие-то надежды на выборы, на нового президента?

Гела Маврадзе, генеральный директор Фонда 9 апреля: Никаких. Каждое правительство, приходящее к власти в Грузии, приходит на кровь погибших в 1989 году.

Бесо Микава: Мы всем кандидатам сказали, что здесь акция, но ни один не пришел. Те, кто были тут и видели нас, сразу убегали. 23 кандидата — и никто не пришел. Если человек не патриот своей страны, как он может стать президентом?

— Вы здесь стоите уже шесть дней. Полиция пыталась вас разогнать?

Гела Маврадзе: Нет, наоборот, они охраняют нас каждый день. Полицейские очень близко к сердцу эту ситуацию приняли, очень удивились, когда узнали, что такое произошло. Все удивляются.

Бесо Микава: Вы знаете, нас никто и пальцем не может тронуть, потому что они сразу станут такими же, как и советские войска, которые нас разгоняли.

— Ну вот, а вы говорите — демократии у вас нет.

Бесо Микава: Демократия — это не когда ты говоришь и тебя не трогают, демократия — это когда власть слышит голос народа.

После таких слов становится понятно, что неслучайно известный философ Мераб Мамардашвили родился именно в Грузии. В стране философов люди мыслят абсолютно иными, чем, например, у нас, категориями. Самостоятельно понять, что же такое демократия и как она выглядит, нам предстояло уже на следующий день.

Президентские выборы

День выборов начался еще до восхода солнца. В 6.30 утра мы уже были на первом участке, наблюдали процедуру открытия. Ехали с полным ощущением, что нас ждет такая же жесть, как и на белорусских выборах. Вооружившись блокнотами, фотоаппаратами и Избирательным

кодексом Грузии, мы вошли на участок во Дворце спорта. В 7 утра пришли члены комиссии, чтобы подготовить участок к выборам. Избирательный кодекс Грузии примечателен тем, что в нем очень конкретно изложены все процедуры, прописано даже расположение мебели на участках. Мы сразу накинулись на председателя: а покажите, а расскажите... Невыносимые людишки! На месте председателя можно было бы сразу нас возненавидеть: ходят, высматривают что-то, пишут в блокнотах неизвестно что. Но, на наше удивление, председатель ответил на все наши вопросы, показал все, что просили и

не просили. Это была первая неожиданность для нас. Все процедуры подготовки к голосованию нам показывали чуть ли не под увеличительным стеклом, чтобы видели все и всё. Мы даже заподозрили, что здесь что-то не так, когда председатель ко всему прочему предложил наблюдателям сесть рядом с комиссией за регистрационные столы. Этот участок был интересен тем, что тут могли голосовать люди без прописки.

В 8 утра открылись участки по всей стране. На «наш» участок буквально через 20 минут после открытия пришел первый избиратель, которого потом все провожали аплодисментами.

Сама процедура голосования тоже была для нас необычной. На входе избирателям светят на руки ультрафиолетовым фонариком, проверяют паспорт или ID и только после этого пускают на участок. Возле регистрационного стола избирателю выдают бюллетень и брызгают на палец специальным спреем, который светится в ультрафиолете. Таким образом пытаются избежать так называемых «каруселей», когда одни и те же люди по нескольку раз голосуют на разных участках. Избиратель идет в кабину, заполняет бюллетень, который затем кладет в выданный ему конверт. И уже в конверте заполненный бюллетень отправляется в прозрачную урну. Для голосования на дому тоже используются прозрачные урны. Еще стоит отметить, что, в отличие от Беларуси, в Грузии нет досрочного голосования.

Для прессы на участках было настоящее раздолье. Снимать разрешали абсолютно все, почти на всех участках даже не ограничивали во времени, хотя Избирательный кодекс предусматривает это. Меня, белорусского журналиста, не избалованного такими вольностями, это просто поразило. Возможно, меня можно было сравнить с сумасшедшим японским туристом, который фотографирует все, что попадает в объектив камеры.

На многих участках ощущался грузинский колорит. В одной деревне, когда не было избирателей, члены комиссии, чтобы не скучать, развлекали себя и наблюдателей песнями, танцами и игрой на народных музыкальных инструментах. В Тбилиси на один из участков пришла собака — видимо, голосовала вместе с хозяином. А на участке, располагавшемся в институте, избиратель даже написал стихи и подарил члену комиссии.

Атмосфера на некоторых участках повергала международных наблюдателей в шок. В Тбилиси мои коллеги хотели зайти на участок, а попали в облако табачного дыма. Там было разрешено курить. В стране, где курят практически везде, даже в зданиях автовокзала

и аэропорта, избирательные участки не стали исключением.

Когда мы поняли, что в Тбилиси на участках тишь да гладь, решили выдвинуться в деревню и посмотреть, как обстоят дела там. Вдруг какие-то нарушения усмотрим.

Оказалось, что в деревне участки — образцово-показательные. Во всяком случае, таким оказался тот, куда мы нагрянули. Для местных выборы — настоящий праздник. Они были очень горды, что им доверили провести у себя в деревне такое важное мероприятие, на котором решается судьба страны, и подошли к процедуре с полной ответственностью. Даже английский подучили, чтобы не ударить в грязь лицом перед представителями международных миссий.

Мне кажется, белорусских наблюдателей можно было вычислить по одновременно удивленным и грустным глазам. Все было хорошо, даже слишком. Плохо, что у нас все не так, и это не давало нам покоя.

Наверное, многие слышали про теорию шести рукопожатий: мол, два незнакомых человека соединены через пять уровней общих знакомых. Мне кажется, что таких рукопожатий на самом деле меньше. На одном из участков в тбилисской школе член комиссии, который нас регистрировал, поинтересовался, знаем ли мы Алеся Беляцкого. Оказалось, что он работал вместе с Беляцким, изучал белорусско-польский конфликт. Сейчас очень переживает за Алеся и, как в «Поле чудес», пользуясь случаем, передает ему привет. Алесь, Ваш грузинский друг помнит Вас и надеется на скорую встречу! Вот как тесен мир. А вы говорите — шесть рукопожатий.

Участки закрылись в 8 вечера. Подсчет голосов, казалось бы, самая проблемная часть выборов, на удивление, оказалась самой скучной. Не нужно было воевать с комиссией за место у стола, не требовалось указывать, в какие стопки раскладывать бюллетени, в конце концов, даже жалобы ни одной не написали. В 9 часов вечера, когда объявили результаты экзит-поллов, автовладельцы на улицах начали сигналить, тем самым давая понять, что президент избран.

Президентом стал Георгий Маргвелашвили, бывший министр образования, философ. Многие отмечают, что этот кандидат — пророссийский. Но теперь это не имеет значения, так как с 2013 года Грузия переходит к парламентской форме правления, полномочия президента будут значительно сужены, и он будет выполнять в основном представительские функции.

В любом случае, кого бы ни выбрали грузины, это был действительно их выбор, и мы это видели. Голос народа был услышан. Нам остается только завидовать и мечтать о тех временах, когда и нас услышат.

P. S. Миссия была организована в рамках международного образовательного проекта «Наблюдение за выборами: теория и практика» (EOTP), который реализуется совместно Belarus Watch, ЕГУ и Белорусским домом прав человека имени Бориса Звозскова. Предыдущие миссии проекта проходили в ряде европейских стран, в том числе в Беларуси. Проект дает молодым белорусам возможность взглянуть на политические процессы изнутри, ознакомиться с избирательными системами других государств и опытом независимых наблюдателей, чтобы потом применить приобретенные знания в Беларуси.

Фото автора

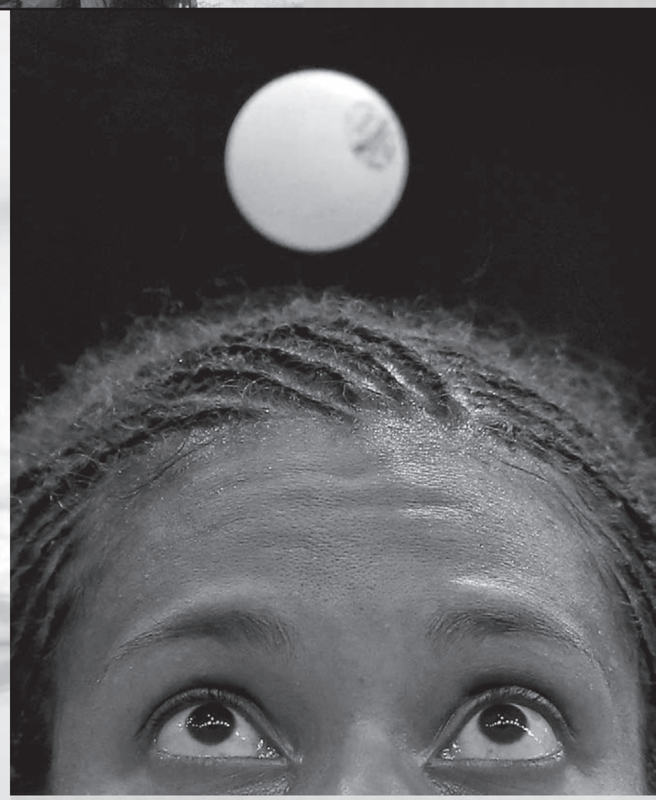
Здымае Сяргей Грыц,

фотакарэспандэнт агенцтва Асашыэйтэд Прэс (ЗША). У АР наш калега і сябра БАЖ працуе з 1997 года.

Удзельнік жартаўлівых спаборніцтваў «Каліфорнікейшн 2.0» (Беларусь, вясна 2013 года)

Тэнісістка з Камеруна Сара Канфу ўдзельнічае ў Алімпійскіх гульнях (г. Лондан, 2012 год)

Шведскі футбаліст Златан Ібрагімавіч забівае гол зборнай Францыі на ЕЎРА-2012 (г. Кіеў)

Былы прэзідэнт Грузіі Міхаіл Саакашвілі ў атачэнні целаахоўнікаў вяртаецца ў сваю кватэру пасля галасавання на прэзідэнцкіх выбарах (г. Тбілісі, 27 кастрычніка 2013 года)

Прэзідэнт Азербайджана Ільхам Аліеў пакідае выбарчы ўчастак пасля галасавання на прэзідэнцкіх выбарах (г. Баку, 9 кастрычніка 2013 года)

Спаленыя ўзбекскія дамы ў г. Ош (Кыргызстан, лета 2010 года)

Зачем журналисту красить усы и воровать бананы?

В 1983 году в одно из престижных кафе Франкфурта-на-Майне вошел турок. Хорошо одетый господин с бокалом в руках бросил: «Мустафа пришел». Официант брезгливо процедил: «Вечно здесь шляются!» Турок просидел в кафе полчаса, но обслужить его никто так и не подошел. Что должен был чувствовать этот человек? Унижение, стыд, гнев? На самом деле посетитель был очень доволен. Никто и не догадывался, кем в реальности являлся этот турок и в чем состояла его миссия.

Руслан ГОРБАЧЕВ

Ролевой репортаж, известный также по рубрикам «Испытано на себе», «Журналист меняет профессию», «Метод маски», — один из самых любимых у читателей. Во многих иных случаях, если журналист пойдет на контакт в качестве представителя СМИ, он не разведает столько интересного, не услышит «голую правду». Все желают предстать перед публикой в лучшем свете, многие ради этого готовы утаивать неприглядные факты и обстоятельства.

А читатель, «потребитель» ролевого репортажа благодаря методу видит проблему изнутри, примеряет на себя предложенные обстоятельства. Ощущает, как сказали бы в рекламе телевизоров, эффект присутствия.

«Чтобы сорвать маску с этого общества, надо замаскироваться», — учит один из классиков метода Гюнтер Вальраф.

Подготовка и импровизация

Игнорируя в кафе турецкого эмигранта, официанты не могли предвидеть, к какому эффекту приведет их наглость. Ведь одинокий посетитель только прикидывался турком, на самом деле он был немецким журналистом Герхардом Кромшредером.

И вот что он увидел (привожу отрывок из материала Герхарда Кромшредера).

«В кафе входит наш фотокорреспондент Вернер Эбелер. Тут же официантка приносит ему яблочный сок. На обратном пути останавливается у моего столика, решительно вытирает мокрой тряпкой мраморную поверхность и как бы невзначай сбрасывает на пол турецкие газеты, которые я разложил перед собой.

— Все места заказаны, понимаешь? — говорит она, упираясь левой рукой в бок.

— Меня кофе нет, потому что я турок, да? — спрашиваю с вызовом.

Кое-кто из посетителей смотрит на нее, потом снова отворачивается. Меня для них просто не существует, я — пустое место.

— Удо, — говорит светловолосая официантка бармену, — пора тебе им заняться.

Подошедший Удо берет меня за галстук — игриво, будто пробуя качество материала. Потом говорит:

— Здесь все заказано, понял? И баста. У нас нет для тебя места, понял, ты, Мустафа? Ты нам не нужен. А теперь мотай отсюда, ты, Ахмед-Мамед, или...

Он делает рукой угрожающий жест».

Публикация Кромшредера «Как я был турком» вызвала в ФРГ громадный резонанс, спровоцировала дискуссии об отношении коренных жителей к иностранным рабочим, рассуждения, могут ли люди воспринимать себе подобных как низших существ.

Для превращения в турка Герхарду Кромшредеру потребовалось перекрасить свои светлые усы, брови и волосы в черный цвет, надеть широкий пестрый галстук, синий пиджак, расклешенные брюки и надвинуть большую кепку на лоб. Ну и, конечно, поработать над акцентом.

Без подготовки в ролевом репортаже не обойтись. Как и разведчику, журналисту прежде всего нужна «легенда». Когда руководитель «Белой Руси» Александр Радьков заявил о будущем преобразовании общественного объединения в партию и ее активном участии в политической жизни страны, я решил узнать, кем же надо быть, чтобы тебя туда приняли. И когда попал на собеседование к председателю одной из райорганизаций столицы, «легенда» мне ой как понадобилась.

На вопросы о происхождении, месте работы, увлечениях и т. п. отвечать нужно было быстро и четко. Рисовать биографию с чистого листа я не стал, изменил лишь профессию (с журналиста на подсобного рабочего), политические взгляды да оделся попроще. После 20–30 минут разговора исполнительного работягу, несмотря на его глупые ответы и ветер в голове, устно уже записали в члены «Белой Руси».

Если есть «легенда», то дальше остается импровизировать, желательно не выделяясь среди других, в том числе непомерным любопытством.

В начале 1990-х журналист «Комсомольской правды» Сергей Благодаров перевоплотился в грузчика и подготовил отличный материал о том, как работает один из московских гастрономов. Своими глазами он увидел, как его новые коллеги обвешивают покупателей, завышают цены на продукты, разбавляют сметану молоком, нарушают правила хранения товаров.

Вот отрывок из разоблачительного текста: «Уважающий себя продавец на лоток не пойдет. Обычно навынос, на лотке торгует пьянь или временно подряжающиеся. Они обязательно «шарашат», обвешивая и полностью наполняя только чашу терпения покупателя. Надежда (одна из героинь репортажа. — *Р. Г.*) не исключение, на этом ее и подловили.

В этот день привезли бананы «Эквадор». Фура пришла в 9 вечера, к самому закрытию. Всего 200 мест, в переводе на общепринятый язык — 200 ящиков. Шофер взял ящик бананов за сверхурочные часы, мы на бригаду — два ящика за переработку, я лично в директорскую «Волгу» ящик загрузил. Денег, естественно, никто не заплатил.

А Надьке с напарницей недостающие бананы наутро надо перекрыть (за ночь «Эквадор» дозрел). У них, как у многих лотошниц, выпиленные, внутри облегченные гирьки, залепленные снизу грязным черным пластилином».

Не спешите пока осуждать коллегу за украденные бананы. К этическому аспекту поведения журналиста мы еще вернемся.

Ошибки и упущения

«Ваша половая партнерша употребляет наркотики?» — спросила врач, проводившая мне обследование на ВИЧ. На этот и другие вопросы я ответил весьма сухо, о чем потом несколько пожалел. Впрочем, это была не единственная моя ошибка.

Несмотря на то что центр Барановичей был обвешан розовыми объявлениями о бесплатном и анонимном обследовании на ВИЧ, в городскую поликлинику, как удалось узнать, по

этому поводу приходили единицы. Я, в ту пору журналист «Intex-press», решил на собственной персоне испытать, как проходит обследование. А после выхода материала в свет был поставлен в тупик вопросом знакомого: «А что, тебе не было страшно?»

Еще как мне было страшно! Неприятная мысль: «А вдруг?» — в ожидании результатов теста приходила в голову неоднократно, и на обследовании я чувствовал себя весьма некомфортно.

Но читатели в неэмоциональном тексте этого не обнаружили. И, похоже, эффекта присутствия не ощутили. В дальнейшем я этой ошибки старался избегать. В ролевых репортажах мало описывать действие, нужно еще уметь передавать эмоции.

Второе серьезное упущение, которое допустил при подготовке того текста, заключалось в том, что я не спланировал несколько различных ситуаций. К примеру, Герхард Кромшредер в роли «турка» побывал не только в престижном кафе, но также посетил магазин, булочную, дискотеку (туда, правда, его не пустили), поговорил с полицейским. Мне, вероятно, также стоило сходить кроме поликлиники в парикмахерскую или кафе, где можно было бы увидеть реакцию на возможную болезнь не со стороны врача, а со стороны персонала, с которым любой — больной ли, здоровый — горожанин сталкивается ежедневно.

Когда ролевой репортаж уместен

Когда в 2010 году глава государства изменил свою дату рождения, чтобы отмечать праздник вместе с младшим сыном, это поразило не только жителей Беларуси, но и обитателей других стран. Пока шли дискуссии, как следует относиться к этому факту, редактор «Intex-press» Анжела Белуш и журналист Тамара Савич использовали жанр ролевого репортажа, чтобы расставить точки над «і». Журналист отправилась в ЗАГС с легендой о том, что они с молодым человеком хотят жениться в общий для них день рождения — а для этого девушке нужно изменить дату своего появления на свет.

Вот что из этого получилось (цитирую отрывок из текста «Как я меняла дату рождения»).

«— Но мне надо сменить дату рождения! Мне как было 25, так и останется, это же только бумажка! Просто на бумаге день рождения будет позже! — от обиды и бессердечности чиновников начинаю повизгивать.

— Ну, может, вы выберете другую дату, важную для вас обоих. Это же незаконно! — не устает повторять дорогая Светлана Васильевна, чтобы до меня, истеричной дамочки, наконец-то дошло. Но она еще не знает про президента!

— То есть по законодательству менять дату нельзя?

— Нельзя, — облегченно кивает Светлана Васильевна, ей кажется, я не безнадежна.

— Но я-то знаю, что можно! Вы разве не смотрели новости? — и, получив отрицательный ответ, добиваю: — А вот президент сменил дату рождения! Почему я не могу?

Взгляд девушки — вниз и вбок:

— Этого... просто не может быть! Это не предусмотрено законодательством!»

На опыте журналиста каждый определенно мог понять, чем он отличается от властей предержащих. В ролевом репортаже журналист является глазами и ушами читателя.

О многих вещах человек может и не догадываться, хотя они его окружают повсюду. Когда сидишь дома в уютном кресле, трудно понять, как чувствуют себя другие люди, с какими проблемами сталкиваются. Почему, несмотря на внушительное количество инвалидов, их на улицах наших городов практически не видно, я осознал, только когда сам сел в коляску и прокатился по центру Барановичей. И рассказал читателям, «Как я был инвалидом».

«Несмотря на то, что для меня это была просто «игра», я оказался подавлен. Хотелось встать и где-нибудь скрыться. Наиболее неприятно было встречать детей: они с интересом смотрели прямо на меня. Внутри переплетались чувства унижения и оскорбления...

Удивительно, что до этого дня я никогда не замечал, какие в нашем городе неровные

тротуары — лежат какими-то волнами. Из-за этого моя коляска клонилась то вправо, то влево. Никогда раньше я не замечал, как много в тротуарах трещин и отверстий. Каждый метр пути был как капкан.

После поворота на бульвар Хейнола я неожиданно провалился при пересечении ливневой решетки. Передние колеса кресла оказались слишком узкими и угодили в отверстия решетки…

Попробовал подняться по пандусу в магазин «Калі ласка». Надо ли говорить, что и там меня ждало разочарование: угол наклона пандуса оказался слишком большим. Впрочем, по словам Андрея Потоцкого, даже если ты попадешь в продовольственный магазин, то вряд ли проедешь там между кассами».

Можно ли оправдать правонарушение, совершенное журналистом «на задании»?

Журналист Сергей Благодаров, как мы помним, лично загрузил ящик бананов в директорскую машину, чего делать не имел права. Другой представитель российской «Комсомольской правды» Олег Кармаза опубликовал материал «Как я был живодером», где описал, кто и как ловит бездомных собак и как на действия этих людей реагируют прохожие (заметим, что сменивший профессию журналист работал с другими живодерами официально).

Можно ли с этической точки зрения оправдать действия репортеров «на задании»? Эксперты и «гуру» журналистики уверены, что метод ролевого репортажа может быть оправдан, если цель использования такого метода — защита людей. В первом случае журналист раскрыл людям и компетентным органам глаза на нарушения в гастрономе, во втором — на несправедливую агрессию в адрес тех, кому государство дает задание выловить бродячих собак. По принципу «защита людей» поступки журналистов в обоих случаях могут быть оправданы. Кроме того, наши коллеги сами не провоцировали конфликтов или правонарушений, а исполняли волю вышестоящих руководителей.

Помимо этического аспекта, при работе в жанре ролевого репортажа важно учитывать правовой момент. Не представившись журналистом, не включишь в открытую диктофон или камеру. А как потом в случае чего доказать, что описанные в материале события не вымышлены?

С одной стороны, Закон о средствах массовой информации (статья 34) говорит о том, что журналист обязан «получать согласие физических лиц на проведение аудио- и видеозаписи, кино- и фотосъемок, за исключением их проведения в местах, открытых для массового посещения, на массовых мероприятиях, а также случая, предусмотренного статьей 40 настоящего Закона».

С другой стороны, статьей 40 осуществление скрытой аудио- и видеозаписи, кино- и фотосъемок допускается «только при принятии мер против возможной идентификации данного лица посторонними лицами, а также при условии, что распространение этих информационных сообщений и (или) материалов не нарушает конституционных прав и свобод личности и необходимо для защиты общественных интересов».

В этом смысле правовой аспект схож с этическим, предполагающим, что метод ролевого репортажа может быть оправдан, если его целью является защита людей.

За что еще люблю ролевой репортаж, так это за возможность совмещать приятное с полезным. Для рубрики «Испытано на себе» я на протяжении нескольких лет писал тексты о своих приключениях на земле, в воздухе и воде. В частности, прошел во время Олимпиады 50 км, прыгнул с парашютом, окунулся по примеру «моржей» в мороз в ледяную реку. Все было для удовольствия, испытания собственного организма, а мне еще за это выплачивали гонорар!

Жаль, при нынешнем моем трудовом ритме нельзя позволить себе потратить несколько недель, работая дворником. Или строителем на важных государственных объектах. Или грузчиком в «Евроопте», «Соседях», «Короне». Впрочем, возможно, найдутся энтузиасты, которые пока не сильно вписаны в график работы СМИ и готовы посвятить свое время изучению изнутри процессов, скрытых от нас.

Фото автора и Людмилы Прокоповой («Intex-press»)

Даздраперма!

Журналісты старэйшага пакалення, якія прыйшлі ў прафесію яшчэ за савецкім часам, штодня сутыкаліся з цэнзурай. Цэнзары кантралявалі змест літаральна кожнага напісанага радка і падпарадкоўваліся Галоўліту. За дзеяннямі Галоўліта сачыў Камітэт дзяржбяспекі, за дзеяннямі КДБ — аддзелы ЦК КПБ… Усе за ўсімі сачылі. Гэта да ведама журналістаў-пачаткоўцаў, каб зразумелі тагачасную сітуацыю і не ўспрынялі прыведзеныя ніжэй факты ў матэрыяле пра цэнзуру як поўны маразм. Між іншым, мы побач з гэтым маразмам працавалі, здаралася, што ішлі з ім на кампраміс ці стараліся ашукаць, што ўдавалася далёка не заўсёды. Таму шмат хто з нас навучыўся пісаць эзопавай мовай і быў упэўнены, што разумныя людзі ўсё зразумеюць. Прынамсі, так і было.

Той дзяржаўны, сістэмны маразм, які навязвалі грамадству ды ўсёй журналісцкай супольнасці, спарадзіла камуністычная ідэалогія, якая панавала на абсягах СССР больш за 70 гадоў. На паперы справядлівая ды сумленная, у рэальным жыцці — хлуслівая, жорсткая ды бесчалавечная. Чым усё скончылася — вядома.

Помніцца, як усе тагачасныя газеты і тэлерадыёпраграмы напярэдадні савецкіх святаў абавязкова выходзілі з адпаведнымі лозунгамі: «Да здравствует Великий Октябрь!», «Да здравствует союз рабочих и крестьян!», «Да здравствует КПСС!», «Да здравствует 1 мая!»… Апошні заклік і лёг у загаловак гэтай прэамбулы. Бо ў свой час вельмі моднымі (ці паслужлівымі?) былі імёны Сталіна, Леніяна, Акцябрына, Даздраперма («Да здравствует 1 мая!»). Вельмі карціць дадаць да гэтай абракадабры яшчэ і літару «с»…

Таму наступны матэрыял чытайце з навагоднім настроем і пэўнай доляй гумару. За выключэннем таго, што тычыцца пасляваеннага аднаўлення краіны з руінаў. Бо гэта наша сапраўдная гісторыя. Усё астатняе, як кажуць вяскоўцы, — навалач. Ідэалагічная.

Прыемнай вам «даздрапермы» (то бок чытання)!

Прэса пад прэсам

Цэнзурны прыгнёт у 1944–1950-я гг.

Аляксандр ГУЖАЛОЎСКІ, кандыдат гістарычных навук

«Баявыя органы»

Адразу пасля заканчэння вайны пачалася рэарганізацыя сістэмы сродкаў масавай інфармацыі БССР, каб наладзіць іх працу ў мірны час. Кіраўніцтва рэспублікі пераводзіла ў цывільныя СМІ ваенных журналістаў, шукала грашовыя сродкі, паліграфічную тэхніку, паперу. Крок за крокам ішло аднаўленне спачатку рэспубліканскіх, пазней — абласных і маладзёжных газет. Дзяржава рабіла стаўку на «палітычную і арганізатарскую сілу журналістыкі», якую імкнулася скіраваць на прыцягненне шырокіх мас да самаахвярнай працы па ўзнаўленні народнай гаспадаркі, на ўзмацненне ідэалагічнай прапаганды.

Ужо ў 1946 г. у БССР выдавалася 9 рэспубліканскіх, 11 абласных, 10 гарадскіх, 161 раённая і 4 галіновыя газеты, а таксама 6 часопісаў («Бальшавік Беларусі», «Беларусь», «Полымя», «Работніца і сялянка», «Бярозка», «Вожык»). Асаблівае месца ў структуры беларускага друку займалі газеты «Звязда» і «Советская Белоруссия» — органы ЦК КП(б)Б, Вярхоўнага Савета і Савета Міністраў БССР, якія ва ўмовах таталітарнага рэжыму выконвалі функцыі дырэктыўных органаў, указанні якіх былі абавязковыя для прэсы і іншых ідэалагічных інстытутаў. Агульны разавы наклад друкаваных СМІ тагачаснай БССР

складаў: рэспубліканскіх газет — 763 тыс. асобнікаў, абласных — 392,5 тыс., раённых — 196,5 тыс., часопісаў — 90 тыс.

Спецыяльныя структурныя падраздзяленні партыйных органаў (сектары друку аддзелаў прапаганды і агітацыі ЦК, абкамаў, райкамаў) кантралявалі газеты і часопісы штодня. Узгаднялі перспектыўныя планы працы рэдакцый рэспубліканскіх газет, тэматыку перадавых артыкулаў, тэксты дакладаў партыйных кіраўнікоў, выявы класікаў марксізму-ленінізму і партыйных дзеячаў. Паведамленні ТАСС суправаджаліся жорсткімі інструкцыямі парторганаў — на якой паласе газеты павінны друкаваць гэтыя матэрыялы. Галоўныя рэдактары дзвюх беларускіх газет — «Звязды» і «Советской Белоруссии» — уваходзілі ў наменклатуру ЦК КПСС, астатнія, уключаючы рэдактараў абласных газет, — у наменклатуру ЦК КПБ.

Партыйныя органы вялі няспынную прапаганду, рэгулярна праводзілі семінары для газетных супрацоўнікаў, куды запрашаліся цэнзары, якія рабілі даклады пра захаванне дзяржаўнай тайны ў друку.

Ужо 20 чэрвеня 1945 г. ЦК УКП(б) прыняў пастанову «Аб паляпшэнні якасці і павелічэнні аб'ёму рэспубліканскіх, краявых і абласных газет». Яна стала праграмнай для ўсёй савецкай прэсы. Галоўная ж увага звярталася на тое, каб усе газеты сталі «баявымі органамі палітычнага выхавання мас», найважнейшым сродкам «партыйнага кіравання масамі».

Характар узаемадачыненняў партыі і прэсы перадае ўрывак з успамінаў вядомага беларускага журналіста і перакладчыка В. Я. Тараса: «У кабінеце Пыжкова[1] праводзіцца планёрка… Звычайная рэдакцыйная цякучка. Раптам звоніць "вяртушка", то-бок тэлефон спецсувязі… Трубку Пыжкоў бярэ зь вялікай павагай, быццам здароўкаецца за руку са сваім нябачным абанентам, кажа па-руску: "Слушаю. Да, Тимофей Сазонович, это я. Чем занят? Провожу планерку. Что в завтрашнем номере? Минуточку!" Пыжкоў свабоднай рукой паказвае Пашкевічу[2], каб той даў яму вёрстку заўтрашняга нумару, і пачынае падрабязна пералічваць матэрыялы, якія ў ім стаяць, называе прозьвішчы аўтараў, іхнія пасады, коратка пераказвае зьмест найбольш важных артыкулаў. Запэўнівае свайго суразмоўцу, што ўсе факты, якія падаюцца ў матэрыялах, правераныя. Як і аўтары. Ператварэньне Васіля Андрэевіча ў простага сьмяротнага, ягоны голас, які з важкаачальніцкага зрабіўся нейкім сьмірным, зразумелыя: Цімафей Сазонавіч — гэта сакратар ЦК КПБ па прапагандзе Гарбуноў, вярхоўны куратар усіх рэспубліканскіх газэт, іхні галоўны цэнзар і дарадца».

Партыйны ашыйнік

Газеты часта спазняліся з выхадам на некалькі гадзін у сувязі з указаннямі партыйных органаў тэрмінова змяшчаць важныя матэрыялы. Напрыклад, 30 студзеня 1962 г. «Чырвоная змена» спазнілася на 45 хвілін праз тое, што трэба было тэрмінова размясціць інтэрв'ю Ф. Кастра. 16 студзеня — на 7 гадзін 15 хвілін з прычыны прамовы М. С. Хрушчова на нарадзе працаўнікоў сельскай гаспадаркі БССР.

Супрацоўнікі сектараў друку аддзелаў прапаганды і агітацыі партыйных органаў рэгулярна складалі агляды друку для вышэйшага кіраўніцтва. У адным з аглядаў — бабруйскай абласной газеты «Савецкая Радзіма» за кастрычнік 1951 г. — красавік 1952 г. — чытаем: «Газета незадавальняюча асвятляе марксісцка-ленінскую падрыхтоўку кадраў». Тут жа аўтар указвае на памылку Галоўліта: «19 лютага 1952 г. у газеце быў надрукаваны артыкул Зуйковай "Марксісцка-ленінскае вучэнне пра класы і класавую барацьбу", у якім аўтар сцвярджаў, што ў СССР — краіне, дзе перамог сацыялізм, — ідзе класавая барацьба». У аглядзе «Гомельскай праўды» за восень 1953 г. пісалася: «Газета недастаткова прапагандуе рашэнні партыі і ўрада па пытаннях сельскай гаспадаркі. Да сённяшняга дня на яе старонках няма матэрыялаў у дапамогу агітатару, а таксама грунтоўных прапагандысцкіх артыкулаў, якія тлумачаць пастановы Пленума ЦК КПСС». У 1954 г. адзначаліся недахопы ў слонімскай раёнцы «Вольная праца»: «У раёне маюцца добрыя агітатары, дакладчыкі. Але пра іх газета піша мала…»

У кастрычніку 1947 г. ЦК КП(б)Б крытыкаваў газеты «Звязда» і «Советская Белоруссия» за тое, што яны абмежаваліся толькі перадрукам артыкулаў з цэнтральнай маскоўскай перыёдыкі пра «антыпартыйны ўчынак» акадэміка А. Р. Жэбрака[3], не даўшы ўласных матэрыялаў. У студзені 1948 г. ЦК папракаў часопіс «Вожык» за тое, што «…не адгукнуўся на такія важныя пытанні, як выкрыццё нізкапаклонства і ўгодніцтва некаторай часткі інтэлігенцыі перад замежжам, захапленне часткай моладзі знешнім бляскам, прыгожай мішурой». Увогуле, «Вожык» праз сваю сатырычную спецыфіку прыцягваў асаблівую ўвагу

[1] Пыжкоў Васіль Андрэевіч — галоўны рэдактар газеты «Звязда».

[2] Пашкевіч Нічыпар Еўдакімавіч — адказны сакратар газеты «Звязда».

[3] Жэбрак Антон Раманавіч — савецкі генетык, селекцыянер, з мая па лістапад 1947 г. з'яўляўся прэзідэнтам АН БССР. Пасля публікацыі ў часопісе «Science», у якой партыйнае кіраўніцтва БССР убачыла паклёп на савецкіх вучоных, А. Р. Жэбрака знялі з пасады прэзідэнта. Вучоны быў вымушаны з'ехаць з БССР.

партыйных ідэолагаў. Напрыклад, у лютым 1953 г. спецыяльная камісія ЦК КПБ па выніках праверкі падрыхтавала жорсткую дакладную запіску на імя першага сакратара ЦК М. С. Патолічава. У ёй крытыкаваліся фельетоны А. Макаёнка «Тайна храма» («напісаны ў разбэшчанай манеры», «агульнае ганьбаванне нашых вучоных») і «Сцяпан Сцяпанавіч» («паказаны нейкія пачвары, якія размаўляюць дзікаю моваю»).

Партыйнае кіраўніцтва не абмяжоўвалася канстатацыяй памылак і недахопаў журналістаў. Пасля публікацыі 26 мая 1946 г. у газеце «Ленінец» Высокаўскага раёна Брэсцкай вобласці «палітычна шкоднай» нататкі пра збіранне святарамі грошай і харчоў для дзяцей-сірот ЦК вынес аўтару нататкі — намесніку старшыні райвыканкама Жураўлёву і рэдактару газеты Лошутаву партыйныя спагнанні. А 6 кастрычніка 1949 г. быў адабраны ўвесь тыраж раённай газеты «Івянецкая праўда», яе адказнага рэдактара Малкова адхілілі ад працы праз тое, што словы «Вялікі Кастрычнік» былі памяняны месцамі.

У справаздачах Галоўліта БССР пасляваеннага дзесяцігоддзя звычайныя памылкі альбо дрэнную якасць газет цэнзары кваліфікавалі як палітычныя правакацыі.

2 сакавіка 1946 г. рэдактару газеты «Звязда» Д. Драгуну давялося забракаваць 5 тыс. асобнікаў выдання з прычыны скажэння клішэ (чорная пляма ў выглядзе пытальніка на твары сакратара ЦК П. К. Панамарэнкі). Частковыя знішчэнні тыражоў газет не былі выключэннем

у выдавецкай практыцы пасляваенных гадоў, што тлумачылася як прымітыўнай друкарскай тэхнікай[4], так і недахопам кваліфікаваных спецыялістаў.

Небяспечныя памылкі

На пачатку 1953 г. старэйшага наборшчыка Кохануўскай раённай друкарні А. І. Ванцэвіча звольнілі з працы за памылкі падчас набору тэкстаў (напрыклад, адзін з нумароў газеты «Сталінскі прызыў» выйшаў са словам «рабоў» замест слова «работ»), а таксама за скажэнне клішаванага партрэта «таварыша Кірава».

...Цэнзараў таксама каралі. У 1950 г. начальнік Галоўліта БССР Ф. І. Дадзіёмава вынесла вымову цэнзару папярэдняга кантролю А. М. Нятыльку «за пропуск палітычнай памылкі» ў перадавіцы «Советской Белоруссии», дзе было надрукавана «ўмацаванне дробных калгасаў» замест «узбуйненне дробных калгасаў».

У найбольш складаных сітуацыях, звязаных з ідэалагічным кантролем СМІ, партыйныя органы звярталіся па дапамогу да сакрэтных службаў. Цікавы прыклад «спецаперацыі» КДБ, здзейсненай напярэдадні афіцыйнага візіту ў Мінск парламентарыяў Цэйлона, прыгадаў вядомы беларускі журналіст А. А. Тоўсцік. Падчас гэтай «аперацыі» супрацоўнікам камітэта давялося тэрмінова забіраць з шапікаў у мінскім аэрапорце першамайскі нумар «Чырвонай змены», дзе была інфармацыя пра тое, як падчас дэманстрацыі працоўных на Цэйлоне загінуў сцяганосец (што было выдумкай журналістаў «Чырвонкі»).

У 1945 г. з прычыны «грубых палітычных скажэнняў» (чытай, памылак друку) былі часткова знішчаны і перадрукаваны нанова наклады газет «Чырвоная змена», «Палеская праўда», «Віцебскі рабочы». У 1946 г. чатыры разы часткова знішчаліся наклады бабруйскай абласной газеты «Савецкая Радзіма», двойчы — тыражы полацкай газеты «Бальшавіцкі сцяг», па адным разе — абласных «Гомельскай праўды», «Чырвонай звязды», «Палескай праўды», «Віцебскага рабочага», «Сялянскай газеты», а таксама шэрагу раённых газет.

2 лютага 1947 г. быў знішчаны амаль увесь наклад (75 тыс. асобнікаў) «Советской Белоруссии», 22 лютага таго ж года знішчылі тыраж «Літаратуры і мастацтва» (15 тыс. асобнікаў), 23 лютага — «Сталинской молодежи» (2 тыс. асобнікаў).

28 сакавіка 1952 г. адабралі ўвесь тыраж газеты «Зорька» праз тое, што ў артыкуле, прысвечаным Леанарда да Вінчы, сцвярджалася, што ён вынайшаў парашут, хаця, як адзначаў цэнзар, «...усім вядома, што яго вынайшаў рускі самарodак Кацельнікаў».

[4] Напрыклад, у 1946 г. у некаторых раёнах БССР газеты выдавалі яшчэ на партызанскіх ручных друкавальных машынах.

Што тады, што цяпер...

Некаторыя памылкі друку, знойдзеныя цэнзарамі ў газетах, мелі характар адкрытага здзеку з рэжыму. Архіўныя крыніцы не захавалі інфармацыі пра наступствы для супрацоўнікаў рэдакцыі лагойскай раёнкі «Новая вёска», якія завярсталі «Няродны (замест "народны") суд даў злачынцам па заслугах», альбо супрацоўнікаў «Віцебскага рабочага», у адным з нумароў якога завярсталі «Ленін творча разбіў (замест "развіў") марксізм». У ляхавіцкай раённай газеце «Савецкі патрыёт» адзін з артыкулаў быў названы «За пахаванне міру» замест «За захаванне міру». Палітаддзельская газета «За камунізм» 2-й мёрскай МТС Полацкай вобласці надрукавала фразу «З вялікім намаганнем (замест "натхненнем") было прынята пісьмо таварышу Сталіну».

Часам аўтары газетных матэрыялаў спрабавалі даводзіць факты, якія адлюстроўвалі рэальную сітуацыю ў рэспубліцы, але «непрыгожая» праўда бязлітасна выкрэслівалася цэнзарамі. Сёння зводкі тых цэнзарскіх скарачэнняў можна разглядаць як цікавую першакрыніцу па найноўшай гісторыі Беларусі.

Напярэдадні адкрыцця выставы нямецкага трафейнага ўзбраення ў Мінску ў лістападзе 1944 г. адабралі і знішчылі 14 тыс. асобнікаў газеты «Звязда», дзе падрыхтавалі цэлую паласу «Выстаўка пераможцаў».

У 1946 г. баранавіцкі аблліт выкрасліў са слонімскай раённай газеты «Вольная праца» сказ: «Рабочыя па 8 дзён не атрымліваюць хлеба, а калі атрымліваюць, то гэта не хлеб, а мякіна». Тады ж полацкі аблліт прыбраў з абласной газеты наступнае: «За 5 месяцаў не выплачаны заробак, працаўнікі культасветустаноў не атрымліваюць прадуктовых картак, не атрымліваюць ніякіх прамтавараў».

У 1951 г. цэнзары Галоўліта БССР не прапусцілі ў газеце «Зара» Ваўкавыскага раёна нататку «З залы суда», дзе паведамлялася, што за крадзеж у калгасе 140 снапоў адзін з вінаватых быў асуджаны на 10 гадоў зняволення. У газеце «Сталінец» Добрушскага раёна знялі інфармацыю пра продаж з таргоў дамоў многіх грамадзян, якія не змаглі своечасова выплаціць запазычанасць камунбанку. З газеты «Уперад» Мёрскага раёна знялі сказ: «У гэтым калгасе ўсяго адна галава рагатага ската і адна свіння», а з газеты «Ленінец» Бераставіцкай МТС — «...у нас рабочыя гадамі не мыюцца».

З 61-га нумара за 1952 г. газеты Крулеўшчызненскай МТС Полацкай вобласці «Па Сталінскаму шляху» знікла: «Да сённяшняга часу медыцынскія ўстановы не задавальняюць патрабаванні насельніцтва раёна». З бабруйскай абласной газеты «Савецкая Радзіма» ад 12 студзеня 1952 г. прыбралі: «У Старадарожскім раёне больш як 200 дзяцей школьнага ўзросту ў гэтым годзе не ахоплены вучобаю. З агульнай колькасці 8597 вучняў не паспяваюць па выніках I паўгоддзя 1921».

Вось яшчэ некалькі прыкладаў з галоўлітаўскай справаздачы за 1952 год. У адным з нумароў газеты «Звязда» быў зняты сказ: «З 707 працаздольных калгаснікаў калгаса "Бальшавік" не выпрацавалі мінімум працадзён 602 і 61 не выпрацавалі ні аднаго дня». З газеты «Калгасная праўда» было знята: «У Багушэўскім раёне Віцебскай вобласці нявыхады на працу ў жніўні месяцы склалі 18 тысяч чалавека-дзён, альбо 30 % працоўных рэзерваў», з «Віцебскага рабочага» — «На палях Суражскага раёна засталіся няўбранымі звыш тысячы гектараў зерневых і льну, шмат бульбы».

У 1953 г. папярэдняя цэнзура прыбрала з газеты «Советская Белоруссия» па палітычных меркаваннях: «Я, Ігнат Александровіч, часу на вайне не губляў. З паходаў за мяжу я здолеў сабраць вялікую калекцыю насення розных раслін. Усю Германію дзеля гэтага аб'ехаў». У газеце «Палеская праўда» не прайшла інфармацыя пра тое, што ў раёне за год паменшылася колькасць камсамольцаў-калгаснікаў на 126 чалавек.

Ідэалагічная параноя

Абллíты рэгулярна дасылалі начальніку Галоўліта БССР агляды абласных і раённых газет, дзе паведамлялі пра палітычныя і тэхнічныя памылкі.

Якасць працы райлітаў была яшчэ горшай. У 1947 г. па ўсіх газетах рэспублікі было 139 выпадкаў разгалошвання дзяржаўнай і ваеннай тайны (прадукцыя заводаў, кошт тавараў, дыслакацыя ваенных аб'ектаў і інш.), прычым ільвіная доля «праколаў» прыпадала на раённыя газеты.

20 сакавіка 1946 г. Ф. І. Дадзіёмава адправіла сакрэтнае данясенне сакратару ЦК КП(б)Б Ц. С. Гарбунову, дзе паведамляла пра тое, што рэдактар

магілёўскай раённай газеты «Сацыялістычная праца» — палітычна непісьменны, бо падаў факты пра дрэннае матэрыяльнае забеспячэнне партыйна-савецкага апарату ў раёне.

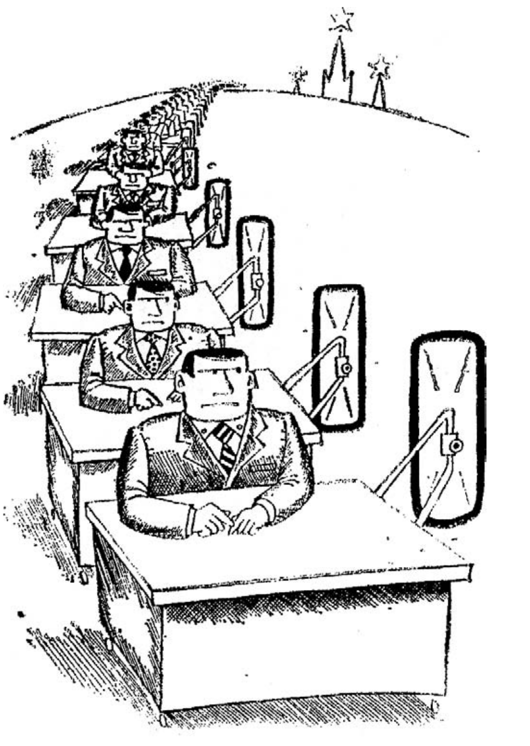
Дрэннае веданне раённымі рэдактарамі і цэнзарамі беларускай мовы таксама прыводзіла да таго, што старонкі газет рабіліся полем «ідэалагічных дыверсій». Напрыклад, 31 жніўня 1949 г. да гадавіны смерці сумна вядомага партыйнага дзеяча ў рудзенскай раённай газеце было надрукавана: «У асобе т. Жданава партыя пазбавілася выдатнага марксісцкага тэарэтыка».

Да канца 1940-х гг. Галоўліт БССР усталяваў кантроль над 192 друкарнямі, што існавалі ў той час у рэспубліцы. Друкарні працавалі паводле галоўлітаўскай інструкцыі — «Правілаў вытворчасці твораў друку», а таксама Загада № 700 Упаўнаважанага Савета Міністраў СССР па ахове дзяржаўнай і ваеннай тайны ў друку ад 25 чэрвеня 1947 г. Кіраўнікі друкарняў далі падпіску, што не будуць выконваць ніякія замовы без дазволу.

Пасляваеннае дзесяцігоддзе было часам, калі цэнзура перыядычнага друку ў СССР дасягнула свайго апагея. Яе абсурдная звышпільнасць паралізавала працу рэдакцый некаторых газет, якім проста не было пра што пісаць. У міліцэйскай шматтыражцы «На варце Кастрычніка» Ф. І. Дадзёмава забараняла даваць матэрыялы пра крымінальны вышук, парушэнні заканадаўства, унутраную дысцыпліну, лагерныя зборы. У заводскай шматтыражцы МАЗа «Аўтазаводзец» цэнзура здымала інфармацыю пра зборку аўтамабіляў, выраб дэталяў для іх, месцазнаходжанне завода, назвы прылеглых да яго вуліц, цэхаў і нават словы «цэх», «аддзел», «фрэзероўшчык», «канструктар» і інш.

Акрамя афіцыйнай формы кантролю з'явіліся няпісаныя цэнзурныя забароны. Напрыклад, на газетнай паласе, дзе змяшчаўся партрэт Сталіна, нельга было даваць інфармацыю крытычнага характару. Існавала паняцце «палітычна шкодныя пераносы», напрыклад, «бес-смертный Ленин», «по-беда коммунизма» альбо «кал-гаснік». Кампаноўка матэрыялаў на газетнай паласе таксама магла выклікаць пытанні ў цэнзуры. Так было ў 1952 г., калі ў 27-м нумары газеты «Па Ленінскаму шляху» Дзяржынскай МТС пад пастановай партыі і ўрада аб зніжэнні цэн была завёрстана нататка пад назвай «Голас пратэсту хлебаробаў».

Супрацоўнік рэдакцыі абласной газеты «Віцебскі рабочы» М. В. Тараткевіч так характарызаваў атмасферу пасляваеннага дзесяцігоддзя: «Гэтая зададзенасць, нейкая вярхоўная перадвызначанасць усяго ў працы і жыцці, абмежаванне журналісцкага мыслення нейкімі рытуальнымі рамкамі пранікалі і ў спосабы напісання тэкстаў, і ў аргументацыю, і нават у асобныя фразы і сур'ёзна скоўвалі аўтарскую думку». Узгадваў ён таксама прэвентыўную рэдактарскую цэнзуру, так званых «незаменных праўшчыкаў», галоўным клопатам якіх была «падгонка тэкстаў пад уласны, часта вельмі прымітыўны ўзровень».

Савецкае кіраўніцтва імкнулася схаваць факт цэнзуравання СМІ ад міжнароднай супольнасці. На канферэнцыі ААН па свабодзе інфармацыі і прэсы ў Жэневе (1947 г.) прадстаўнік БССР В. В. Скарабагаты запэўніваў: «Некаторыя дэлегаты, перш за ўсё ЗША і Вялікабрытаніі, асаблівую ўвагу надавалі пытанню цэнзуры ў Саюзе Савецкіх Рэспублік. Дазвольце ў Вас, спадары, запытаць, пра якую цэнзуру ідзе гаворка! Які цэнзар мог сядзець у палескіх балотах, лясах Белавежскай пушчы, у зямлянках Віцебшчыны і іншых абласцей Беларусі і кантраляваць партызанскія газеты? Якога цэнзара Вы бачылі, каб ён кантраляваў сотні тысячаў газет у раёнах, калгасах, на фабрыках і заводах? Гэты цэнзар — вынік Вашай фантазіі».

Алесь НЯЎВЕСЬ

БАЙКІ

Пра коскі-кропкі і адсутнасць клёпкі

Супрацоўніца агенцтва «Мінск-Навіны» звольнена праз тое, што абнародавала прэс-рэліз Мінгарвыканкама, у якім у патрэбным месцы не была пастаўлена коска: «16 верасня адбудзецца віншаванне ад імя Мінгарвыканкама мам, чые дзеці нарадзіліся ў Дзень горада з удзелам намесніка старшыні Мінгарвыканкама І. В. Карпенкі».

Народ ачуньвае патрохі
І адвыкае пакрысе
Ад змрочнай сталінскай эпохі,
Хоць жахі зжытыя не ўсе.
Тады за літару ці слова,
За нейкі недарэчны «ляп»
Каралі аўтара сурова,
Другім было навукай каб.
І непазбежнай школай потым
Была для «невукаў» турма:
Да скону за калючым дротам
Вучылі правілы пісьма.
...Забылася на коску дама.
Тэкст атрымаўся ўсім на ўздзіў:
Вялікі чын з гарвыканкама
Дзяцей па свеце напладзіў.
Падобны казус смеху варты.
(З пісьменнасцю ў нас справы дрэнь.)
Перавялі б усё на жарты
Ды і забыліся б праз дзень.
А даме «выдалі па поўнай»
І, можа, нават цераз край.
Як застанецца беспрацоўнай,
Засвоіць правапіс няхай.
Што ж, сёння час таксама коўзкі,
Хоць і не сталінскі, таму
Хай радуецца, што з-за коскі
Яна не трапіла ў турму.
***
І самы час расставіць кропкі.
Хай хтосьці ў суд мяне заве,
Ды не хапае, мусіць, клёпкі
У нечай мудрай галаве.

Усе русафілы расправілі крылы

З нагоды Сусветнага кангрэса рускай прэсы, які адбыўся ў Мінску, дыктар канала ОНТ адзначыў, што такі гонар Беларусь заслужыла «из-за глубокого проникновения русского языка в нашу жизнь…».

Апалагеты рускай мовы
Тут мелі вечны інтарэс.
І «шчаўкапёры»
Свой чарговы
У Мінску зладзілі кангрэс.
Адразу ж нашы русафілы
(Іх шмат у гэтыя часы)
Расправілі, як кажуць, крылы,
Задралі ўверх свае насы:
Нам гонар аказалі звыкла,
Бо мы «русеем» пакрысе,
І мова руская «пранікла»
Ва ўжытак наш і душы ўсе.
Выснова просіцца якая?
Сканаюць беларусы ўсё ж,
Бо гэтак, мусіць, «пранікае»
Да сэрца чалавека нож...

«Тайная вячэра»

Журналістаў выдалілі з круглага стала, на якім лідары апазіцыі спрабавалі дамовіцца наконт адзінай стратэгіі па будучых выбарах.

Рэжым бадаюць дэмакраты
Каторы год, як дуб цяля,
Нясуць у тым баданні страты,
Ды стаць не могуць ля руля.
Пакуль што валакуцца ззаду,
Бо поспехаў — наплакаў кот...
«Як паваліць нам гэту ўладу?» —
Пытанне вынеслі на сход.
Той сход — як «тайная вячэра»
У час біблейскай даўніны.
Для ўсіх староннніх шчыльна дзверы
Закрылі, пільныя, яны.
І нават служкі-журналісты,
Якія зычаць ім дабра,
Бязлітасна, бы дух нячысты,
Былі прагнаныя з двара.
Яны, цікаўныя пісакі,
Туды заглядвалі з вакон
І, як пабітыя сабакі,
Кругамі шасталі вакол.
Таму не ведаем мы толкам,
Што за працэс адбыўся там:
Ці йшла да бунту падрыхтоўка,
Ці проста бралі па сто грам...
***
Гісторыя, як свет, старая:
У апазіцыі даўно
Адны разборкі ды раздраі,
А плёну ў працы не відно.
Яшчэ ж, нібыта ордэн тайны,
Староняцца яны пісак...
І я як ваш прыхільнік дбайны
Скажу вам, дэмакраты, так:
Каб у газеце, інтэрнэце
Не згадвалі вас з года ў год,
Пра тое, што вы ёсць на свеце,
Зусім не ведаў бы народ.

Брак

У аддзеле ЗАГС Баранавіцкага гарвыканкама адмовіліся даваць мясцовай незалежнай газеце «Intex-press» звесткі пра колькасць шлюбаў і разводаў. Газета вымушана была звярнуцца са скаргаю да пракурора.

Што ні вяселле — то развод
Праз нейкіх тры-чатыры месяцы.
Або яшчэ мудрэй: праз год
«Паловы» кулакамі месяцца.
Ці ж гэта добра, што раздрай
Паміж былымі маладзёнамі?
Займаліся б яны няхай
Да скону справамі будзённымі.
І хоць праблеме шмат гадоў,
І хоць бяда для нас не новая,
Артыкул даць на сто радкоў
Газета ўздумала мясцовая.
Каб быў артыкул як узор,
Патрэбны, пэўна ж, лічбы з фактамі.
У ЗАГС звярнуўся рэпарцёр,
Бо там кіруюць тымі «актамі».
Ён лічбаў атрымаць не змог
(Таму гатовы быў адчаяцца):
Адчула ў запыце падвох
Мажная шлюбная начальніца.
Хаця б затым за гэта ў лоб
У выканкаме не натыкалі:
Газета ўладзе неўспадоб —
Друкуе вострыя артыкулы.
А быў і вытлумак другі,
Чаму пытанні ёй — нялюбымі:
Паказчык жа зусім благі —
Разводы верх бяруць над шлюбамі.
Крый бог, які-небудзь прастак
Падумае-ўваб'е ў мазгі свае,
Што ейны ЗАГС штампуе брак
І тых, каго не след, распісвае.
Як токар вытачыць дэталь,
Што з чарцяжамі не стасуецца,
Дык не дадуць яму медаль,
І «месцам працы» будзе вуліца.
Таму, як бач, дала адпор
«Пісаку нейкаму» кабеціна.
Салёным словам рэпарцёр
Быў з кабінета нібы змецены.
Не разаб'е начальства ўшчэнт —
Зусім няма чаго баяцца ёй
За тое, што карэспандэнт
Там не разжыўся інфармацыяй.
Не варухнецца й пракурор —
У іх, чыноў, стасункі цесныя…
Няхай заткнецца рэпарцёр,
Газета ж у яго «нячэсная».
***
На гэта выкажуся так
(Зусім не бракаваны роздум мой):
У нас жыццё — суцэльны брак,
Калі чынам бракуе розуму.

Не тыя навіны глядзець мы павінны

Віцябляніна Дзяніса К. затрымалі ў памяшканні пункта калектыўнага карыстання інтэрнэтам на мінскім чыгуначным вакзале і аштрафавалі за прагляд сайта «Хартыя'97».

Да палітычнай барацьбы
У моладзі апатыя.
Ёй грошы, гулі мець абы,
Нашто ёй звяз ці партыя.
І гэта, мусіць жа, не ўздзіў,
Бо меркаванне цвёрдае:
Палітык ёсць у нас адзін —
І досыць. Мы не гордыя.
Хлапец, студэнт Панас, якраз
Жыў з думкамі вось гэтымі.
На плошчу не хадзіў Панас,
Дзе мітынгі з пікетамі,
Не заклікаў змяніць рэжым
На слодыч дэмакратыі,
Нацдэмам, словам, быў чужым —
Яны яго «не краталі».
Быў для Панаса інтэрнэт
Як кнігаю настольнаю
І зазіраў у цэлы свет
Ён у часіну вольную.
І выпадкова, мімаходзь
На сайт патрапіў «Хартыі».
«Тут абы-што, — падумаў. — Хоць…
Здаецца, нешта вартае!»
Чытаў да кропак уваччу,
Аж мокрай шыя стала ўся.
Ён краем вуха толькі чуў
Пра ўсё, што там пісалася.
Панас падаўся ў інстытут
З памкненнямі нявіннымі —
Каб «загрузіць» студэнцкі люд
Цікавымі навінамі.
І ўсе сябры яго, як бач,
Заселі за камп'ютары.
А ў асяродку быў «стукач» —
Ён з «органам» пагутарыў.
Панаса тут жа ў абарот
Дзядзькі ўзялі суровыя.
— Не разяўляй, хлапчына, рот, —
Сказалі простай моваю. —
Калі даводзіцьмеш гурме
Такую інфармацыю,
Дык месца знойдзеш у турме —
Заткнём у «рэзервацыю».
І там, павер, зусім не рай,
Хоць баланда дарэмная…
А лепш і сам не зазірай
На сайты, што нацдэмныя.
— Ды я ж цікаўлюся — не больш! —
Грамадскімі падзеямі,
Душэўны адчуваю боль,
Што наш народ падзелены.
Я да ўсяго хачу дайсці,
Не выглядаць сляпіцаю.
Займаць патрэбна ж у жыцці
Актыўную пазіцыю.
Выкладчыкі так вучаць нас,
Таму і рад старацца я, —
Тлумачыў «органам» Панас. —
Хіба ж не маю рацыі?
Хоць не чытаю я газет
(Не маю грошай жменю я),
«Белсат» гляджу, і інтэрнэт —
Газетам тым заменаю…
— На носе зарубі сабе! —
Маёр яму з парадаю. —
Глядзі БТ, чытай «СБ»
І слухай наша радыё!
— Дык там жа толькі сум і тлум…
— Тады не трэба ўвогуле!
І каралю ты будзеш кум,
Не ў каталажцы-«логаве»…
Цяпер Панас ніжэй травы,
Навінамі не дзеліцца
І не бярэ да галавы,
Што ў краіне дзеецца.
Не лезе ў «Хартыю» Панас,
«Свабоду» больш не слухае:
Бяспечней бавіць вольны час
З папсою ці з парнухаю.

Хватит воображать себя киборгами

Профессиональное «выгорание» — синдром, развивающийся на фоне хронического стресса и ведущий к истощению эмоционально-энергетических и личностных ресурсов работающего человека. Психолог Юлия Лепихова считает, что, хотя журналисты очень подвержены профессиональному «выгоранию», для уменьшения рисков они могут кое-что сделать.

Елена СПАСЮК

— Что такое профессиональное «выгорание»?

— Это опасная профессиональная болезнь тех, кто работает с людьми: учителей, социальных работников, психологов, менеджеров, врачей, журналистов, бизнесменов и политиков, — всех, чья деятельность невозможна без общения. Профессиональное «выгорание» возникает в результате внутреннего накапливания отрицательных эмоций без соответствующей разрядки, освобождения от них. Оно ведет к истощению эмоционально-энергетических и личностных ресурсов человека.

— Журналисты принадлежат к очень «выгораемой» профессии?

— Журналисты подвергаются риску профессионального «выгорания» действительно очень сильно. Прежде всего потому, что ваша профессия относится к интеллектуальным. Свое влияние оказывает и скорость, с которой живет журналист. Ему нужно посетить какое-то мероприятие, собрать сведения, очень быстро переработать информацию и сдать в срок творческий продукт — статью, например. При этом ее будут рассматривать, критиковать и как-то — не всегда положительно — относиться к ней. Статья для журналиста в каком-то смысле часть его самого, его «ребенок». Получается, что журналист выставляет «ребенка», рожденного в муках творчества, на всеобщее обозрение. А окружающие говорят, что у него уродливые ручки, ножки… Эти факторы в комплексе создают стрессогенную ситуацию, которая провоцирует профессиональное «выгорание».

— Журналисты в нашей стране оказываются в ситуации дополнительного стресса, когда им не дают выполнять профессиональные обязанности. Например, задерживают во время различных мероприятий, судят за те или иные высказывания…

— Мне кажется, что любой журналист должен ответить для себя на вопрос, зачем он пришел в профессию. Любая профессия имеет свои плюсы и минусы. Если вы хотите стать мессией и спасти весь мир, боюсь, что это не тот посыл, с которым нужно выбирать путь. И очень важно оценивать плюсы и минусы профессии, ведь у каждой есть изнанка.

Независимая пресса в нашей стране находится в особой ситуации. При том что власти не имеют права нарушать закон и чинить препятствия прессе, такое случается, и это — часть профессии в современных условиях. Это не снимает ответственности с тех, кто занимается репрессиями. Однако в современной Беларуси обиды некоторых журналистов напоминают подростковое поведение. Подросток бунтует, но ждет, когда мама сделает воскресные блинчики. И удивляется, что она раздает подзатыльники. Это детская позиция. Нужно выбрать свое место. Если вы выбираете негосударственную прессу, то должны понимать, чем это может для вас закончиться. Ответственность за выбор приходится нести всем.

Когда ты понимаешь собственные ограничения — и личностные, и профессиональные, — знание дает большую свободу. Путь к «невыгоранию» — найти свою нишу, соответствующую твоей природе, темпераменту, возможностям общаться с людьми. Важно работать там, где ты аутентичен сам себе.

— Вы предлагаете закрывать глаза на несправедливость ради собственного спокойствия?

— Нет, конечно. Я говорю о том, что необходимо контролировать свои эмоции и понимать, что у

каждой профессии своя изнанка, которая может стать сильным стрессогенным фактором.

Например, я — психолог, мою профессию можно сравнить с помойным ведром. И я делаю все, чтобы очищать его. Если я буду все копить, мне будет плохо. Психологи, психотерапевты входят в профессиональные сообщества, интервизорские группы, где мы можем в доброжелательной атмосфере коллег разрядиться, чтобы не переживать где-то в углу беду, происшедшую с коллегой, собой, клиентом. Психологи собираются раз в месяц. Вам, журналистам, не хватает такой группы, где можно было бы разряжаться.

— У нас есть организации, которые занимаются защитой права на профессию, юридическими вопросами.

— Это не совсем то. Речь идет о таких отношениях, связях, сообществе, куда можно прийти не только с профессиональным вопросом. Где будут не только защищать от властей, но где можно получить элементарное сочувствие коллег, которые знают, что это такое, когда обижают «ребенка» (ваш материал).

— А разве не достаточно поговорить с коллегой?

— Это очень индивидуально. Коллегиальные сборы не для повышения профессионализма, а для человеческого общения были бы очень полезны журналистам. Очень важна возможность рассказать о своих проблемах, поискать сочувствия у людей, с которыми вы ощущаете себя в безопасности. Журналистам пора заканчивать с нарциссической позицией всесильности. Нужно плакать, нужно говорить, когда больно. Часто журналисты ведут себя, как киборги, не признаются, что их эмоционально затрагивает то, как, например, реагируют люди на их работу. Я призываю быть людьми, не киборгами. Тогда и проблем будет меньше, и профессиональное «выгорание» не случится.

— Склонность к профессиональному «выгоранию» зависит от гендера?

— На мой взгляд, нет. Существует стереотип, каким должен быть мальчик, а какой — девочка. Например, мужчина может оказаться более подверженным «выгоранию» только потому, что в силу внушенных стереотипов не дает себе возможности «выплакаться», т. е. разгрузить психику. Женщины зато становятся жертвами повышенных требований, если оказываются в мужских профессиях.

— Для того чтобы уменьшить влияние стрессовых факторов, мало что можно предпринять. Снизить темп для большинства журналистов нереально, иначе не получится быть конкурентоспособным. Относиться к написанному не как к детищу тоже невозможно. Что же делать?

— Темп снизить действительно трудно. Что до отношения к результату своего труда, т. е. к статье, видеосюжету — то любого ребеночка, который вырос, нужно отпустить. Хотя, конечно, думать о нем будешь всегда, каким бы взрослым он ни был. Если же ребенок или результат работы становится сверхценностью, вся наша энергия уходит на него. И уже нет времени и сил на то, чтобы любить, встречаться с друзьями и горевать, если случается беда.

— Иногда о журналистах говорят, что они всегда на работе, всегда ищут информационный повод и анализируют происходящее с точки зрения использования в СМИ. Это состояние профессиональной напряженности не есть норма?

Как вы избегаете профессионального «выгорания»?

Главный редактор БелаПАН Ирина Левшина:

— Думаю, избежать «выгорания» (в той или иной степени), работая долгое время в новостной журналистике, нереально. Но при этом можно научиться выгорать «правильно» — так, чтобы профессия тебе не осточертела.

Когда-то, приходя домой после работы, я первым делом неслась включать телевизор — в те годы самое оперативное СМИ. Мне не терпелось знать, что происходит именно в сию минуту: «А вдруг я что-то пропустила по дороге домой?» Сейчас после работы я наслаждаюсь прогулкой со своими собаками, а интересную программу по «Discovery» предпочту выпуску новостей. Отключать телефон, конечно, нельзя, ведь важное событие может произойти в любой момент, и нужно быть на связи с коллегами. Но, во всяком случае, новости перестали быть для меня наркотиком. И это правильно, потому как любая зависимость ни к чему хорошему не приводит: до поры до времени «наркотик» тебе в кайф, а потом идет обратная реакция отторжения.

Всем известные рекомендации психологов (учиться жить здесь и сейчас, получать удовольствие от того, что делаешь) на самом деле имеют большое значение. Работа — только часть нашей жизни, хотя и очень важная. Понимание этого, как правило, приходит с жизненным опытом. Если к этому времени ты еще не успел «выгореть»…

Пресс-секретарь БАЖ Борис Горецкий:

— Мой стаж журналистской работы небольшой — семь лет, поэтому мне кажется, что профессиональное «выгорание» мне пока не грозит. Каждое утро встаю и хочу работать. Мысли спрятаться от всего не возникает.

Иногда у меня появляется усталость от того, что многие начинания БАЖ в борьбе за права журналистов упираются в закрытые двери,

— Нет, это неправильно. Человек оказывается с неприкрытым тылом. И у него нет времени, чтобы жить. На основе личных наблюдений могу сказать, что журналисты отождествляют себя с профессией, забывая о том, что, когда они приходят домой, становятся женой, мужем, отцом, матерью. Мне всегда кажется странным, когда журналисты, отвечая на вопрос, кто они, говорят только о своей профессии.

При этом личные неурядицы — с родителями, детьми, любовниками — входят в резонанс с работой. Если дома человек несчастлив, стресс на работе будет в разы сильнее. Поэтому хорошие отношения с близкими трудно переоценить.

— Вы рекомендуете семью как профилактику профессионального «выгорания»?

— Я рекомендую заниматься тем, что вам нравится помимо работы. Для многих действительно отдушина — семья, собаки, кошки. Важен хороший секс, являющийся такой же потребностью организма, как вода и питье, и дающий еще тепло, близость, энергетический обмен. Человек должен прислушаться к себе и понять, как ему лучше отдыхать.

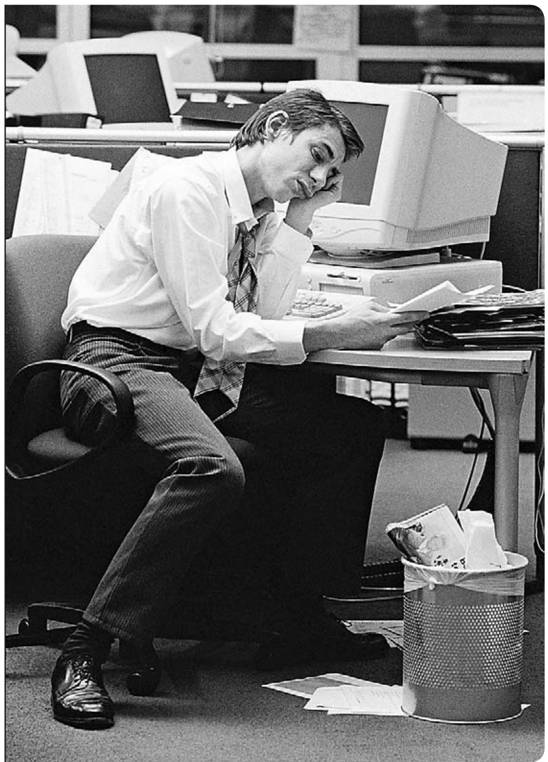
Люди интеллектуального труда часто забывают о теле. Порой мы ведем себя так, как будто взяли его напрокат: пользуемся им, но не живем с ним. Все важное происходит в голове, а на потребности тела люди не обращают внимания, забывают, что нужно вовремя есть, спать. И тело начинает мстить усталостью, снижением эффективности интеллектуальной деятельности. Когда мы не заботимся о теле, мы разрушаем организм в целом. Без нашего тела мы — никто, поэтому, для того чтобы родить интеллектуальное детище, нам необходима гармония тела и духа.

Важно научиться находить время для себя. Не стоит искать в работе счастье или спасение. Она — не убежище, а деятельность, которая хороша сама по себе.

непонимание. Ходишь, ходишь по кабинетам чиновников, объясняешь, например, что задерживать журналистов нельзя. Они кивают, а на следующий день пачками задерживают. Тогда, конечно, появляется разочарование. Мой отдых — это чтение.

Главный редактор «Салiдарнасцi»
Александр Старикевич:

— Иногда в тяжелые моменты, когда информационный поток несется с огромной скоростью, кажется: не могу, не хочу… Тогда вспоминаю: при всех нюансах профессии мне не хуже, чем другим... Людям, которые работали в профессии до нас, тоже доставалось. Я вспоминаю мемуары Ивонки Сурвиллы, которая писала, что во время работы на радио при минимуме денег у нее не было времени сходить в гости к друзьям. Я знаю, что это не поза, так и было. Когда понимаешь, что сталкиваешься с меньшими проблемами, чем многие до тебя и теперь, пристыдишь себя за минутную слабость и двигаешься дальше, исходя из принципа «делай, что должен, и будь что будет». Чтобы отдохнуть, стараюсь уехать пару раз в год — хоть на дачу, хоть в деревню.

Симптомы профессионального «выгорания»

Физиологические симптомы:
- чувство постоянной усталости не только по вечерам, но и по утрам, сразу после сна;
- ощущение эмоционального и физического истощения;
- отсутствие реакции любопытства на фактор новизны или реакции страха на опасную ситуацию;
- общая слабость, снижение активности и энергии;
- частые беспричинные головные боли, постоянные расстройства желудочно-кишечного тракта;
- резкая потеря или стремительное увеличение веса;
- полная или частичная бессонница;
- постоянное заторможенное, сонливое состояние и желание спать в течение всего дня;
- одышка или нарушения дыхания при физической или эмоциональной нагрузке;
- заметное снижение внешней и внутренней сенсорной чувствительности: ухудшение зрения, слуха, обоняния и осязания, потеря внутренних, телесных ощущений.

Социально-психологические симптомы:
- безразличие, скука, пассивность и депрессия, чувство подавленности;
- повышенная раздражительность как реакция на незначительные, мелкие события;

- вспышки немотивированного раздражения или отказ от общения, уход в себя;
- постоянное переживание негативных эмоций, для которых во внешней ситуации причин нет;
- чувство неосознанного беспокойства и повышенной тревожности (ощущение, что что-то не так, как надо);
- чувство гиперответственности и постоянное ощущение страха, что что-то не получится или «я не справлюсь»;
- общая негативная установка на жизненные и профессиональные перспективы (по типу «как ни старайся, все равно ничего не получится»).

Поведенческие симптомы:
- ощущение, что работа становится все тяжелее и тяжелее, а выполнять ее все труднее и труднее;
- сотрудник заметно меняет свой рабочий режим (увеличивает или сокращает время работы);
- сотрудник постоянно без необходимости берет работу домой, но там ее не делает;
- руководитель затрудняется в принятии решений;
- чувство бесполезности, неверие в улучшения, отсутствие энтузиазма по отношению к работе, безразличие к результатам;
- невыполнение важных, приоритетных задач и «застревание» на мелких деталях, не соответствующая служебным требованиям трата большей части рабочего времени на мало осознаваемое или неосознаваемое выполнение автоматических и элементарных действий;
- дистанцированность от сотрудников и клиентов, повышение неадекватной критичности;
- злоупотребление алкоголем, резкое возрастание числа выкуренных за день сигарет.

Что делать, если вы заметили первые признаки «выгорания»?

Прежде всего признать, что они есть. Те, кто помогает другим людям, как правило, стремятся отрицать собственные психологические затруднения. Трудно признаться самому себе: «Я страдаю профессиональным “выгоранием”». Тем более что в трудных жизненных ситуациях включаются внутренние неосознаваемые механизмы защиты. Среди них — рационализация, вытеснение травматических событий, «окаменение» чувств и тела.

Помните: блокирование своих чувств и активность, выраженная сверх меры, могут замедлить процесс вашего восстановления. А облегчить состояние может физическая и эмоциональная поддержка от других людей. Не отказывайтесь от нее. Обсудите свою ситуацию с теми, кто, имея подобный опыт, чувствует себя хорошо.

При этом уместна и полезна работа с супервизором — более опытным коллегой, который при необходимости помогает менее опытному сотруднику в профессионально-личностном совершенствовании. В ходе такого общения происходят обучение и развитие, которые помогают выйти из состояния «выгорания».

Не отказывайте себе в нерабочее время в уединении. Для того чтобы справиться со своими чувствами, вам необходимо найти возможность побыть одному, без семьи и близких друзей.

Что нужно и чего не нужно делать при «выгорании»

- НЕ скрывайте своих чувств. Проявляйте ваши эмоции и давайте возможность вашим друзьям обсуждать их вместе с вами.
- НЕ избегайте говорить о том, что случилось. Используйте каждую возможность пересмотреть свой опыт наедине с собой или вместе с другими.
- НЕ позволяйте вашему чувству стеснения останавливать вас, когда другие предоставляют вам шанс говорить или предлагают помощь.
- НЕ ожидайте, что тяжелые состояния, характерные для «выгорания», уйдут сами по себе. Если не предпринимать мер, они не покинут вас в течение длительного времени.
- Выделяйте достаточное время для сна, отдыха, размышлений.
- Высказывайте ваши желания прямо, ясно и честно, говорите о них семье, друзьям и на работе.
- Постарайтесь сохранять нормальный распорядок вашей жизни, насколько это возможно.

ДЕЛО ОБ «ИМПИЧМЕНТЕ»

За два с половиной года работы в Конституционном Суде было рассмотрено больше 40 дел. Среди них «громкие» и неприметные, объемные и не очень. Но психологически самыми сложными и ответственными считаю два дела: 1) о конституционности постановления Верховного Совета Республики Беларусь 13-го созыва о назначении республиканского референдума 1996 года и 2) о нарушении Президентом А. Г. Лукашенко Конституции Республики Беларусь (дело об «импичменте»).

Последнее дело было, на мой взгляд, самым позорным в истории Конституционного Суда. Суд уклонился от вынесения решения о нарушении Президентом Конституции, несмотря на то что располагал достаточными материалами для этого. В обход судебной процедуры было принято решение о прекращении производства по делу.

Расскажу некоторые моменты этого без преувеличения исторического дела читателям «Абажура».

Михаил ПАСТУХОВ,
доктор юридических наук,
профессор

«Секретное» начало

После назначения Верховным Советом республиканского референдума на 26 ноября 1996 г. многим депутатам стало ясно, что в результате принятия так называемых изменений и дополнений в Конституцию (по сути — новой Конституции) в стране установится единоличная власть. Не полагаясь на решение Конституционного Суда от 4 ноября 1996 г., согласно которому голосование по вопросу о внесении поправок в Конституцию может иметь только рекомендательный характер, демократически настроенные депутаты стали собирать подписи под предложением об отрешении Александра Лукашенко от должности Президента в связи с фактами нарушения им Конституции Республики Беларусь.

Депутаты-«подписанты» не без оснований рассчитывали на Председателя Суда Валерия Гурьевича Тихиню. Он имел влияние на большинство судей; у него сохранялись отношения с фракцией депутатов-коммунистов в Верховном Совете. К тому же он был в непримиримых отношениях с А. Лукашенко из-за признания многих президентских указов неконституционными. В случае успешного принятия решения об «импичменте» В. Тихиня вполне мог претендовать на должность нового Президента.

Когда необходимое количество подписей депутатов было собрано, В. Тихиня предложил мне и моему коллеге Станиславу Тишкевичу стать судьями-докладчиками по этому делу и срочно организовать подготовку к его рассмотрению. Мы дали согласие, пообещав не подвести.

Неожиданный зигзаг

Письма с подписями 73 депутатов поступили в Суд 19 ноября. И сразу же из Администрации Президента к В. Тихине пришел «посланец». Беседа у них была длительная и конфиденциальная. После нее В. Тихиня ушел с этим «товарищем». Как оказалось, на встречу с Александром Лукашенко. После возвращения он предложил всем составом встретиться с Президентом.

Конечно, мы поняли, что произошло. Администрации Президента удалось каким-то способом «выбить из седла» Председателя Суда, и теперь он пытался оказать давление на судей. Однако большинство судей от встречи с Президентом отказались. В. Тихиня совершил второй «поход» к А. Лукашенко. После возвращения он заявил, что пообещал Президенту не рассматривать дело «об импичменте» раньше 22 ноября 1996 г.

Данное заявление Председателя Суда судьям пришлось принять к сведению. Стало понятно, что процесс подготовки к рассмотрению дела тормозится и находится под контролем Администрации Президента. Более того, В. Тихиня стал

просить судей не возбуждать производство по этому делу. Однако большинство судей высказались за его рассмотрение.

На следующий день — 20 ноября — нас ждала очередная неожиданность: фамилии депутатов, подписавшихся за импичмент А. Лукашенко, раздали судьям и, кроме того, отправили в Администрацию Президента (насколько мне известно, между депутатами и В. Тихиней существовала договоренность о том, что фамилии депутатов не будут озвучиваться, как минимум, до начала судебного процесса. — *Авт.*).

В результате «утечки» такой информации с депутатами-«подписантами» стали усиленно работать в Администрации Президента. Да так сильно, что многие из них написали заявления об отзыве своих подписей. Правда, эти заявления удостоверял заместитель Председателя Верховного Совета Юрий Малумов, который не был наделен соответствующими полномочиями, как и не имел права ставить печати. Поэтому эти отказы были не чем иным, как филькиными грамотами, не имеющими юридического значения.

Судьи также знали, как добывались эти «отказы». Об этом судьям рассказывали депутаты.

Участие российских «миротворцев»

Вечером 21 ноября по просьбе Александра Лукашенко в Минск прибыли Председатель Правительства Российской Федерации Виктор Черномырдин, Председатель Государственной думы Геннадий Селезнев и Председатель Совета Федерации Егор Строев. Они должны были выступить посредниками в противостоянии Президента и Парламента и помочь составить Соглашение об урегулировании конституционного кризиса в Республике Беларусь. На встречу с российскими «миротворцами» А. Лукашенко пригласил Председателя Верховного Совета 13-го созыва Семена Шарецкого и Председателя Конституционного Суда Валерия Тихиню. Всю ночь за закрытыми дверями они вели разговор о путях урегулирования конституционного кризиса. Сошлись на следующем: 1) А. Г. Лукашенко снимает свой проект Конституции с обязательного референдума (в соответствии с решением Конституционного Суда от 4 ноября 1996 г.); 2) С. Г. Шарецкий брал обязательство отозвать подписи депутатов под предложением об импичменте; 3) В. Г. Тихиня обещал прекратить в Суде дело.

Для выхода из конституционного кризиса предполагалось создать Конституционную комиссию в составе 100 человек (по 50 чел. от Президента и от Верховного Совета) во главе с Президентом. Изменения и дополнения, получившие поддержку на референдуме, должны были быть приняты Конституционной комиссией и внесены в Конституцию в установленном порядке.

Под патронажем российских «миротворцев» белорусские «переговорщики» скрепили свои обещания подписями и к утру разошлись.

День измены

Утром 22 ноября 1996 г. в Конституционном Суде шла подготовка к судебному заседанию. Пришли представители двух основных сторон — Администрации Президента и депутатов Верховного Совета, другие приглашенные участники процесса. Незадолго до начала процесса явился В. Тихиня и пригласил судей на срочное заседание. Он огласил текст «ночного соглашения» и объявил, что разбирательство дела откладывается до принятия решения Верховным Советом.

Это походило на самоуправство: Председатель Суда, не имея на то полномочий, решает за весь Суд. Я предложил судьям выйти в зал заседаний, тем более что участники уже собрались. Однако Председатель через помощника передал свое распоряжение.

Эти действия Председателя Суда я расцениваю как превышение должностных полномочий и нарушение правил Кодекса этики судьи Конституционного Суда. Суд обязан был начать гласный процесс, ознакомить участников с документом, который принес Председатель Суда, дать ему соответствующую оценку. Возможно, депутаты, представлявшие Верховный Совет 13-го созыва (Александр Добровольский, Михаил Грушевский, Валерий Щукин), отказались бы снимать свои подписи под обращением в Суд. Или рассказали бы, под каким воздействием депутатов заставляли отказаться от своих подписей. Весьма вероятно, что документ, представленный и подписанный В. Тихиней, мог быть отвергнут Судом как юридически ничтожный.

В это время в Верховном Совете разыгралась настоящая комедия: руководители президентской фракции Иван Сечко и Владимир Коноплев требовали от депутатов не голосовать за текст «ночного соглашения», подписанный А. Г. Лукашенко, С. Г. Шарецким и В. Г. Тихиней. Для принятия положительного решения в Верховном Совете не хватило нескольких голосов депутатов. Ссылаясь на этот факт, А. Лукашенко заявил, что и он не будет выполнять своих обязательств.

Попытки прекратить дело

Назначенное на 14 часов заседание Суда по распоряжению В. Тихини снова было отложено. Председатель Суда не захотел выслушивать

позицию представителей депутатов, которые настаивали на безотлагательном рассмотрении дела.

Когда участники заседания покинули здание Суда, В. Тихиня собрал судей в своем кабинете. Каждый из судей высказал свое мнение о том, что делать дальше. Большинство не согласились прекратить производство по делу.

Недовольный таким исходом, В. Тихиня назначил новое служебное заседание судей на субботу, 23 ноября (нам, судьям, было понятно, что он после встреч с А. Лукашенко стал «заинтересованным» судьей и не должен был участвовать, а тем более председательствовать, в заседаниях Суда. — *Авт.*).

В ходе «субботнего» заседания решение о прекращении дела также не было принято. Новое заседание Суда было назначено на 26 ноября 1996 г.

После референдума

Начались вакханалия и попрание законов. Не дожидаясь 10-дневного срока на подведение итогов референдума, Центральная комиссия во главе с Лидией Ермошиной уже на следующий день объявила, что все вопросы, предложенные на референдум Александром Лукашенко, получили необходимое количество голосов избирателей.

В такой обстановке 26 ноября Конституционный Суд собрался на свое последнее заседание. Судей ожидало сразу несколько «сюрпризов». Первый — государственные средства массовой информации успели озвучить «победные» результаты референдума, что означало, по версии А. Лукашенко, вступление в силу новой редакции Конституции, по которой глава государства получал неограниченные полномочия.

Второй «сюрприз» — так называемый закон «О прекращении в Конституционном Суде Республики Беларусь дела о нарушении Президентом А. Г. Лукашенко Конституции Республики Беларусь», подписанный А. Г. Лукашенко. Согласно этому закону, вступавшему в силу со дня его подписания, Суд обязан был прекратить дело.

Третий «сюрприз» — большинство судей каким-то образом уже определились с предстоящим решением. В качестве основания для прекращения дела послужило то обстоятельство, что 12 депутатов отозвали свои подписи под обращением в Конституционный Суд. Это позволило «заинтересованным» судьям истолковать данный факт как «отсутствие в деле надлежащей стороны», что могло повлечь за собой его прекращение.

Валерий Тихиня зачитал проект подготовленного решения и предложил тут же, в своем кабинете, за него проголосовать. Судьи, потупив глаза, подняли руки. Председатель Суда объявил, что производство по делу прекращено.

Еще до голосования я, как судья-докладчик, высказался против прекращения дела, подвергнув критике его основание. Ведь дело было начато, когда имелись подписи 73 депутатов. Отзыв подписей в последующем не исключил сторону по делу, которая в лице ее представителей до конца настаивала на рассмотрении дела по существу.

Я проголосовал против принятого решения и письменно выразил особое мнение с изложением своей позиции (см.: Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. — 1996. — № 4. — С. 42–43).

Печальный итог

К этому делу можно было бы вернуться и отменить принятое решение по следующим причинам: 1) тогда не соблюдалось никакой процедуры; 2) представители сторон не имели возможности высказать свои аргументы; 3) не было заслушано мнение участвовавшего в заседании эксперта; 4) не оглашались и не оценивались имеющиеся в материалах дела документы, в том числе отказы депутатов от своих подписей; 5) судьи не удалялись в совещательную комнату; 6) проект решения фактически не обсуждался; 7) на судей оказывалось давление со стороны Председателя, заинтересованного в исходе дела.

То есть решение по данному делу было принято с грубыми нарушениями Закона «О Конституционном Суде Республики Беларусь». Поэтому оно подлежит отмене как незаконное и необоснованное. На мой взгляд, есть основания говорить о

вынесении неправосудного решения, поскольку судьи отдавали себе отчет в том, что принимают решение с нарушением процедуры и без законных к тому оснований.

По прошествии времени можно попытаться ответить и на вопрос, почему Суд принял такое решение. Моя точка зрения такова: в рядах Конституционного Суда оказалось несколько судей, которые интересы правосудия подменили интересами Президента. Кроме того, на завершающем этапе деятельности Суда его «слабым звеном» стал Председатель Валерий Тихиня, который по неизвестным до сих пор причинам приложил немало усилий для прекращения дела. В итоге Конституционный Суд не выполнил своей обязанности и исторической миссии — вынести заключение о нарушении Президентом А. Г. Лукашенко Конституции Республики Беларусь.

После прекращения «дела» шесть судей, в том числе Председатель Суда, написали заявление об отставке на имя А. Лукашенко и получили ее вместе с выплатой полугодовой компенсации. Четверо судей — Григорий Василевич, Ксения Кеник, Валентина Подгруша и Римма Филипчик — за свою «правильную» позицию по последним делам были оставлены для дальнейшего прохождения службы в составе Конституционного Суда.

Я был единственным судьей, который отказался писать прошение на имя нового-старого Президента, заявив о своей приверженности Конституции 1994 г. и о верности присяге, принесенной при вступлении в должность судьи. Что из этого получилось?

Мои скитания

Решения мне пришлось ждать до конца января 1997 г., когда новая власть сформировала новый состав Конституционного Суда во главе с Г. А. Василевичем. 25 января 1997 г. меня ознакомили под роспись с президентским указом № 146 «Об освобождении М. И. Пастухова от должности судьи Конституционного Суда Республики Беларусь». В качестве основания в этом документе фигурировала запись: «...в связи с окончанием срока его полномочий».

Никакой компенсации мне не выплатили, даже начисленную зарплату не выдали, только — трудовую книжку с соответствующей записью. Не предложили восстановиться на прежнюю должность в Институте национальной безопасности. Просто предложили освободить кабинет и убираться на все четыре стороны.

Я попытался оспорить президентский указ в судах. Заявление о восстановлении в должности судьи Конституционного Суда у меня отказались принимать и в районном суде, и в Минском городском, и в Верховном Суде. Мне ничего не оставалось, как обратиться с жалобой в Комитет ООН по правам человека. Больше жаловаться было некуда.

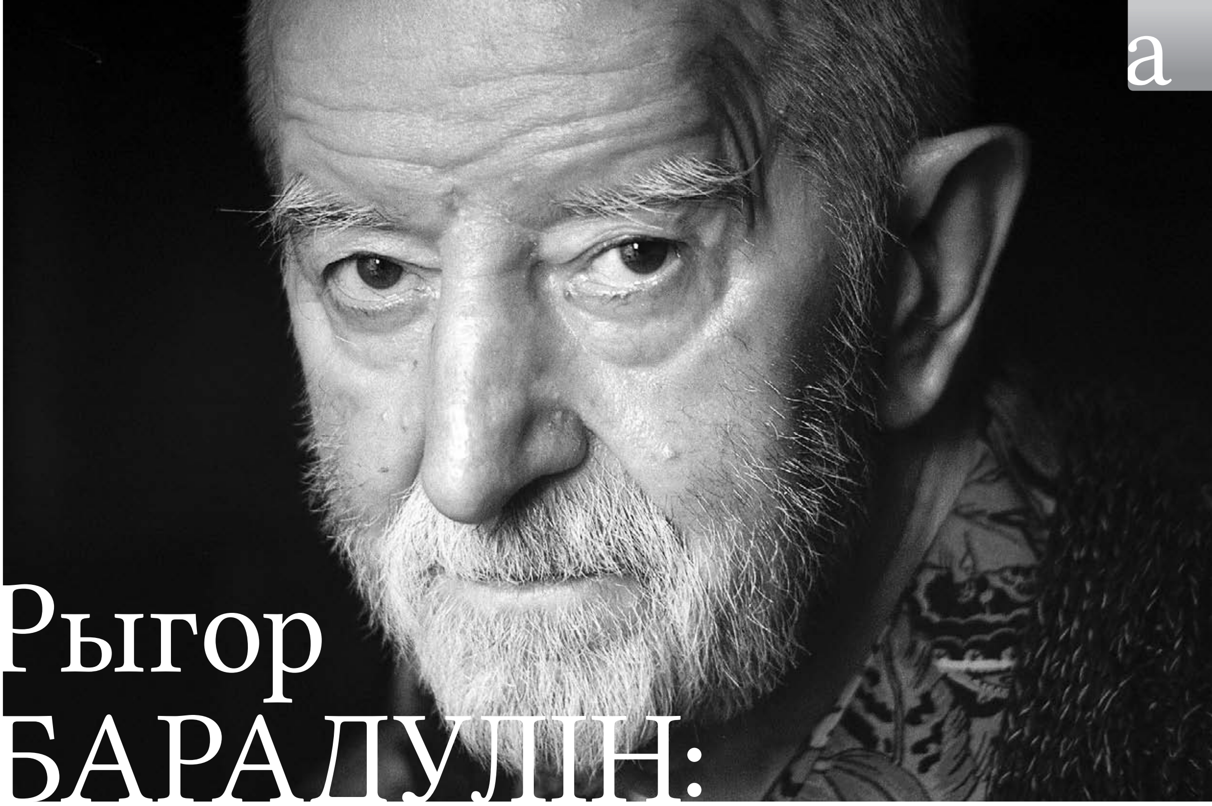
Моя жалоба в Комитете ООН была принята к рассмотрению. Однако процесс согласования жалобы с позициями белорусских властей, которые, естественно, не хотели ее признавать, растянулся на годы. Только 5 августа 2003 г. Комитет ООН по правам человека принял решение, в котором признал факт нарушения моих прав со стороны белорусского государства. Среди прочего в решении отмечалось, что освобождение меня от должности судьи Конституционного Суда является «посягательством на независимость судебной власти и неуважением прав заявителя» (на должности судей Конституционного Суда нас избирал Верховный Совет 12-го созыва 28 апреля 1994 г. сроком на 11 лет. — *Авт.*).

Однако решение Комитета ООН было проигнорировано белорусскими властями. Как выяснилось, так же были восприняты и другие решения Комитета ООН, вынесенные в отношении граждан Беларуси.

И все-таки я верю...

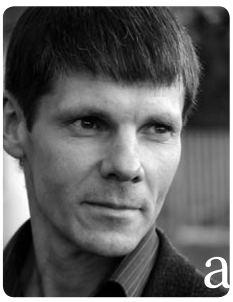
Вот в таком положении я оказался, проявив принципиальность в деле об «импичменте». На долгие годы меня предали забвению, изгнав с государственной службы, из различных ученых и других советов, лишив возможности публиковать свои научные труды. Мне пришлось заняться преподаванием в частных вузах и общественной деятельностью. Как мне представляется, на этом поприще я успел многое сделать.

Но все-таки главным в моей жизни остается возвращение в Конституционный Суд, поскольку я сохранил свой легитимный статус, подтвержденный решением Комитета ООН. В будущем, когда сменится «политический климат» в Беларуси, надеюсь занять свою должность. Я верю, что придет торжество законности и демократии в нашей стране. Чего и всем вам искренне желаю.

Рыгор БАРАДУЛІН:

«Я ўсё-такі веру латыні: dum spiro, spero»

Патрыярх беларускай літаратуры Рыгор Барадулін завяршыў 2013 год падвойным святам: выйшлі адразу дзве яго кнігі, і абедзве ўнікальныя — «Вушацкі словазбор» і «Лепей». Калі першую кнігу Барадулін усё жыццё збіраў, дык другую амаль усё жыццё пісаў. Такім чынам, абедзве кнігі для паэта ў многім выніковыя. Пра гэта і гутарым з Рыгорам Іванавічам.

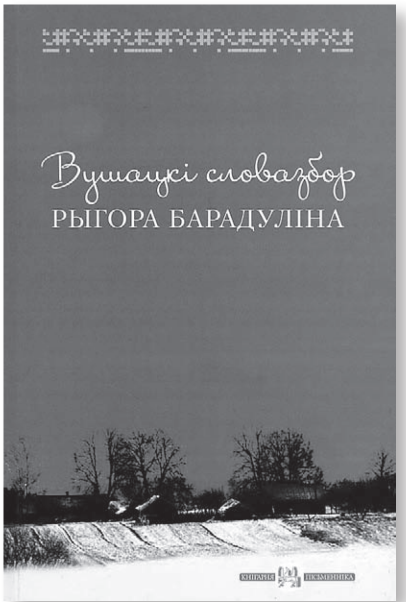
Сяргей ШАПРАН

— Падчас прэзентацыі «Вушацкага словазбору» ў кнігарні «Логвінаў» Уладзімір Някляеў засведчыў, што неаднойчы бачыў Вас, шчаслівага, з Вашай чарговай новай кнігай у руках, але ніколі не бачыў настолькі раднаснага, як пасля выхаду «Вушацкага словазбору»...

— Для мяне выхад гэтай кнігі — вялікая ўрачыстасць для душы. Я ж пачаў запісваць вушацкія словы, якія чуў ад мамы, ад сваякоў, ад суседзяў — вушацкіх людзей, вострых на язык, недзе з класа шостага-сёмага. І, як толькі размова заходзіць пра «Вушацкі словазбор», мне адразу хочацца цытаваць: «Жывець, як золата важыць»; «Каму пільней, таму пыльней». Вушацкае вуха чуе нават, што пяе салавей: «Цімох, Цімох, павёў дзяўчыну ў мох, у мох. Паваліў, загаліў — торк, торк, торк...» У гэтым слоўніку выразы і словы на ўсе выпадкі жыцця. Ёсць, напрыклад, такое ёмістае вушацкае слова «прылюдзіцца» — гэта значыць, прывесці да пэўнага парадку, толку, спарадкаваць. Дык вось, я вельмі ўдзячны Наталлі Давыдзенка, укладальніцы гэтай кнігі, якая зрабіла працу акадэмічнага інстытута: яна не толькі сабрала цэлую трохтонку маіх запісаў, але і, сістэматызаваўшы, прылюдзіла, спарадкавала іх. «Вушацкі словазбор» — гэта не проста слоўнік, гэта слоўнік і ізборнік разам, бо добрую палову кнігі складаюць прыказкі і прымаўкі, прыгаворкі і зычэнні, пад'ялдычкі і цвялілкі, добрыя пажаданні і хуткамоўкі, загадкі і дзіцячыя гульні, звычаі і прыкметы. Тут усяго патроху: і скаромнага, і ўзнёслага.

Сам я па стане здароўя ўжо не мог засяродзіцца на падобнай працы — я нават у алфавітным парадку не склаў бы гэты слоўнік! Таму яшчэ раз хачу адзначыць вялікае стараннe Наталлі Давыдзенка — яна нібыта на шахтах працавала. Працаздольнасць у яе шалёная! Між іншым, Наташа — не толькі дасведчаны рэдактар, але і сама паэтка, якая хоць і піша па-руску, але апошнім часам падрыхтавала ўжо дзве свае кніжкі па-беларуску.

— Некалі, яшчэ ў 1979 годзе, Вы напісалі ўступнае слова да вершаў Някляева, якія ўпершыню выйшлі ў перакладзе на рускую мову ў Маскве. Праз трыццаць гадоў Вы сталі аўтарам прадмовы ўжо да яго выбраных твораў. Тым часам і Някляеў не хавае павагі і любові да Вас, бо ўжо ў трэці раз Вашыя кнігі пачынаюцца з яго ўступнага слова. Прадмова да «Вушацкага словазбору» называецца проста і зразумела: «Цуд!»

— Я вельмі ўдзячны і Уладзіміру Някляеву — чалавеку тонкага густу, першаму дэгустатару «Вушацкага словазбору» і аўтару добрай прадмовы да кнігі. Але Някляеў даўно ўжо даказаў — за што ён ні возьмецца, усё ў яго здорава выходзіць: і вершы пісаць, і паэмы, і эсэ, і прадмовы. Няма такой галіны чалавечай дзейнасці, дзе б ён не быў першы. Ён унікальны, таму што здольны здзіўляць і здзіўляць. Гэта, мусіць, апошні з самых дасканалых беларускіх паэтаў. Можна нават сказаць — малады класік. Пакуль будуць такія, як Някляеў, наша мова будзе жыць. Някляеў і нашая моладзь, бо апошнім часам беларуская моладзь пайшла як грыбы пасля дажджу.

Сам я яшчэ заспеў людзей, якія помнілі вушацкі, крывіцкі варыянт беларускай мовы, а пасля ўзнік цэлы прагал, бо нараслі пакаленні, якія не ведалі ні беларускай, ні рускай мовы і гаварылі на «трасянцы», мова для іх зрабілася выключна сродкам камунікацыі. Але без мовы няма народа — ёсць толькі насельніцтва. Без роднай мовы душа будзе халодная. Таму ўся надзея на моладзь. На моладзь і, паўтаруся, на Някляева, які безумоўная, бездакорная вяршыня ў нашай літаратуры, што б там ні гаварылі. Дарэчы, цікава, што ён жа пачынаў пісаць па-руску, але родная мова, мова яго маці ўсё-такі перамагла. Раней жа і нацыянальнасць запісвалі па маці — гэта калі я яшчэ быў малады. Праўда, як прыгадаеш, калі гэта было, дык самому страшна становіцца, але ўсё адно ж не хочацца лічыць сябе старым!

— А што б Вы сказалі будучым чытачам «Вушацкага словазбору»?

— Вядома, я не магу сказаць: «Чытайце абавязкова!» — я хацеў бы, я быў бы рады, быў бы шчаслівы, калі б нехта прачытаў гэтую кніжку і, можа быць, вушацкае, маміна слова лягло б яму на душу, як аблокі на смяглую зямлю. Я спадзяюся, што некаму слова маёй мамы ўскосна, можа быць, нагадае яго маці, а некага нават і сагрэе.

Я лічыў сваім абавязкам, каб словазбор вушацкага варыянта крывіцкай мовы быў надрукаваны. Гэта быў мой неадплатны доўг і перад вушацкімі людзьмі, і перад мамай. Цяпер, калі сам стаў стары, я зразумеў, што страшэнна вінаваты перад мамай, бо крыўдзіў яе... «Вушацкі словазбор» — гэта мая даніна павагі маме, маленькая, мільённая частка доўгу перад ёй. Тут жа і словы маміны, і голас, і вочы яе...

— Тут Ваша мама жывая.

— Так, тут мама жывая... Я ўсё жыццё пісаў вершы маме, але самы лепшы мой верш, прысвечаны маме, — гэты слоўнік.

Сам я жыву і ратуюся роднай мовай. Самае святое для мяне — гэта мама і мова, мова і мама.

З Уладзімірам Някляевым і Генадзем Бураўкіным

Гэтая кніжка для мяне вельмі дарагая не толькі таму, што гэта кніга Барадуліна, геніяльнага майго сябра, а яшчэ і таму, што ў ёй жыве мая, наша з Рыгорам, родная зямля — Полаччына. Са сцежкамі, з рэчкамі, з азёрамі, з усімі яе фарбамі. Разам з тым гэтая кніга прыкметная яшчэ і тым, што дае, хай не поўны, але адказ на загадку, якую нясе ў сабе Рыгор, як кожны вялікі паэт: адкуль ён, чаму ён такі, чаму жыве гэтым? А жыве ён роднаю зямлёй, народнымі думамі і памкненнямі, нарэшце, жыве роднай мовай. І пры гэтым паказвае ўзор таго, як трэба беражліва ставіцца да жывой, натуральнай, крынічнай мовы, паказвае ўзор таго, як пісьменнік павінен удзельнічаць у ачышчэнні сучаснай мовы ад канцылярызмаў і выпадковасцей, і больш за тое — удзельнічаць у моватворчасці. Таму гэтая кніга для мяне не проста з'ява, а падарунак маёй душы.

Кажуць, што Барадуліна без беларускай мовы няма. А мне здаецца, што і беларускай мовы без Барадуліна ўжо таксама няма. Няма і не будзе. І колькі будзе жыць беларуская мова — столькі будзе ў ёй жыць Рыгор.

Генадзь БУРАЎКІН

Без іх я як без радні. І «Вушацкі словазбор» — гэта мой паклон да зямлі тым, хто пялегваў праз вякі нашае самабытнае слова. Гэта мой паклон маме і родным вушацкім людзям, якія не выракліся свайго. Бо без мовы не можа быць ні асобнага чалавека, ні цэлага народа. І калі маладыя пачнуць адраджаць нашу мову, значыцца, яна будзе жыць. А калі будзе жыць мова — будзе жыць і Беларусь.

— Практычна адначасова з «Вушацкім словазборам» выйшла яшчэ адна Ваша кніга — «Лепей», падрыхтаваная паэтам, журналістам і блогерам Глебам Лабадзенкам. Заўважу, што Глеб практычна кожнага разу выдае нешта незвычайнае: спачатку былі яго ўласныя «Pager-вершы», пасля факсімільна перавыдадзеная Ваша першая кніжачка «Маладзік над стэпам», следам за тым — факсімільнае выданне рукапісу «Ладдзі роспачы» Уладзіміра Караткевіча, пасля — Глебава «Дзіцячая заМова». І вось яшчэ адзін яго кніжны праект — факсімільна выдадзеныя аўтографы Вашых вершаў, якія былі напісаны ў перыяд з 1952 да 2013 года. Да таго ж унікальны выпадак — у кнізе няма ніводнай друкаванай літары. Але ці помніце, як Вы першапачаткова паставіліся да ідэі такога выдання?

— Шчыра кажучы, ідэя гэтая дужа мяне збянтэжыла, таму што звычайна факсімільна выдаюць тых, каго няма ў жывых. Але пасля падумаў, што гэта можа быць цікава. Тым больш што адзін урач сказаў, што па рукапісах можна вызначыць, якая хвароба ў чалавека і калі яна пачалася.

— І з якога часу пачаў пагаршацца стан Вашага здароўя?

— Быццам бы ў пачатку гэтага стагоддзя.

— Калі рыхтаваў кнігу гутарак з Вамі «Тры мяхі...», дык праслухаў запісы ранейшых Вашых інтэрв'ю і не мог не заўважыць, як пачаў змяняцца Ваш голас пасля смерці Васіля Быкава. Я даўно ўжо перакананы, што на Вас вельмі паўплываў раптоўны сыход Вашага блізкага сябра. Гэта ў тым ліку і па Вашых фотаздымках тых часоў можна прасачыць. Мабыць, гэта смерць Быкава прыспешыла Вашую хваробу?

— Магчыма, бо Васіль быў для мяне ўсім... Для мяне тры імёны былі святыя: Бог, мама і Быкаў.

— Але давайце, дзядзька Рыгор, вернемся да кнігі «Лепей». Вы сказалі, што спачатку Глебава ідэя збянтэжыла Вас, але цяпер Вы задаволены вынікам?

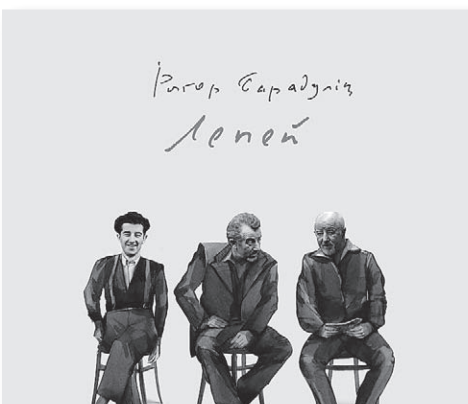
— Па-першае, я яшчэ раз пераконваюся, што Глеб — гэта тая змена, якая дужа патрэбна Беларусі. Нашая беларускасць трымаецца, безумоўна, якраз на такіх волатах, на такіх вяршынях, як Някляеў, і на такой маладой руні, як Глеб.

— Рунь ці ўжо пагорак?

— Рунь — гэта для вачэй, для сэрца, рунь маладзіць душу і прымушае забыцца на драбязу. Але Глеба адным словам не вызначыш... Пра яго можна яшчэ сказаць, што гэта ўжо не дрэўца, а малады гаёк.

— Я не быў знаёмы з Караткевічам, але ж Вы блізка сябравалі з Уладзімірам Сямёнавічам, таму, канешне, можаце сказаць, ці дакладная будзе асацыяцыя: мне так падаецца, што калі б Караткевіч жыў сёння і быў Глебава ўзросту, дык, мабыць, ішоў бы прыкладна тым жа шляхам, што і наш з Вамі, дзядзька Рыгор, агульны сябра?

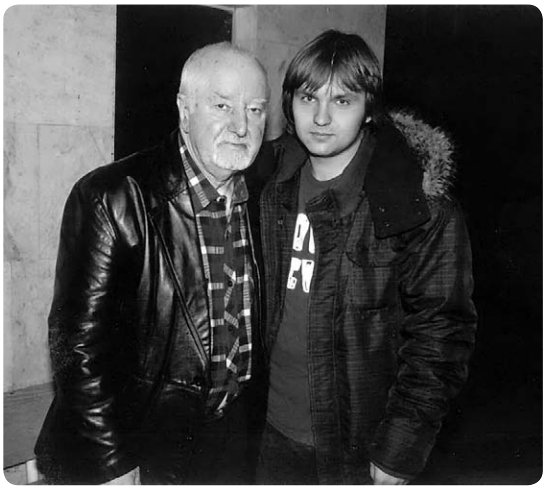
— Караткевіч усё жыццё ішоў сваім шляхам — шляхам супраць. Ён ніколі не хаваўся і заўсёды, што называецца, сек з пляча. Караткевіч жыў, як дыхаў, і пісаў, як дыхаў. Ён быў абсалютна натуральны. Ужо не кажу пра тое, што ён быў сусветна адукаваны. Караткевіч прыйшоў у літаратуру ў цёмныя часы, калі, здавалася, не было практычна ніякай перспектывы. Пра гістарычную ж літаратуру наогул не ішло ніякай гаворкі. А Караткевіч пайшоў у глыбіню беларускай веліччы і паказаў Беларусь незалежнай і вольнай. Але гэта Бог, лёс пасылаюць Беларусі ў патрэбны час патрэбнага чалавека.

Усялякая кніга Рыгора Барадуліна — гэта падзея не толькі для яго, але і для ўсіх тых, хто сёння яшчэ нешта чытае, хто сёння яшчэ ў нечым беларус. Я кажу: «у нечым» і «нешта», — бо гэтага нечага, на жаль, у нас усё меней і меней. Дык вось, «Вушацкі словазбор» — апроч таго, што гэта выдатная кніга, яшчэ і намаганне пабольшыць гэтую меншасць. І намаганне вельмі паспяховае, бо ўсе, хто да барадулінскага словазбору ўжо дакрануўся, хто пакупаўся ў бяздоннай чысціні мовы, у сабраных Барадуліным вушацкіх словах, прыказках і прымаўках, не маглі не адчуць, якія яны багатыя людзі і якія яны дурні, што не цэняць гэтае багацце.

Няма патрэбы даводзіць, што Рыгор Барадулін — геніяльны паэт, але «Вушацкі словазбор» — кніга і для яго ўнікальная, бо напісаная не ім адным. Разам з ім кнігу пісала ягоная маці, пісалі ягоныя сваякі, ягоныя землякі, увесь народ, які, на жаль, сёння не з'яўляецца моватворцам, і таму ягоную працу — працу моватворцы — выконвае паэт Рыгор Барадулін. Апроч гэтага ён выконвае яшчэ і ролю захавальніка беларускай мовы, і некалі беларускі народ, асэнсаваўшы подзвіг, які здзейсніў Барадулін, скажа вялікае дзякуй свайму Паэту.

Уладзімір НЯКЛЯЕЎ

З Глебам Лабадзенкам

— Што тычыцца Лабадзенкі — некалі Марыйка Мартысевіч напісала: «У Глебе элітная нацыянальная адукацыя абярнулася іншым бокам медаля: ён бязмежна верыць у беларускую Беларусь і змагаецца за яе сваімі сродкамі. Альтэрнатыўнымі. Можна нават сказаць, магічнымі... Лабадзенка — цімуравец, а дакладней, сам Цімур, які малюе бел-чырвона-белыя значкі на платах тых людзей, якім дзячыць за іх шматгадовую працу сваёй дапамогай... Глеб Лабадзенка — жаўнер-альтэрнатыўшчык на службе ў Беларусі. Але не ў агульнапрынятай Беларусі, а ў нашай, беларускай». Мне бачыцца, што лепш пра Лабадзенку як пра рэкрута, які прызваны служыць на карысць Беларусі, нават не скажаш.

— Так, рэкрут — гэта правільна. Я ж гавару: чым Беларусь і выжывае, чым выжываюць нашыя культура і мова, — гэта тым, што ў той час, калі здаецца, што ўсё ўжо знішчана, тады Бог, лёс даюць патрэбнага чалавека, дый не аднаго — дзясяткі чалавек, якія і трымаюць на сабе Беларусь.

— Раней я ўкладаў Вашую білінгвічную, беларуска-рускую кнігу «Перакуленае», дык ведаю, наколькі гэта складана — падрыхтаваць том Вашай выбранай паэзіі. Дый Глеб таксама піша ў прадмове да «Лепей»: «Гэта не кніга выбраных вершаў. Як можна выбраць 100 найлепшых вершаў Рыгора Барадуліна? І хто павінен выбіраць? Калі я наіўна паставіў перад сабою такую задачу і засеў чытаць нататнікі класіка, то першы адбор прынёс 500 адсканаваных твораў. Другі — 270. І так — пакуль вокладка гэтай кніжкі не стала больш-менш закрывацца». А Вас самога, дзядзька Рыгор, не засмуціла б прапанова скласці том уласнай выбранай паэзіі?

— Гэта практычна немагчыма, бо ўжо зранку глядзіш па-іншаму на тое, што ўвечары падабалася. Але пакуль самому не падабаецца ці не дужа падабаецца тое, што ты напісаў, да гэтага часу і можаш пісаць. Хоць некаторыя і лічаць сябе геніямі, адзін такі добра пра сябе сказаў: «Я — саманадзейны геній». Што на гэта скажаш? Нічога... Усё-такі літаратар павінен быць з пачуццём адказнасці.

— Сапраўды, мусіць, кожнага разу сумленнаму літаратару здаецца, што наступным разам напішацца лепей. Невыпадковая і назва ў гэтай кнігі — «Лепей». Мне ў гэтым бачыцца пэўная іронія.

— Правільна. Сёння лепей, заўтра — горш. Гэта як у песні...

— Некалі Аляксандр Фядута ў рэцэнзіі на кнігу «Ксты» заўважыў, што калі запытацца ў звычайных чытачоў, якія яны ведаюць Вашыя вершы, дык, мусіць, яны б назвалі толькі «Трэба дома бываць часцей...». А Вас самога не здзіўляе папулярнасць гэтага верша?

— Калі груба гаварыць, дык атрымліваецца, што гэты верш — як тая дзяўчына, якая ўсім падабаецца. Але трэба падумаць-паглядзець: вакол жа ёсць і прыгажэйшыя, і лепшыя... Тут, відаць, шмат што залежыць ад школьнай праграмы, вершы ў якой варта было б час ад часу мяняць, а то як уваб'юцца ў адзін мех... У гэтым ёсць свая небяспека.

— А з іншага боку, дзядзька Рыгор, як каханую мяняць? Я яшчэ ў школьныя гады прачытаў у Яўгена Еўтушэнкі: «...Идут белые снеги, как во все времена, как при Пушкине, Стеньке и как после меня. Идут снеги большие, аж до боли светлы, и мои, и чужие заметая следы». І з таго часу Еўтушэнка існуе для мяне найперш вершам «Идут белые снеги». А Барадулін — «Трэба дома бываць часцей...».

— Можна сказаць, што гэта ўжо як брэнд.

— Вам не шкада, што шмат хто ведае Вас па адным толькі вершы?

— У сітуацыі, калі ў Беларусі сваіх літаратараў не ведаюць, дык хай хаця б гэта ведаюць. І добра, што хоць адзін верш, бо некаторыя ж ніводнага не прыгадаюць і, наогул, ставяцца да беларускай мовы як да дыялекту рускай.

Што было найвялікшым адкрыццём падчас працы з нататнікамі Барадуліна? Раптоўнае разуменне, наколькі дзядзька Рыгор розны — і шчыры ў гэтай рознасці — на суседніх старонках. Вось вам вершаванае перастварэнне малітвы «Ойча наш…», а вось — цераз пару старонак — зацемка пра пеўня, які «хоць худы, ды ёбкі» (аўтар сам не ставіць тут шматкроп'я). Вось верш «Пусці ў душу Хрыста…», а следам — «Паганскія багі»…

Гэтую рознасць Барадуліна можна назваць сцісла: ад «Здубавецця» да «Кстоў». Цяжка прыгадаць іншага аўтара, чыя таленавітая палітра была б настолькі шырокая.

Нашто вам кніга рукапісаў Рыгора Барадуліна? Не, не толькі як сувенір. У наш час усё, ажно да паэзіі, чытаецца па дыяганалі. Перанасычэнне інфармацыяй прымушае нас спажываць яе ў паскораным рэжыме. Тут такі нумар не пройдзе. Хоць почырк дзядзькі Рыгора і не самы «лекарскі», аднак з наскоку не ўсё прачытаеш. Чытаць Барадуліна няспешна, асэнсоўваючы — вось навошта вам гэтая кніга.

Глеб ЛАБАДЗЕНКА

З мамай Кулінай Андрэеўнай. Фота Э. Дамарацкага

— У прадмове да кнігі Глеб піша, што свая магія ёсць і ў Вашым почырку і трэба звяртаць увагу не толькі на тое, што напісана, але і як: «Форму кнігі падказаў сам почырк Барадуліна, які даўно стаў графічным брэндам. Гэта як беларускія руны. Нават той, хто не да донца даўмеецца сэнс, адчуе, што тут ёсць нешта важнае і галоўнае». Але Вы самі, дзядзька Рыгор, ці бачыце ў почырку нейкі метафізічны сэнс?

— Хоць мама мая пісала не надта добра, бо яна ж практычна не вучылася ў школе, але ўсё роўна мамін почырк для мяне цяплейшы. Гэта як тыя словы, што тысячы гадоў таму былі высечаны на скалах. Таму мамін почырк для мяне больш святы і ўзорны.

— А Вам самому падабаецца адбор вершаў у кнізе «Лепей»?

— Глеб толькі ўчора прынёс мне кніжку, дык я ўстаў сёння а палове шостай раніцы і прачытаў яе ад першай старонкі да апошняй, бо пачнецца дзень, пачнецца мітусня, а так я спакойна пабыў сам-насам са сваімі вершамі. У гэтым ёсць свая асаблівасць: я ў сваёй сям'і, са сваякамі... Мне спадабаўся адбор Глеба. Прычым часам я здзіўляўся гэтаму адбору: так, я ведаю, што гэта мае вершы, але сам я ніколі не даўмеўся б паставіць іх у гэтую кнігу, а яны сапраўды нармальна тут месцяцца!.. Наогул кажучы, калі чытаў гэтую кнігу, я толькі ахаў і здзіўляўся дасведчанасці Глеба. Ён жа чалавек новай фармацыі, новага пакалення... Я помню, як некалі ён прыйшоў да мяне са сваімі вершамі, і што цікава: я некаторыя свае творы пагубляў, але ўсе вершы Глеба, якія ён мне прыносіў, я акуратненька збіраў і пасля, праз некалькі гадоў, перадаў яму.

— Раcказваюць, што Самуіл Маршак, калі да яго ў рэдакцыю прыходзілі маладыя аўтары, заўсёды вітаў іх стоячы, а пасля яшчэ і сам праводзіў да выхаду. І калі ў Маршака запыталіся, чаму ён так сябе паводзіць, дык ён адказаў на гэта: «А раптам геній?»

— Калі працаваў у выдавецтве «Мастацкая літаратура», дык праз мае рукі, праз мае вочы праходзілі тысячы і тысячы радкоў. І калі ўпершыню свае вершы прынёс Глеб, я адразу зразумеў, што з яго будзе паэт. Я ведаў гэта ад самага пачатку.

Дарэчы, таксама я некалі ведаў, што паэт будзе і з Уладзіміра Някляева. І калі ён сабраўся з'язджаць у Маскву, дык мы пайшлі з ім у рэстаран «Мінск», на апошні паверх. Тады я і адгаварыў Валодзю ехаць у Маскву.

— Са слоў Някляева ведаю, што Вы, «па-чалавечы развітваючыся», так напаілі яго, што хоць у яго і быў квіток на цягнік у той вечар, але ні ў якую Маскву ён не паехаў, а тым часам Вы аддалі рукапіс яго кнігі, якая была зарэзана ў выдавецтве «Мастацкая літаратура», на рэцэнзію Панчанку. І Пімен Емяльянавіч, напісаўшы проста на тытульным лісце рукапісу: «Калі выдаваць першыя кнігі вершаў, дык такія», — тым самым вырашыў і лёс першай кнігі Някляева, і яго ўласны лёс: Някляеў застаўся ў Беларусі і ў беларускай літаратуры. І такім чынам стаў не рускім, а беларускім паэтам.

— Прычым выдатным беларускім паэтам... Вось глядзіце: Ігар Шклярэўскі — найвыдатнейшы расійскі паэт, які нарадзіўся ў Бялынічах, але

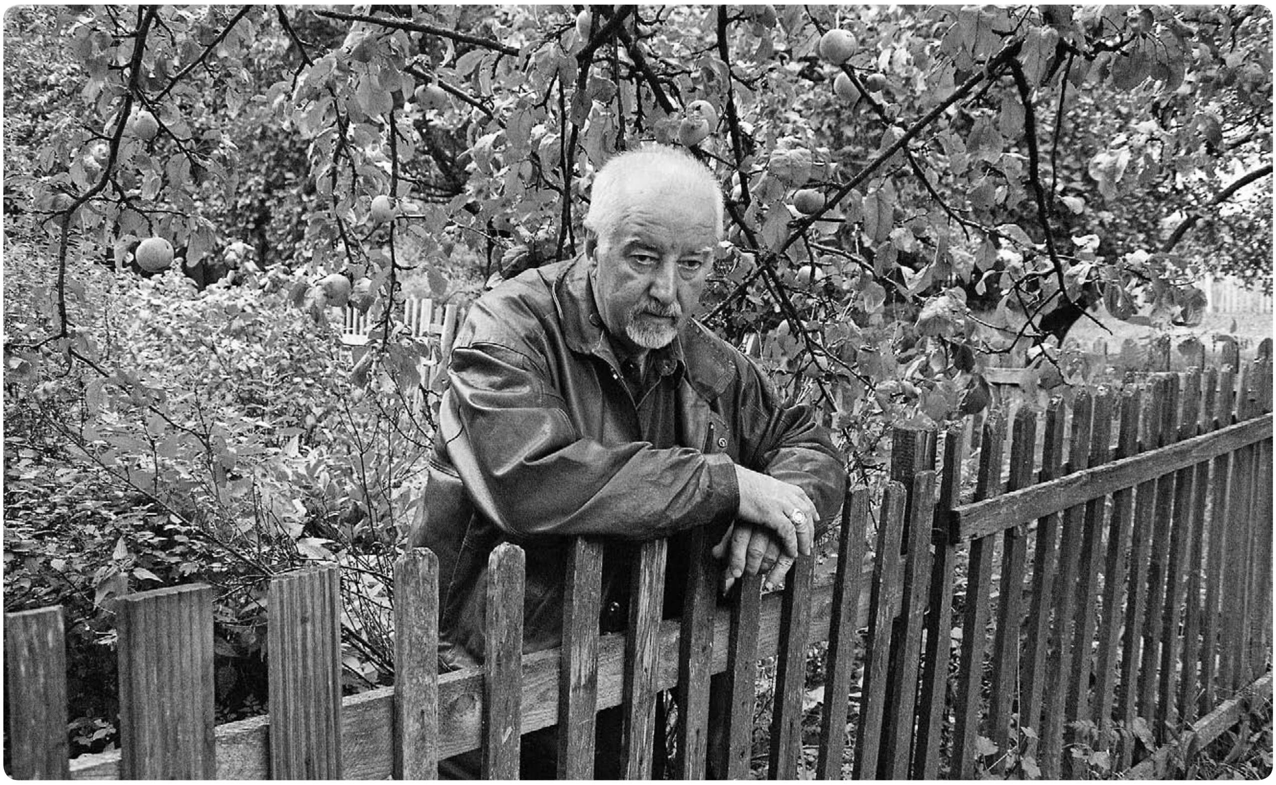

З Наталляй Давыдзенка

Гэта суцэльнае задавальненне — працаваць над такімі матэрыяламі, тым больш калі разумееш, што маеш справу з неацэнным скарбам, бо мова — скарб сапраўды неацэнны. І мая запаветная мара, каб нарадзіўся нарэшце сур'ёзны даследчык творчасці, жыццёвага шляху і асобы Рыгора Барадуліна, бо ён — значная фігура ва ўсёй другой палове XX стагоддзя.

Раней я думала, што добра ведаю Рыгора, бо мы столькі гадоў працавалі разам у выдавецтве «Мастацкая літаратура». І не адной мне, але і шмат каму здавалася, што ён толькі і робіць, што весела бегае ды лётае па жыцці. Аднак гэта была ўсяго толькі вонкавая, падманлівая лёгкасць, бо цяпер, калі два гады таму пачала апрацоўваць яго архівы, бачу, што насамрэч ён працаваў удзень і ўначы — многія яго вершы пазначаны начным часам. Ён працаваў, літаральна як атамны рэактар — без перапынкаў. Гэтае адкрыццё я зрабіла, рыхтуючы яго «Вушацкі словазбор». І калі мне будзе дадзена яшчэ часу нешта зрабіць для Рыгора — буду шчаслівая тым. Хаця працы тут хапіла б не толькі для мяне — для ўсіх, для цэлага інстытута. Але калі гэта яшчэ будзе?..

Наталля ДАВЫДЗЕНКА

даўно жыве ў Маскве. І хоць у Расіі яго ведаюць, але ўсё-такі трэба жыць дома і паміраць трэба дома. Я, можа, сумна гавару, але дзе нарадзіўся, там і трэба паміраць... Хоць, з іншага боку, тут ужо як Бог дасць.

— І на заканчэнне гутаркі: дзядзька Рыгор, ідуць навагоднія святы, Каляды. Ці чакаеце Вы нечага ад наступнага года?

— Так ужо па традыцыі павялося, што ад кожнага новага года чакаеш нечага і старога, і новага: старое каб палепшылася, а новае — каб уразіла сваёй нечаканасцю. Чакаеш, што будзе нейкае прасвятленне на душы, што будзеш зразуметы тым, хто цябе чытае, і тым, хто яшчэ будзе чытаць. І хацелася б, вядома, каб Бог дазволіў троху затрымацца на гэтай зямлі. Бо пад канец хочацца нешта яшчэ напісаць...

Мне ўжо мнагавата гадоў, прычым палову з іх я не п’ю. І калі падумаю, колькі мне цяпер, дык я як той даўні каньяк у бачурках... (Усміхаецца.) Тым не менш я не адчуваю сябе старым. Як паглядзіш — дык той стары, той стары, а сам пра сябе ніколі так не думаеш. Не тое што я да маладых сябе адношу, але проста не хочацца быць старым. А тое, што зморшчыны ды сівыя валасы — дык гэта ўсё маё...

Наогул кажучы, узрост — рэч дзіўная: афіцыйна ды вонкава ён адзін, а на самой справе зусім іншы. Гэта ўсё ад таго, што душа заўсёды маладая. Няма старых душ, няма. І гэта добра, што Бог так распарадзіўся, каб чалавек не мог ведаць, калі памрэ: гэтае няведанне і захоўвае і маладосць, і бадзёрасць, і светлы позірк, і юную душу.

— І калі яшчэ гаварыць пра чаканні, дык, відаць, ледзь не кожны з нас хацеў бы дачакацца, калі ж нарэшце скончыцца гэтая чорная навала і мы будзем жыць, як Вы некалі напісалі, у беларускай Беларусі.

— Я і раніцай устаю — спадзяюся, і ўвечары кладуся спаць — спадзяюся на гэта. А калі не спадзявацца, дык будзеш чакаць, як у тым каптуху, калі табе пададуць мешанку ці ахрап’е... Я ўсё-такі веру латыні: dum spiro, spero — пакуль жывеш, спадзявайся. І таму хачу пажадаць чытачам «Абажура»:

Удзячныя чытачы,
Рыцары «Абажура»,
Воз чэрствых клопатаў цягнучы,
На свой не глядзіце хмура.

Брыда з верхаводкай сплыве.
Рашучасць укленчыць нязгодзе.
І ў цеснай ад задум галаве
Світаць будзе
Навагоддзе!

Фота аўтара

Напрыканцы снежня Беларуская асацыяцыя журналістаў далучылася да Хартыі правоў фрылансераў Еўрапейскай федэрацыі журналістаў, а таксама да Пагаднення з журналісцкімі арганізацыямі Цэнтральнай і Усходняй Еўропы.

Хартыя правоў журналістаў-фрылансераў, ініцыяваная ЕФЖ і ўхваленая на штогадовай сустрэчы ЕФЖ у Бледзе (Славенія) 6–9 красавіка 2006 г., дэкларуе стварэнне роўных умоў працы для фрылансераў і штатных супрацоўнікаў СМІ. Паводле Хартыі, кожнаму фрылансеру на роўных умовах з наёмнымі работнікамі павінна быць гарантавана абарона сацыяльных правоў, напрыклад, аплата бальнічнага ліста, пенсія па ўзросце, дапамога па беспрацоўі і па доглядзе дзіцяці. Што датычыцца прафесійнай дзейнасці, кожны фрылансер, як і штатны журналіст, павінен мець права збіраць інфармацыю, абараняць яе крыніцы, адстойваць этычныя стандарты прафесіі. Кожны фрылансер, у прыватнасці, захоўвае ўласнае аўтарскае права, ён павінен мець магчымасць выбіраць найбольш зручную для сябе форму працоўнай дзейнасці і інш.

Да ўсяго Рада БАЖ ратыфікавала падпісанне Дэкларацыі аб супрацоўніцтве з журналісцкімі арганізацыямі Украіны, Польшчы, Малдовы і Расіі.

Асацыяцыя польскіх журналістаў, Нацыянальны саюз журналістаў Украіны, Незалежны медыяпрафсаюз Украіны, Саюз журналістаў Малдовы, Беларуская асацыяцыя журналістаў і Саюз журналістаў Расіі маюць намер у межах Дэкларацыі разам змагацца з выпадкамі перашкодаў журналісцкай дзейнасці, праводзіць супольнае навучанне і абмен досведам у рэфармаванні СМІ, ладзіць дні памяці забітых калег і сумесныя акцыі пад агульнай назвай «Беспакаранасць забівае».

«Мы, журналісты Цэнтральнай і Усходняй Еўропы, якія маюць аднолькавы досвед камуністычнага таталітарызму, цэнзуры, барацьбы за свабоду слова і незалежную журналістыку, прагнем звярнуць асаблівую ўвагу на праблемы журналістаў у гэтай частцы Еўропы», — гаворыцца ў Дэкларацыі пра супрацоўніцтва.

в. Малыя Нягновічы,
Барысаўскі р-н